

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам
VI Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 30 сентября 2015 г.

В десяти частях
Часть V

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
С 56

Современные тенденции развития науки и технологий :
С 56 сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции 30 сентября 2015 г.: в 10 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – № 6, часть V. – 144 с.

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам VI Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 сентября 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по филологии, искусствоведению и культурологии.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

УДК 001
ББК 72

ISSN 2413-0869

© Коллектив авторов, 2015
© ИП Ткачева Е.П. (АПНИ), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Азаренко Н.Н.</i> К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТИПА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	6
<i>Андреева А.И.</i> ОСОБЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	8
<i>Архипова И.С., Олехнович О.Г.</i> МЕДИЦИНСКИЙ РЕЦЕПТ XVII В. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	10
<i>Ахметшина Л.В.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ И СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ В ЯЗЫКЕ	13
<i>Бабаева А.В.</i> СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЗРАСТ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	16
<i>Батыршин Ш.Ф.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	20
<i>Богачкина С.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ В РАССКАЗАХ М. ГОРЬКОГО 1910-х ГОДОВ (ЦИКЛ «ПО РУСИ»).....	22
<i>Боковели О.С.</i> ЗАМКНУТО-РАЗОМКНУТАЯ СИСТЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА НАТАЛЬИ АХПАШЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «КВАРТА»)	24
<i>Букач О.В.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЬЕС ДРАМАТУРГОВ-АБСУРДИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ Г. ПИНТЕРА «ВЕТРАУАЛ» / «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)	30
<i>Бурдун С.В.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА «БОЯ» В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАЛЕРИК»	36
<i>Буренкова О.М., Гилязева Э.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ «KIND» И «ДОБРЫЙ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ).....	39
<i>Власенко Г.М.</i> К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕПОЛНЫХ, ОДНОСОСТАВНЫХ, ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ И ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ СТРУКТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	43
<i>Гвоздецкая Н.Ю.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ).....	48
<i>Головенкина Ю.А.</i> ПЕРЕВОДЧИК – ПОСРЕДНИК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	51
<i>Гросс М.А.</i> ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АФФИКСАЦИИ КАК СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДОГОВОРНОГО ПРАВА ..	54
<i>Долженков В.Н.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ОТНОШЕНИЯ В ДИСКУРСЕ.....	56
<i>Епатко Т.А.</i> ПОЭТИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПУЛИ ПРИ ЭКСПЛИКАЦИИ МОТИВА ОПАСНОСТИ В КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ.....	61
<i>Ермакова Г.А.</i> ЛИРИКА Г.Н. АЙГИ КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИРОВИДЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА	64

Жебрунова Л.А., Носова Т.В. АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТИПИЧНОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА СМИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «THE ECONOMIST»).....	67
Загрядская Н.А. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АНГЛИЧАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИЧНОСТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	71
Зубаирова И.Г. ИСКОННО БАШКИРСКИЕ СЛОВА СРЕДИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА	73
Кобрин Н.В. РОЛЬ ХЭШТЕГОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТЕРЕОТИПА В ТВИТТЕРЕ.....	75
Кулинцева Н.А. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА.....	78
Кун Е.В., Андреева С.А. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ У ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ЭТАПЕ ПРЕДВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ.....	80
Миронова Г.В., Торопова Т.В. ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ТИП ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	84
Нелькенбаум В.М. СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В НАЗВАНИЯХ СТИХОТВОРЕНИЙ Б.Л. ПАСТЕРНАКА.....	86
Петришина Е.Ю., Неровная М.А. РОЛЬ ГЛЮТТОНИЧЕСКИ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ СРАВНЕНИЙ В РАСКРЫТИИ ГЛУБИННОГО СМЫСЛА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ХАРРИС «FIVE QUARTERS OF AN ORANGE»).....	89
Полежаева С.С. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ СЕМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОРРЕЛЯТИВНЫХ ОППОЗИЦИЯХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ	93
Прах Д.А. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	98
Романова М.М. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МЕЛИОРАТИВНОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	102
Сивенко А.В. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	105
Тесцов С.В. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОКОВ В ПИСЬМАХ Г. УОЛПОЛА.....	107
Шановалова И.А., Шановалов М.В. РАЗВИТИЕ ФУНКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА.....	110
Шастина Е.В. АКСИОМАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТАКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА АВСТРАЛИЙСКОГО КРИОЛА.....	116
Шевченко Е.Б. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ.....	119
Шевченко Е.Б. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ.....	121
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	124
Дерева Р.М. ПРОЕКТИВОГРАФИЧЕСКОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	124
Евтух Т.В., Худяков К.С. МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА ЯПОНИИ У СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА И ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ.....	127

<i>Никольская А.А.</i> РУССКИЕ КУПЦЫ И «НОВЫЕ РУССКИЕ»: ОБЩЕЕ БЕЗ ОСОБЕННОГО	130
<i>Орлова Н.В.</i> ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА АУГУСТА ЯНСЕНА В КОНТЕКСТЕ ЭСТОНСКОГО ИСКУССТВА 20 ВЕКА.....	137
<i>Худяков К.С.</i> ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЯПОНИИ.....	140

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТИПА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Азаренко Н.Н.

доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент,
Липецкий государственный педагогический университет, Россия, г. Липецк

В статье рассматривается эволюционирование художественных типов в творчестве Ф.М. Достоевского, приведшее к появлению образов-двойников как в рамках одного произведения, так и в разных романах «Пятикнижия».

Ключевые слова: эволюция, художественный тип, творчество, Ф.М. Достоевский.

Как известно, Ф.М. Достоевский часто возвращался к типам, постоянно преследующим его. А.Л. Бем писал, что «для изучения Достоевского приобретают... большое значение творческие остатки его законченных романов» [1, с. 117].

Одним из примеров подобной эволюции образов является «продолжение» типа, представленного в романе «Преступление и наказание» образами Раскольникова и Свидригайлова. Продолжение это реализуется не только Николаем Ставрогиным из романа «Бесы», но и Иваном Федоровичем Карамазовым из последнего романа писателя.

Иван, как и Раскольников, возмущен учением церкви, согласно которому дети страдают в силу общей человеческой греховности, т.е. в наказание за первородный грех. Так же как Раскольников, Иван вербализовал свои взгляды, послужившие идеологической основой преступления, в статье, а впоследствии, когда грех совершился, также не вынес своей идеи. Иван, так же как Раскольников, одержим идеей, он такой же убийца, не физический, но идеологический – «в душе» (сам Иван про себя называет себя «в душе убийцей») [4, с. 56].

Так же как главный герой романа «Бесы» Николай Ставрогин, который, по его словам, видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное и насмешливое существо [2, с. 9], Иван Федорович Карамазов общается с чертом, предстающим в виде «*потертого приживальщика*», мечтающего «*войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца*» [3, с. 74]. Так же как Ставрогин, Иван Карамазов «разрешил» убийство (отца) и самоубийство: именно Иван, вложивший в бесовскую душу Смердякова формулу «все дозволено», по сути, убил его. Прокурор на суде говорит: «... **идиот** (Смердяков. – Н.А.) на этом тезисе, которому обучили его, и сошел с ума окончательно...» [4, с. 127].

Прочитанная номинация Смердякова очень интересна: существительное «идиот» в языковой картине мира Достоевского почти всегда вступает в синонимические отношения с лексемами «чудак», «странный», «юродивый» и почти всегда выступает в качестве лексического средства объектива-

ции метафоры «у-Бог-ости». В данном же случае номинация «идиот» явно выражает противоположную семантику, что лишний раз подтверждает амбивалентность творчества Достоевского.

Все беды России Достоевский видит в усвоении западной псевдоучености, которая исказила или даже стерла совсем сложившиеся веками духовные ценности, поэтому образованность (Раскольников, Ставрогина, Ивана Карамазова), в понимании Достоевского, всегда указывает на то, что разум во власти идеи, а душа – бесовщины. Даже черт Ивана (то есть его «ученый» разум) говорит: «... у нас там все теперь помутились, и все от ваших наук. Еще пока были атомы, пять чувств, четыре стихии, ну тогда все кое-как клеилось... А вот как узнали у нас, что вы там открыли у себя “химическую молекулу”, да “протоплазму”, да черт знает что еще – так у нас и поджались хвосты. Просто сумбур начался...» [4, с. 78]. Очень интересно использование в данном контексте устойчивых выражений, компоненты которых узואально в разной степени, но всегда десемантизированы. В контекстной же их реализации у Достоевского в монологе черта частично происходит обратный процесс: помимо единого фразеологического значения компоненты идиом начинают реализовывать собственное лексическое значение.

Разум Ивана отрицал бессмертие и загробное воздаяние, что диктовало вседозволенность. Но черт Ивана – свидетельство наличия того, что так истово отрицалось Иваном. В этом трагедия «ученого атеиста»: совесть начинает говорить, обнаруживая безнадежную греховность своего хозяина.

На суде Иван обличает себя, он чувствует свое критическое состояние, душа его взывает к Богу, и имплицитно это, как всегда у Достоевского, в метафорической форме: «*Есть у вас вода или нет, дайте напиться, Христа ради!*» [4, с. 117]. Эта метафора имплицитно идею смены нравственных ориентиров: в противоположность «хлебу», то есть материальной силе мира, под водой здесь однозначно разумеется «живая вода» христианской истины и любви (см., напр.: Евангелие от Иоанна, гл. 4, ст. 10, 14, гл. 7, ст. 37-38; Откровение Иоанна, гл. 21, ст. 6). Ту же смену нравственных ориентиров мы наблюдаем и в случае с образами-предтечами Ивана Карамазова, но все они (кроме Раскольникова с «его» Соней), победив дьявола, не стали рабами Божьими, а потому их уделом стал вечный мрак, что, по-видимому, предназначено и для Ивана Карамазова.

Список литературы

1. Бем, А.Л. Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди Ставрогина») // А.Л. Бем. Исследования. Письма о литературе. – М., 2001. – С. 117.
2. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. [Текст] / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т. XI. – С. 9.
3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. [Текст] / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т. XIV. – С. 74.
4. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. [Текст] / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т. XV. – С. 56 – 127.

ОСОБЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Андреева А.И.

аспирант кафедры романской филологии,
Московский государственный областной университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Россия, г. Москва

В статье рассматривается понятие безличности в испанском языке. Выделяются особые случаи выражения безличности: конструкции с глаголом в форме первого лица множественного числа и конструкции с глаголом в форме второго лица единственного числа. Рассматриваются семантические различия данных конструкций на примере фактического материала из испанской художественной литературы и прессы.

Ключевые слова: семантика, безличное значение, форма второго лица единственного числа, форма первого лица множественного числа.

Одним из трудных явлений в испанском языке является безличность. Данное понятие не входит в рамки одной определенной конструкции, как, например, во французском языке, где безличная конструкция имеет общую модель «П+ V».

В лингвистике существует два способа выражения лица в глаголе – это глагольная флексия и личные местоимения. При построении личных предложений в испанском языке местоимения часто опускаются, следовательно. Таким образом глагольное лицо выражается флективно.

В данном случае лексико-семантическая информация, которую содержит предложение, главенствует над синтаксической и морфологической информацией. Из этого следует заключить, что при определении семантики в испанском языке следует руководствоваться не только синтаксическим статусом данной конструкции, но и семантикой глагола и всей конструкции в целом в рамках определенного контекста.

За счет влияния семантического фактора, возможна связь неопределенно-личного и безличного значений. Такого явления не наблюдается во французском языке, где оба значения грамматически дифференцированы.

Таким образом, основное значение неопределенно-личных конструкций (обобщенность субъекта действия) и основное значение безличных конструкций (отсутствие субъекта действия) тесно связаны. Испанские исследователи объединяют эти конструкции в безличные [1, с. 75].

К одному из способов выражения безличности в испанском языке исследователи относят конструкции с глаголами в форме второго лица единственного числа.

Антонио Льоренте Гевара считает, что данные конструкции присущи только разговорной речи, в диалоге, где участвуют два лица [2, с. 205].

Леонардо Гомес Торрего в своем исследовании конструкций с безличным значением выделяет два значения конструкций с глаголом в форме второго лица единственного числа:

1) Обобщение:

La verdad es que (tú) nunca sabes cuándo vas a morir.

В данной конструкции “nunca sabes” можно заменить “nunca se sabe”, “nunca sabemos”, “nunca sabe uno”

2) Замена “yo” на “tú” с целью усиления эмоционального окраса ситуации за счет обобщения:

Hooy tengo uno de esos días en que te encuentras deprimido sin saber por qué.

В данном случае “te encuentras deprimido” можно заменить “me encuentro deprimido” [3, с.13].

При анализе фактического материала встретились подобный тип конструкций.

Глаголы в форме второго лица единственного числа в рамках контекста могут употребляться в значении «все», «кто-то». Так, например:

O sea, uno no tiene la conciencia de que en el futuro si tú no te das tus propias cosas, tú estás pelando, ¿no? (CREA oral, Venezuela)

La vida no vale nada. Cuando [Ø] te das cuenta eres ya viejo y estás para morirte (Landerero, Juegos).

Такие конструкции можно сравнить с конструкциями, где употребляется местоименная форма глагола, как например «*En Australia se maneja por la izquierda*». В таких конструкциях субъект действия неизвестен, и конструкция имеет обобщенное значение (‘todo el mundo’, ‘la gente en general’).

Также конструкции с глаголами в форме первого лица множественного числа в рамках контекста могут иметь безличное значение. Данные конструкции не называют конкретного слушателя и имеют значение обобщения.

Например:

Aquellas primeras imágenes, el eco de esas palabras que creemos haber dejado atrás, nos acompañan toda la vida y esculpen un palacio en nuestra memoria al que, tarde o temprano -no importa cuántos libros leamos, cuántos mundos descubramos, cuánto aprendamos u olvidemos-, vamos a regresar. (Carlos Ruiz Zafón, La Sombra del Viento)

В данном предложении автор не подразумевает конкретную группу лиц, употребляя глаголы в форме первого лица множественного числа (*leamos, descubramos, aprendamos, olvidemos, vamos*). Исходя из анализа контекста, можно предположить, что автор говорит про каждого человека. Такой стилистический прием делает основную мысль автора более понятной и доступной для каждого.

В испанском языке подобные конструкции также употребляются в переносном значении, при обращении к конкретному собеседнику:

Se acercaba un hombre pequeño, ¿cómo vamos?, ¿cómo vamos? ¿Qué tal se encuentra usted? (García-Badell, Funeral)

Такие конструкции употребляются для выражения вежливости и особого почтения к собеседнику.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что особенностью испанского языка является употребление личных конструкций с глаголами в первом и втором лице. Синтаксически данные конструкции имеют субъект действия, так как флективно показывается лицо и число. Но в рамках определенного контекста, данные конструкции употребляются в переносном (безличном) значении.

Список литературы

1. Gili Gaya S. Curso superior de syntaxis española. Barcelona: Bibliograf S.A., 2000. 547 p.
2. Llórente Maldonado de Guevara A. La expresión de la impersonalidad en español // Actas del IV Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. -Salamanca, 1971. - P. 199-209 p.
3. Torrego L. G. La impersonalidad gramatical: descripción y norma. Madrid: Impreso por Gráficas Torrejón, S.A. 1998. 72 p.

МЕДИЦИНСКИЙ РЕЦЕПТ XVII в. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Архипова И.С.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент,
Уральский государственный университет, Россия, г. Екатеринбург

Олехнович О.Г.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент,
Уральский государственный университет, Россия, г. Екатеринбург

В статье рассматривается медицинский рецепт как источник исторической лексикографии. Несмотря на имеющиеся исторические словари, специальная лексика XVII в. представлена в них далеко не в полном объеме. Изучение лексики медицинских рецептов, появившихся в указанный период, могут восполнить этот пробел. Предстоит большая работа по определению состава Словаря специальной лексики, типологии и оформлению словарных статей.

Ключевые слова: медицинский рецепт, историческая лексикография, медицинская лексика, лексические варианты, фитонимы.

Медицинский рецепт (от лат. *rescriptum* ‘взятое’) – это документ, который имеет устойчивую структуру, заполняется врачом по определенным правилам. В рецепте важную роль играет каждый компонент, но особая значимость придается названиям лекарственных препаратов и их количеству.

Традиция выписки рецепта в России зародилась в XVII в., когда медицина начала формироваться как научная дисциплина. Именно в это время впервые появились рецепты сначала в рамках делового документа, затем в качестве самостоятельного жанра медицинского документа. Большая часть

рецептов хранится в Архиве Древних актов в «Документах Аптекарского приказа» (далее ДАП) [4]. В частности, в «Актах исторических, собранных и изданных Археографической комиссией» [4] опубликовано немногим чуть более тридцати рецептов, более половины из них – с переводом на русский язык. Несмотря на имеющиеся опечатки и ошибки, связанные с дешифровкой, их публикация позволила получить не только представление о данном медицинском документе, но и значительно расширить лексический материал, особенно по медицинской тематике. Наибольшую ценность представляют рукописные рецепты, так как их дешифровка помогает установить автора-врача, его ‘графическое поведение’, увидеть общие и индивидуальные особенности в написании рецепта. Одни врачи активно использовали символы, другие предпочитали полное название лекарственного средства; одни строго следовали сложившейся структуре написания рецепта, другие нередко нарушали ее; одни чаще использовали препараты растительного происхождения, другие предпочитали химические препараты.

Рецепты XVII в. напоминают современные, но все-таки имеют существенные различия как по форме, так и по содержанию. Особый интерес представляет их перевод с латинского на русский язык, что позволяет провести соответствия латинских и русских названий рассматриваемого периода, а также сравнить их с современными.

Основной особенностью лексики рецептов является доминирование латыни, поэтому в специальном историческом словаре именно латинское слово должно стать основным. Соответствующие им слова других языков в этом отношении должны быть вторичными, поскольку являются переводными. Жанр документа лекарственного рецепта вводился, в основном, немецкими врачами, которые соблюдали традицию, установившуюся в Западной Европе. Некоторые рецепты «выдают» происхождение их авторов – в них проскальзывают слова на немецком языке. Никакой системы употребления немецких слов не усматривается: родной язык врачи используют для записи разных групп слов. Среди них немало фитонимов (нем. *Ehrenpreis* вместо лат. *Veronica* ‘вероника’, нем. *Calmus* вместо лат. *Calamus* ‘игирь’, нем. *Lorberen* вместо лат. *Laurus* ‘бобковое дерево’, нем. *Zeduar* вместо лат. *Zedoaria* ‘цытварной корень’), химических соединений (нем. *Bleiweiß* вместо лат. *Cerussa* ‘свинцовые белила’, нем. *weiß Vitriol* вместо лат. *Vitriolum Zinci* ‘купорос белый’, нем. *grün Vitriol* вместо лат. *Vitriolum Martis* ‘купорос зеленый’), нем. *Krebsaugen* вместо лат. *oculi Cancrorum* ‘глаза раковые’, нем. *Weiber Bornstein* вместо лат. *Succinum album* ‘янтарь белой’. Использование в рецептах немецких слов можно считать частным случаем некоторых врачей.

В ДАП встречается важная информация о том, какие лекарства, когда и откуда ввозились. Это обстоятельство во многом определяло приоритет при номинации неологизмов. Оказывали определенную роль и профессиональные качества переводчика. Кроме того, дата выписки рецепта выявляла не только период вхождения определенного слова в терминосистему, но и позволяла хронологически проследить за его изменением. Все эти факторы дают возможность наблюдения за процессами терминообразования в их динамике,

выявления особенностей номинации, специфики отбора словообразовательных средств, использования определённых моделей при образовании новых терминов.

В рецептах представлена преимущественно медицинская лексика. Стоит отметить, что XVII в. она была недостаточно изоморфной, поскольку использовала ряд других, еще не сложившихся терминологий: химическую, ботаническую, зоологическую, фармакогностическую, фармакологическую, минералогическую, а также терминологии других медико-биологических научных направлений. Таким образом, медицинский словарь XVII в. будет полезен не только медицинским специалистам.

В рецептах в большом количестве фиксируются названия лекарственных форм как новых для рассматриваемого периода (*sirupus* ‘сироп’, *succus* ‘сок’, *extractum* ‘экстракт’, *pilula* ‘пилюля’), так и известных издавна (*emplastrum* ‘пластырь’, *unguentum* ‘мазь’, *pulvis* ‘порошок’). Переводчики, испытывая затруднения при переводе неологизмов, часто транслитерировали их, а не переводили на русский язык (*tinctoria* (настойка) ‘тинктура’, *species* (лекарственный сбор) ‘специэсь’). Именно в рассматриваемый период идет активное освоение неологизмов, поэтому в ДАП не удивляет огромное количество вариантов – так, *species* имеет несколько графических – ‘списиэсь’ // ‘спісієсь’ // ‘спецыусь’, фонетических – ‘специэсь’ // ‘спісіэсь’ // ‘спецыусь’, морфологических – ‘специо’ // ‘специэсь’ вариантов; достаточно вариативным считается экстракт – ‘экстрактъ’ // ‘екстрактъ’ // ‘икстрактъ’ // ‘экстрактумъ’ // ‘экстрактомъ’.

Некоторые группы слов, например, части растений имеют более устойчивые формы – *folium* ‘лист’, *flos* ‘цветок’, *radix* ‘корень’, хотя и среди них находятся незначительное количество вариантов (‘корень’ // ‘корень’).

В рецептах встречается более 300 фитонимов. Многочисленные варианты увеличивают количество названий в несколько раз. Например, *Althaea* ‘алтей’ // ‘зензиверь’ // ‘проскурникъ большой’, *Centaurium* ‘синтауриумъ-минусь’ // ‘трава золотатысечи’, *Chamomilla* ‘ромонь’ // ‘хамомила’ // ‘цветь рамоновъ’, *Hypericum* ‘зверобой’ // ‘зверобойная трава’ // ‘инбирикъ’, *Rosa* ‘роза’ // ‘дерево сварбаринное’ // ‘свороборина’ // ‘сереборинникъ’ и другие. Многие варианты являются равноправными. Если учитывать не только лексические, но и грамматические варианты, то их будет еще больше. Так, латинскому ботаническому названию *Alpinia galanga* соответствует фармацевтическое *Galanga*, которое в русском варианте кроме ‘галанга’ имеет многочисленные фонетико-грамматические варианты – ‘галана’ // ‘галега’ // ‘галганъ’ // ‘галханъ’ // ‘кальганъ’ // ‘инбирь’ // ‘галганъ’ и т.п.

Вариативность всегда создает большие трудности при составлении словарей, поэтому необходимо грамотно подготовить методику отбора лексических единиц.

Мы привели лишь небольшой лексикографический материал из рецептов XVII в. Но даже он показывает, какая работа предстоит по определению состава Словаря специальной лексики, типологии и оформлению словарных статей.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 3 (1613-1645 гг.), СПб тип. Экспедиции Государственных бумаг. – С. 474-475, 479-491.
2. Материалы для истории медицины в России, вып. 4, СПб.– 1885. 1300 с.
3. Олехнович, О.Г. Медицинская терминология в «Делах Аптекарского Приказа» (XVII в.). [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О.Г. Олехнович. – Екатеринбург, 2000. – 307 с.
4. Российский Государственный Архив Древних актов (РГДА). Фонд 143.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ФОНЕТИЧЕСКОЕ, МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ И СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Ахметшина Л.В.

доцент кафедры иностранных языков и языкознания, канд. филол. наук,
ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная академия физической
культуры, спорта и туризма», Россия, г. Казань

В статье рассматривается международная лексика и способы ее освоения. Морфологическое, фонетическое, синтаксическое освоение международных лексических единиц ставит их на уровне родных слов и облегчает понимание, овладение этими словами. Наличие международной терминологии в языке дает возможность называть явления теми определениями, которые понятны всем и обогатить язык.

Ключевые слова: международные термины, освоение слов, морфология, синтаксис, фонетика, обогащение языка.

Освещение проблемы международной лексики на нынешнем этапе двуязычия, многоязычия, свободного демократического развития национальных языков, проявления интеграционных процессов в области совершенствования общественных и национальных отношений, играет очень важное, крайне актуальное значение, так как оно привнесет существенный вклад в научное исследование общетерминологического фонда в разноструктурных языках при активной интеграции к европейской цивилизации.

Международная лексика, терминология – это общелексический фонд, функционирующий в трех и более широкораспространенных, мировых языках [1, с. 56].

Международную лексику составляют общие слова, сходные (аналогичные) по правописанию, произношению, семантике и мотивировке в разных разнотерминологических, разноструктурных, разногенетических, разнофункциональных языках [1, с. 58].

Освоение международной лексики в разноструктурных английском, русском и татарском языках происходит на основе взаимодействия законов интралингвистических и экстралингвистических фактов, т.е. лингвистического и общественно-социального факторов и касается фонетического, морфологического, синтаксического аспектов. Каждый аспект показывает разную степень освоенности интернационализмов, что связано со специфиче-

ской системой данных отделов языкознания. Далее следует остановиться на них в отдельности [3, с. 37].

Под фонетическим освоением международных слов в разноструктурных языках имеется в виду адаптация интернационализмов к фонетической системе отдельных национальных языков. Но при этом надо подчеркнуть то, что интернационализмы в русском и татарском языках, в отличие от английского языка, в основном произносятся одинаково. Можно обратиться к примерам: англ. *laboratory* [læbərətəri], нем. *laboratorium*, фр. *laboratoire*, рус. *лаборатория*, тат. *лаборатория*.

Интернационализмы, касающиеся техники, медицины, науки главным образом адаптируются к фонетическим системам многих языков разных ареалов.

Морфологическая адаптация международной лексики к английскому, русскому и татарским языкам подразумевает приспособление интернационализмов к морфологической системе языков. В этих языках имеются некоторые интернациональные существительные, прилагательные, которые даже без трансформации находят применение. В этом случае они приобретают надлежащие словообразовательные и формообразующие окончания, характерные аффиксы, суффиксы отдельных национальных языков, что и выполняется в процессе их морфологического освоения.

Можно обратиться к некоторым примерам: англ. *post* [pəʊst], рус. *почта*, тат. *почта*; англ. *specific* [spesɪfɪk], рус. *специфический*, тат. *специфик*; англ. *sputnik* [sputnik], рус. *спутник*, тат. *спутник*; англ. *progress* [prəɡres]; рус. *прогресс*, тат. *прогресс*; англ. *algebra* [ˈældʒɪbrə], рус., тат. *алгебра*.

Эти слова заимствованы из греческого, латинского, арабского и из других языков.

Как уже было сказано выше интернационализмы, международные слова и термины морфологически адаптируются исходя из морфологической специфики языков. Они образуются следующим образом:

1) греко-латинское слово + национальные суффиксы, аффиксы: англ. *vulgarism*, рус. *вульгарность*, тат. *вульгарлык*; англ. *activity*, рус. *активность*, тат. *активлык*; англ. *compensative* [kəmpensetɪv], рус. *компенсирующий*, тат. *компенсацияләуче*; англ. *activate*, рус. *активизировать*, тат. *активлаштыру*; англ. *politician* [pəlitɪʃn], рус. *политик*, тат. *политик* // *сәясәтче*; англ. *economics* [i:kənomiks], рус. *экономика*, тат. *экономика* // *икътисад*; англ. *elasticity* [i:læstɪsɪti], рус. *эластичность*, тат. *эластиклык* и т.д.

2) арабские и персидские слова + национальные аффиксы: тат. *әдәбиятчы* (*литератор*), *дәүләтчелек* (*государственность*), *икътисадчы* (*экономист*).

3) греко-латинские слова, морфемы, прилагательные почти одинаково осваиваются в английском и татарском языках, в отличие от русского языка: англ. *democratic*, рус. *демократический*, тат. *демократик*, англ. *practical* [præktɪkl], рус. *практический*, тат. *практик*; англ. *complex*, рус. *комплексный*, тат. *комплекслы* и т.д.

4) русские слова + национальные суффиксы: англ. *soviet*, рус. *советский*, тат. *совет, советчы*; англ. *sovietise*, рус. *советизировать*, тат. *советлану*, англ. и др. [2, с. 42].

Морфологическое освоение в разноструктурных, разносистемных английском, русском и татарском языках осуществляется на основе морфологических законов национальных языков и зависит от специфики словообразования названных языков, пополняется новыми морфологически освоенными интернационализмами постсоветского времени.

К синтаксически адаптированным интернационализмам в разноструктурных языках можно отнести международные слова и термины, которые формируются на основе сложения нескольких корней, слов, или же образуются с помощью словосочетаний, обозначающих одно понятие. Такие международные слова можно поделить на группы:

1. Сложные интернационализмы: англ. *pseudorevolution*, рус. *псевдореволюция*, англ. *pseudoscientist*, рус. *псевдоученый*, тат. *псевдогалим // ялганчы галим*; англ. *astrophotometric*, рус. *астрофотометрический*, тат. *астрофотометрик*; англ. *cosmobiology*, рус. *космобиология*, тат. *космобиология*; англ. *astronomic // astronomical*, рус. *астрономический*, тат. *астрономик*; англ. *astrophysicist*, рус. *астрофизик*, тат. *астрофизик*.

2. Парные интернационализмы: англ. *marxism leninism*, рус. *марксизм-ленинизм*, тат. *марксизм-ленинизм*; англ. *tele-fax*, рус. *телефакс*, тат. *телефакс*; англ. *interfax*, рус. *Интерфакс*, тат. *Интерфакс* и т.д.

3. Интернационализмы-словосочетания: англ. *commercial structure*, рус. *коммерческая структура*, тат. *коммерсиячел структура*; англ. *communist party*, рус. *коммунистическая партия*, тат. *коммунистлар партиясе*; англ. *dictatorship of proletariat*, рус. *диктатура пролетариата*, тат. *пролетариат диктатурасы*; англ. *complex of the problems*, рус. *комплекс проблем*, тат. *проблемалар комплексы*; англ. *role of the democracy*, рус. *роль демократии*, тат. *демократия роле* и т.д.

4. Сложносокращенные интернационализмы: англ. *ex-USSA*, рус. *бывший СССР*, тат. *элеке СССР*; англ. *The USA*, рус. *США*, тат. *АКШ*; англ. *kolkhoz*, рус. *колхоз*, тат. *колхоз*; англ. *sovkhos*, рус. *совхоз*, тат. *совхоз*; англ. *UNO (United Nations Organization)*, рус. *ООН*, тат. *БМО* и т.д. [4, с. 8].

В школьных и вузовских учебниках, газетах, журналах, художественной литературе в названных разноструктурных английском, русском и татарском языках фонетически, морфологически освоенные интернационализмы, международные слова и термины занимают свое достойное место. Большею частью они относятся к существительным, глаголам и прилагательным. В частности, если проанализировать учебники 90-2000 годов, газеты и журналы этого же периода, то можно констатировать то, что 78,5% интернациональных существительных, 21,2% интернациональных глаголов, 12,5% интернациональных прилагательных успешно употребляются в них, вносят свой своеобразный вклад в обогащение лексических систем языков на современном этапе развития языков и общества.

Все примеры из разноязычных источников свидетельствуют о разной степени освоенности морфологического, фонетического и синтаксического характера, исходящего из национальной специфики, структуры отдельных языков.

Список литературы

1. Акуленко, В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В. В. Акуленко. – Харьков, 1972. – 215 с.
2. Ахунзянов, Э.М. Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков / Э.М. Ахунзянов. – Казань, 1987. – 158 с.
3. Хайруллин, М.Б. О языковом строительстве терминотворчестве в разносистемных языках / М.Б. Хайруллин // Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка. – Казань, 1994. – С. 37-46.
4. Хайруллин, М.Б. Интернациональная терминология в татарском языке / М.Б. Хайруллин. – Казань, 1975. – 23 с.

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЗРАСТ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Бабаева А.В.

магистрант 3 года обучения института межкультурной коммуникации и международных отношений,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), Россия, г. Белгород

В статье рассматривается концепт «возраст» в рамках русской и английской языковых картин мира в исследованиях различных ученых. А так же актуальность изучения данного концепта не только в лингвистике, но и любой области знаний, связанной с жизнедеятельностью человека.

Ключевые слова: концепт, возраст, человек, age, языковая картина мира.

Языковое освоение элементов действительности представляло интерес для многих исследователей. В разных языках изучение различных концептов, таких как «жизнь», «любовь», «надежда», «свобода», «время», «дружба» и пр. представляло интерес. Так и концепт «возраст» неоднократно подвергался исследованиям ряда ученых. Так Г.А. Путягин (1974) и А.Т. Ашхаров (2002) рассматривали лексическую группу возрастных имен в связи с идеографическим описанием семантического пространства «возраст» на материале русского языка. Литвиненко Ю.Ю. (2006) изучал с помощью полного систематического описания лексико-семантического поля «возраст» место стереотипных представлений о возрасте в семантическом пространстве образа человека. Н.Д. Арутюнова (1999) сравнила семантические конструкции с синонимами «молодой – новый» применительно к категории вечности. Анализ понятий «пора» и «возрастная пора» стал результатом исследований Е.С. Яковлевой (1996). Д.А. Катунин (2005) рассматривал языковое воплощение времени в русской языковой метафоре.

Лингвокультурологический аспект в русской языковой картине мира просматривается в работах Л.Н. Михеевой (2004) при изучении понятия «время». Так же построением модели времени занимался Д.Д. Ищук (1995) на русско-славянском материале.

В последнее время просматривается интерес к сравнительно-сопоставительному анализу концепта «возраст» на базе русского и американского английского (Фёдоров М.А., 2006), русского и немецкого (Щербина В.Е., 2006), английского, русского и кабардинского (Шокуева М.К., 2006), русского и французского языков (Сороколетова Н.В., 2000).

Объектами сопоставительного анализа становились и отдельные компоненты концепта «возраст». Так Хашимов Р.И. (1973) изучал формирование русской возрастной лексики. Л.В. Фролова (1989) провела анализ тематических групп наименований совершеннолетних в русском языке в диахроническом аспекте. И.М. Любина (2006) рассмотрела концепт «возраст» как сложный ментальный комплекс в системе ценностей русской, британской и американской лингвокультур.

Всеми признанно, что «возраст» – это концепт, являющийся неотъемлемым элементом объективной действительности, который отражается в сознании носителей языка в совокупности языковых и речевых средств и подвергается концептуализации. Данному концепту характерны такие универсальные когнитивные категории как «время» и «развитие», что отражается при моделировании человеком личной картины мира. То есть возраст является воплощением поэтапного развития человека во времени. В русской языковой картине, как и в английской, остается актуальной древнейшая семантико-прагматическая оппозиция «молодость-старость», «восходящая/нисходящая линия жизни».

Изучение данного концепта является актуальным предметом исследований в любой области знаний, связанной каким-либо образом с человеком и его жизнедеятельностью. Так в социологии, психологии, биологии, физиологии, педагогике, этнографии, культурологии, медицине и др. сферах изучаются возрастные особенности. Данные об особенностях возрастных периодов находят отражение в политологии, экономике и праве. Само понятие «возраст» является ключевым в геронтологии, возрастной психологии и возрастной педагогике. Это проявляется в связи с тем, что понятие «возраст» играет большую роль в физической и общественной жизни человека.

Концепты возраста вербализуются в языке (в данном случае речь идет именно о языке, а не о речи) различными лексическими средствами. Прежде всего, это слова всех частей речи, способные реализовывать представление о возрасте. Среди них, с одной стороны, собственно возрастные номинации в прямых и переносных значениях, а также однокоренные с ними слова (например, *infant, infantine, infantile, infancy; child, childhood, childish*). С другой стороны, концепты возраста вербализуются в словах, имеющих семантику возраста только в своих переносных значениях (например, *green* – зеленый). Семантика возраста проявляется также и на словообразовательном уровне – в дериватах со значением невзрослости.

Кроме того, концепты возраста реализуется в языке в различного рода фразеологизмах и устойчивых сочетаниях, включающих собственно возраст-ные номинации (например, *children's babble* – детский лепет; *no spring chicken* – не первой молодости; *to be still wet behind the ears* – молоко на губах не обсохло).

Все признаки или оттенки концепта «возраст» подвергаются вербализации. Выстроить матрицу признаков концепта «возраст» помогает анализ вариантов периодизации человеческого возраста, используемых в психологии, медицине, социологии совместно с анализом языковых значений названий данных возрастных периодов.

Содержание концепта «возраст» можно рассматривать как частичную концептосферу человека, так как представление «времени», «развития», и «возраста» являются важным компонентом представления человека о мире и о самом себе. Как для английского языка, так и для русского универсальным представлением «возраста» является древнейшая семантико-прагматичная оппозиция молодость – старость, которая отражает представление о возрастании и убывании, о начале и конце, силе и слабости. Тем не менее существует ряд метафор, отображающих различное понимание возраста у людей разных культур.

Так при проведении сравнительного анализа этимологии архилексем «age» и «возраст» видно, что в русской языковой картине мира глагольное понимание концепта «возраст» значительно отличается от статичного английского «age». Носители английского языка отождествляли концепт «возраст» с полным описанием жизни, во всей ее продолжительности, длительности и ставя в синонимичный ряд со словом «время». В то время как в русском языке просматриваются такие оттенки значения как начало действия, достижение или наступление определенного состояния, благодаря его отглагольно-приставочному происхождению.

Что касается письменной фиксации, то более ранним является русское слово «возраст» (XI в), в отличие от английского «age» (XIII в). Это объясняется тем, что славянские языки развивались независимо и данное слово по всей видимости в обиходе людей играло значительную роль, в английском же языке слово «age» заимствованно (пришло из французского).

Если же провести синхронное сопоставление словарных дефиниций и количества синонимов, то видно следующее: объем значений слов «возраст» и «age» совпадают. Хотя и просматриваются некоторые различия. Так лексемы «возраст» и «age» без зависимых слов (т.е. в своем абсолютном употреблении) могут обозначать отдельные возрастные периоды. «Совершеннолетие» – в английском языке (*to be of age* – быть совершеннолетним; *to be under age* – быть несовершеннолетним; *full age* – совершеннолетие 21 год) и «старость» (*age/old age* – старость), «зрелость» – в русском. Оба слова, и русское и английское, обозначающие «возраст», являются многозначными и входят сразу в несколько синонимических парадигм. Можно выделить как стилистические, так и семантические синонимы.

В связи с тем, что в обоих языках длительные отрезки времени понимаются через продолжительность жизни человека, то при сопоставлении слов «возраст» и «age» ярко проявляется антропоцентрический характер концептуализации феномена «время».

Семантический анализ показал, что универсальная черта представления концепта «возраст» – это линейный характер и смысловая оппозитивность содержания (молодость – старость, начало – конец, нарастание – убывание). Как в английской, так и в русской языковой картине мира отображается сначала восходящая линия жизни человека (от рождения до зрелости) и нисходящая (зрелость, старость).

Концепт «возраст» имеет тесную связь с такими универсальными онтологическими категориями как «развитие» и «время» в антропологическом, когнитивном, этимологическом и семантическом аспектах, так как они являются основой его содержания. Соответственно концепт «возраст» является как культурно-специфичным, так и универсальным.

И хотя условия и история развития народов, говорящих на различных языках, подсказывали разные пути развития лексики, основными параметрами структурирования концепта «возраст» в сознании англичан и русских оказываются:

- градуальность (градуированная возрастная шкала, отражаемая в языковом сознании, представляет собой расчленение понятийного пространства концепта «возраст» на последовательные этапы в соответствии с реальными временными периодами жизни человека);
- оппозитивность (представление о возрасте как об антиномичной сущности и определение содержания данного концепта через оппозиции: *начало – конец, нарастание – убывание, молодость – старость* и т.д.);
- стереотипизированность (представление о возрасте связано с рядом устойчивых ассоциаций, известных всем носителям языка и действующих при качественной и количественной характеристике возраста).

Выявленные параметры являются универсальными, так как основываются на универсальных философских категориях.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Ашхарава, А.Т. Концепт «дитя» в русской языковой картине мира: Дис. ...канд. филол. наук. – Архангельск, 2002. – 200 с.
3. Ищук, Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке: На рус.-слав. мат-ле: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1995. – 227 с.
4. Литвиненко, Ю.Ю. Представления о возрастных эпостасях человека в русской языковой картине мира: содержание концепта «возраст» // Гуманитарные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов. Ежегодник. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. Вып. 9.- С 189-193.
5. Путягин, Г.А. Компонентный анализ лексико-семантической группы слов, называющих ребенка (на материале современного русского языка) / Г.А. Путягин // Проблемы ономазиологии: Исследования проблемной лаборатории по ономазиологии кафедры общего языкознания и истории языка Орловского государственного педагогического института. Т. (114). – Орел, 1974. – С.202- 135.

6. Федоров, М.А. Категория времени в русской и американской культурах: Фило-софско-культурологическое осмысление: Дис. ... канд. филол. наук. – Чита, 2006. – 185 с.

7. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М: Гнозис, 1996. – 344 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Батыршин Ш.Ф.

аспирант факультета башкирской филологии и журналистики,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются переводчики при переводе различных типов текстов. Доказывается, что трудности связаны прежде всего с расхождениями в семантических системах разных языков.

Ключевые слова: перевод, текст, адекватность, язык, культура, языковое посредничество, проблемы перевода.

Исследование особенностей перевода как основного вида языкового посредничества требует комплексного подхода, что определяет потребность глубокого всестороннего анализа феномена адекватности перевода, его содержательного и формального аспектов [2, с. 68, 69]. Решение этой задачи связано с проблемой тождественности оригинального и переводного текстов.

И в первую очередь, нужно учесть тот факт, что каждый переводчик сталкивается в своей профессиональной деятельности с проблемой особенности языка, при его переводе на тот или иной язык. И данная проблема стоит не только перед переводчиками, но и перед преподавателями, обучающими родному (или другому) языку иностранцев.

Перечислим проблемы, с которыми сталкивается переводчик:

1. Неправильно подобранная словоформа или терминология (синонимы).
2. Лакуны – непереводимые однозначно слова, фразы и т.д., требующие разъяснений.
3. И, на наш взгляд, самая главная проблема, это понятийный аппарат и предметно-образное мышление как носителя языка – слушателя, так и самого переводчика.

Первая проблема, больше всего подходит для политических текстов, где даже каждая запятая является вопросом для обсуждения [3, с. 57, 69]. Вторая проблема рассматривается в простых переводах, как письменных, так и устных. Третья проблема рассматривается в контексте передачи информации в научной и литературной сфере.

Без знания того или иного языка и культуры изучаемой страны (истории, традиции, обычаи и т.д.), невозможно сделать однозначный и правильный перевод. При этом нужно также учесть и тот факт, что любому переводчику для более качественного перевода необходимо постоянно быть в контакте с носителями того языка, который он учил и на который переводит

текст, а лучше пожить там несколько лет, и периодически наведываться в эту страну или регион для постоянного усовершенствования своих знаний.

Возможно все перевести дословно, но ведь самое главное – это донести до читателей смысл, образность, понятие того или иного значения слова, фразы, выражения, текста. В этом и есть большое отличие «замкнутых в пространстве» технических, юридических и других текстов от литературных произведений, таких как стихи, проза, эпосы и т.д.

Основная цель перевода – как «можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего иностранный язык, с данным текстом (или содержанием устной речи)» [3; 4, с.229].

Перевод – комплексный процесс. Для правильной и точной передачи мысли подлинника нужно не только найти в языке перевода самые подходящие слова, но и облечь их в соответствующую грамматическую форму. Необходимо также учитывать и стилистические факторы. Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка [3, с.254].

Поговорка «Кашу маслом не испортишь» (масло не подсолнечное, а сливочное). Данное выражение возможно перевести на китайский язык дословно, однако в Китае масло редко используется, и в основном для обжаривания еды, но никак не в каше. Однако образно, используя данное выражение в том или контексте можно перевести как 越多越好 yue duo yue hao, (чем больше, тем лучше!). Оно более или менее будет соответствовать данному переводу – то есть перевод в данном случае получается смысловой.

Получается, что переводчик должен не только знать язык и культуру, но также быть «разносторонним интеллектуалом».

Самые лучшие переводчики это те, кто с детства учил язык и одновременно находился в той стране, язык которой он учил. То есть с детства данные люди познают язык и практически становятся на сто процентов носителями иностранного языка, который становится в последствии им вторым, а возможно и 3-м родным языком. Уже с детства закладываются в сознание привычки, повадки, обычаи и традиции иноземного государства. Но в любом случае, самым главным препятствием для перевода становятся психология переводчика и его методы восприятия мира [3]. И они не однозначны у любого носителя языка.

Перевод предполагает смысловое восприятие исходного текста и передачу того же самого значения средствами иного языка. При этом, как справедливо полагают ученые, неизбежны семантические потери. Поэтому переводчику необходимо добиться того, чтобы эти потери были сведены к минимуму, т.е. обеспечить максимально большую степень эквивалентности исходного текста и текста перевода [1, 5].

Список литературы

1. Сдобников В.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В.В. Сдобников. О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад. 2006. – 448 с.

2. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г., Национальная языковая картина мира в герменевтической модели перевода // Материалы Международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. – Москва, РУДН, 2015.– С. 67-70.

3. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. [Текст]: дисс. докт. филол. Наук / Ф.Г. Фаткуллина – Уфа, 2002. – 323 с.

4. Фаткуллина Ф.Г. Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Материалы Международной научно-методической конференции «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. Том 2. – С. 228-235.

5. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Федоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1983. – 303 с.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ В РАССКАЗАХ М. ГОРЬКОГО 1910-х ГОДОВ (ЦИКЛ «ПО РУСИ»)

Богачкина С.В.

аспирант кафедры литературы,

Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В статье рассматриваются специфические средства и приемы, отражающие стилевой принцип «объединяющей антитезы» в языковом строе цикла рассказов Горького 1910-х годов.

Ключевые слова: русская литература, Максим Горький, рассказы, речевое своеобразие.

На фоне необычных романтических ранних рассказов цикл «По Руси» казался не столь ярким явлением в творчестве Максима Горького. Критики писали об «упадке» его таланта и «чутья русской жизни». Однако сам художник в 1921 году включил, наряду с другими рассказами, десять произведений из цикла «По Руси» в книгу «Максим Горький. Избранные рассказы 1893-1915 гг.», отметив в предисловии: «Среди всего, что написано мною за двадцать пять лет, рассказы, собранные в этой книге, кажутся мне наиболее удачными» [2, с. 588]. Такая неоднозначность в оценке сборника, думается, связана с творческой эволюцией автора, опередившей читательские ожидания. В результате критика 1910-х годов в основной своей массе усматривала в творчестве Горького этих лет не переход к новому стилевому содержанию, а отказ от идей борьбы и даже обвиняла в обращении к «живому религиозному чувству» вкуче с «молитвенным пафосом» [3, с. 164-166]. Но и тогда находились литературоведы, которые трактовали эту концепцию «примирения» Горького положительно, находя в ней приятие писателем окружающего мира, более полное видение действительности. «Правы были все-таки те, кто исходил из обновленной, *более сложной цельности* горьковского творческого мира, в котором *разные начала не противоборствовали, а взаимодействовали*», – отмечает В.А. Келдыш (здесь и далее в тексте курсивом выделено нами – С.Б.). И продолжает: «Созданный в них *противоречивый характер*

человека «нестрой» души, интересной самой причудливой нестройностью своей, нереализованными возможностями, – высшее творческое достижение писателя в предреволюционное время» [3, с. 175]. Выделенные нами ключевые слова достаточно точно характеризуют новое художественное видение писателя, воплощенное в его рассказах 1910-х годов. Основной стилевой закон горьковской прозы представляется нам как принцип «объединяющей антитезы», и проявляется он в стремлении автора к целенаправленному совмещению противоположных начал, их сосуществованию. Писатель, таким образом, в значительной степени уходит от однозначности и упрощенности, свойственной его рассказам 1890-х годов и дает в новом преломлении мотивы своего раннего творчества.

Стилевой принцип объединяющей антитезы зримо проявляет себя в разных аспектах авторской поэтики, в том числе, в языковом строе произведений. Его характерной особенностью является большое количество сравнительных оборотов. В некоторых случаях их употребление становится подчеркнуто чрезмерным. Так, в рассказе «Губин» (1912 г.) читаем: «Дома, прижатые тьмою, кажутся низенькими, *точно холмы могил*. Черные деревья над крышами – *как тучи*. В глубине площади одиноко горит фонарь, его свет повис в воздухе *неподвижным прозрачным шаром и напоминает одуванчик*» [2, с. 180]. Горькому недостаточно назвать изображаемый предмет, он непременно связывает его с чем-то еще из окружающего мира, тем самым наполняя большим смыслом, чувством, подчеркивая единство на первый взгляд непохожих вещей. Например, в рассказе «Ледоход» (1912 г.) писатель сравнивает сосновые ветви, торчащие из трещин во льду, с руками утопающего, изломанными судорогами. В произведении «Калинин» (1913 г.) лицо главного героя имеет сходство с глиняным ручкомойником из-за больших ушей и длинного носа.

При этом основанием для сравнения может служить не только внешнее сходство, но и образные ассоциации: «...небо мутное, точно пропылилось летней пылью до самых глубин» [2, с.186]; «...все вокруг красно – словно раненое солнце истекает кровью» [2, с.378]; «Степь точно шелками вышита» [2, с.297].

Наконец, с помощью сравнительного оборота Горький совмещает противоположные явления, высокое и конкретно-бытовое: «*Звезды в небе – точно шляпки медных гвоздей*» [2, с. 290]; «Пришла т-те Локтева, она в гладком платье серого *шелка*, гибкая, *как рыба*» [2, с. 391]. Или яркий пример из «Покройника» (1913 г.): «Около криницы блестит *черная грязь, точно измятый бархат...*» [2, с. 358].

Задачу отражения сложносоставной действительности Горький реализует при помощи слов с семантикой сходства, например, глагола «напоминать» или прилагательного «похожий»: «...рабочий барак, – низенький и длинный, он напоминает крышку большого гроба» [2, с. 295]; «Голос солдата напоминает отдаленный звук бубна...» [2, с. 309]; «матрос, похожий на монаха» [2]; «...голова опущена и похожа на плюшевое пасхальное лицо» [2].

Антитетично-объединяющую природу горьковского слова, нацеленного на совмещение разностей, проявляют конструкции с противительными союзами. Такой прием Е.Г.Белоусова называет «тактикой словесного компромисса» [1, с.126]. Союзы «а», «но» в приведенных ниже примерах уже не столько подчеркивают противопоставление, сколько создают общность смыслов, предлагая компромисс: «*Жутко, но – весело*» [2, с. 338]; «*Утро, а – грустно*» [2, с.189]; «Он бреет бороду, это *очень не идет* к его лицу и всей фигуре, но – *делает его заметным*» [2, с.182]. Еще более очевидно соединяются контекстуальные антонимы союзом «и»: «*Мне жутко и приятно*» [2, с. 388]; «*Бьются в сердце разные мысли, радостно и холодно от веяния их крыльев...*» [2, с. 369]; «*нравятся они мне – и нет, восхищают и – злят...*» [2, с. 385]; «*...великие мудрецы – они же всегда и великие грешники*» [2, с. 144].

Таким образом, наши наблюдения за работой горьковского слова позволяют сделать вывод о то, что художник целенаправленно совмещает на речевом уровне разные начала и делает это при помощи специфических приемов, помогающих художнику в воплощении идеи сложной цельности мира и человека.

Список литературы

1. Белоусова, Е.Г. «Колеблющаяся» антитетичность как стилеобразующий принцип в рассказах М.Горького 1922-1924 годов [Текст] / Е.Г. Белоусова // Литература в контексте современности: материалы II Международной научной конференции. – Челябинск, 2005. – Ч. I. – 242 с.
2. Горький, М. Полное собрание сочинений: в 25 т. [Текст] / М. Горький. – М., 1972. – Т. 14. – 590 с.
3. Келдыш, В.А. Автобиографический цикл 10-х годов и его критика [Текст] / В.А. Келдыш // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып.2. – М., 1989. – 272 с.

ЗАМКНУТО-РАЗОМКНУТАЯ СИСТЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА НАТАЛЬИ АХПАШЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «КВАРТА»)

Боковели О.С.

доцент кафедры литературы, к. филол.н.,
Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

Данная статья является обобщающей в исследовании по теме о диалектике поэтического мира в поэтическом сборнике Натальи Ахпашевой «Кварта». Статья содержит основные изыскания по данному вопросу, в частности в ней рассмотрены следующие важные характеристики поэтического мира Ахпашевой: замкнуто-разомкнутая система бытия, бинарный код, диалектическое восприятие мира автором.

Ключевые слова: лирика, диалектика, бинарный код, замкнуто-разомкнутая система.

Одним из первых, кто подверг анализу диалектический способ мышления, был немецкий философ XVIII века Иоганн Готлиб Фихте. Он стремился решить вопрос о взаимоотношениях субъекта и объекта в процессе познания. В системе данного взаимодействия субъект способен выражать

свое отношение одновременно к нескольким объектам и преломлять полученные знания в собственном сознании, определяя их место в пространстве и времени. В рамках данного взаимодействия, опираясь на логические принципы, образуется система, проникающая глубоко в сознание и, фактически, регулирующая в дальнейшем построение тех или иных отношений между субъектом познания и его объектом: «Человеческий ум отбирает некоторые концепции, которые могут быть справедливы или ошибочны, и использует их для описания окружающего нас мира. На основе этих предположений человек оценивает системное поведение, которое, как он полагает, свойственно системе» [8, с. 46].

Классическая система диалектического познания субъекта основывается на двоичном восприятии мира: верх – низ, право – лево, пространство – время, я – не я, биологическое – духовное, культура – цивилизация и т.д. Так, например, В.П. Руднев пишет: «двоичность восприятия окружающего мира обусловлена уже чисто физиологическими причинами, прежде всего тем, что мозг человека разделен на два полушария, выполняющих каждое свою функцию, <...> тем, что у нас два глаза, два уха, две ноздри, две руки, две ноги» [7, с. 38]. В свою очередь двоичность приводит к своеобразной системе кодирования объектов действительности, определяющих свое отношение друг к другу по принципу контрадикции (первичная стадия отношений – противоречивость). Таким образом, *binary coded*¹ находится в основе диалектического сознания человека и становится первостепенным средством и инструментом в познании мира. Он, образуя статичные системы, не становится при этом «замкнутым», наоборот, позволяет этим системам взаимодействовать, развивать новые смыслы, образовывать более сложные «замкнуто-разомкнутые» динамичные системы.

Впервые о *binary coded* в литературе заговорил теоретик тартуско-московской семиотической школы – Ю.М. Лотман [4], обосновавший свою культурологическую концепцию посредством семиотики и типологических связей культуры. Лотман подчеркивал важную роль дуальных моделей в русской культуре, к которой, несомненно, можно отнести и творчество хакасской поэтессы Натальи Марковны Ахпашевой, мыслящей и пишущей на русском языке.

Ее поэтический путь находится в плоскости русской культуры, впитанной с раннего детства. Так в предисловии к сборнику стихотворений Натальи Ахпашевой «Тысячелетье на исходе» А.Г. Грибков пишет: «В своем творчестве Наталья Ахпашева целиком и полностью находится под влиянием русской поэзии первой половины XX века» [2, с. 3]. А в предисловии к сборнику «Кварта» М. Логинова отмечает: «у Натальи Ахпашевой хорошие учителя, к которым она обращается постоянно, мучаясь и печалась об их трагических судьбах» [3, с. 4]. Имена этих учителей на века вписаны в русскую и мировую культуру: Александр Блок, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Анна Ахматова, поэтому ей близка и понятна русская языковая картина мира, основанная на дуальности мировосприятия. Это подтверждает

¹ *Binary coded* – бинарный (двоичный) код.

и В.П. Прищепа, один из первых критиков творчества поэтессы: «На наш взгляд, Наталья Ахпашева может быть признана **первой хакасской поэтессой, пишущей на русском языке**¹, значение творчества которой преодолело национальные географические пределы. Несмотря на то, что в хакасской литературе и ранее работали и работают поэтессы <...>, именно ей выпала честь наиболее достойно представить хакасскую «женскую» поэзию многонациональному русскоязычному читателю России» [6, с. 299].

Поэтический сборник Натальи Ахпашевой «Кварта»², несмотря на свое название, является ярким выражением диалектического сознания поэтессы: от названий разделов до отдельных мотивов, образов, тем.

В сборник входят девять разделов стихотворений: «Искания и заблуждения», «Миги», «Морская болезнь», «Юрьев день», «Из книги судеб», «Без меня или со мной», «Когда разрушатся заклатья», «В тридесатом государстве», «Летописец». Стихотворения данного сборника «разнохарактерны по своей жанровой ориентированности: лирические зарисовки («Акварель»), сюжетные стихотворения (их большинство), миниатюры, составляющие раздел «Миги», стихотворные циклы («Трудные повести», «Ольга»). Вполне логично то, что в целом тексты расположены в сборнике по принципу возрастания: от малых и «простых» к более сложным и объемным в текстовом отношении» [6, с. 310].

Два раздела, из перечисленных выше, в сборнике «Кварта» названы по принципу диалектического единства противоположностей: «Искания и заблуждения» [1, с. 11-20] и «Без меня или со мной» [1, с. 51-61].

Основными мотивами раздела «Искания и заблуждения» являются мотивы смысла жизни, познания, бытия, сущности человека, его свободы, осмысленные Натальей Ахпашевой в духе диалектического принципа *binary coded*. Все эти мотивы подчинены общей идее, которую возможно проследить еще до того, как начинаешь читать стихотворения. Так, название «Искания и заблуждения» можно «разложить» на составляющие, опираясь на метод дедукции классической логики:

Искания (поиск) есть истина.

Заблуждения есть искание (поиск).

Заблуждения есть истина.

Заблуждения есть истина, то есть через заблуждения идет путь к истине. Эту мысль поэтесса «выводит красными чернилами» в последнем стихотворении «Пути господни» [1, с. 20] данного раздела:

*что каждый из Его детей
придет к Нему своей дорогой,
и что за каждым вслед и Он
отправится, пути не зная,
на перекрестках всех времен
безумствуя и прозревая...*

¹ Выделено В.П. Прищепой.

² «Кварта» в переводе с латинского языка означает «четыре».

Название другого раздела «Без меня или со мной» определяет диалектику бытия лирического Я Натальи Ахпашевой. «Перевертыш» классической фразы «со мной или без меня» меняет акценты в реальности лирической героини поэтессы. Во-первых, с точки зрения актуального членения речи. Препозиция сочетания «без меня» фиксирует внимание на том, что мир существует без нее. Далее это ощущение меняется, так как на первый уровень семантики фразы накладывается следующий слой, выраженный с помощью сочинительного союза *или* со значением взаимоисключения. Появляется оттенок сомнения, вербализуется скрытый вопрос: без меня ли или все-таки со мной? Во-вторых, с точки зрения пространственной характеристики. Наблюдается сужение пространства личностного бытия лирической героини Ахпашевой: весь мир (в душевном, но не физическом смысле) живет опосредованно от нее, ее душу переполняет одиночество (ведущий мотив данного раздела стихотворений):

*Без причины одиноко стало
от простой домашней суеты.*

(«Мокрый ангел в дверь мою стучал...») [1, с. 52]

Я кутала в платок пуховый плечи.

Дышала на замерзшее окно.

Ко мне никто не должен в этот вечер прийти.

Да и не приходил давно.

(«День умирал не сразу...») [1, с. 54]

Раскричалась воронья стая.

Растревожила сад пустой.

И опять побрела одна я,

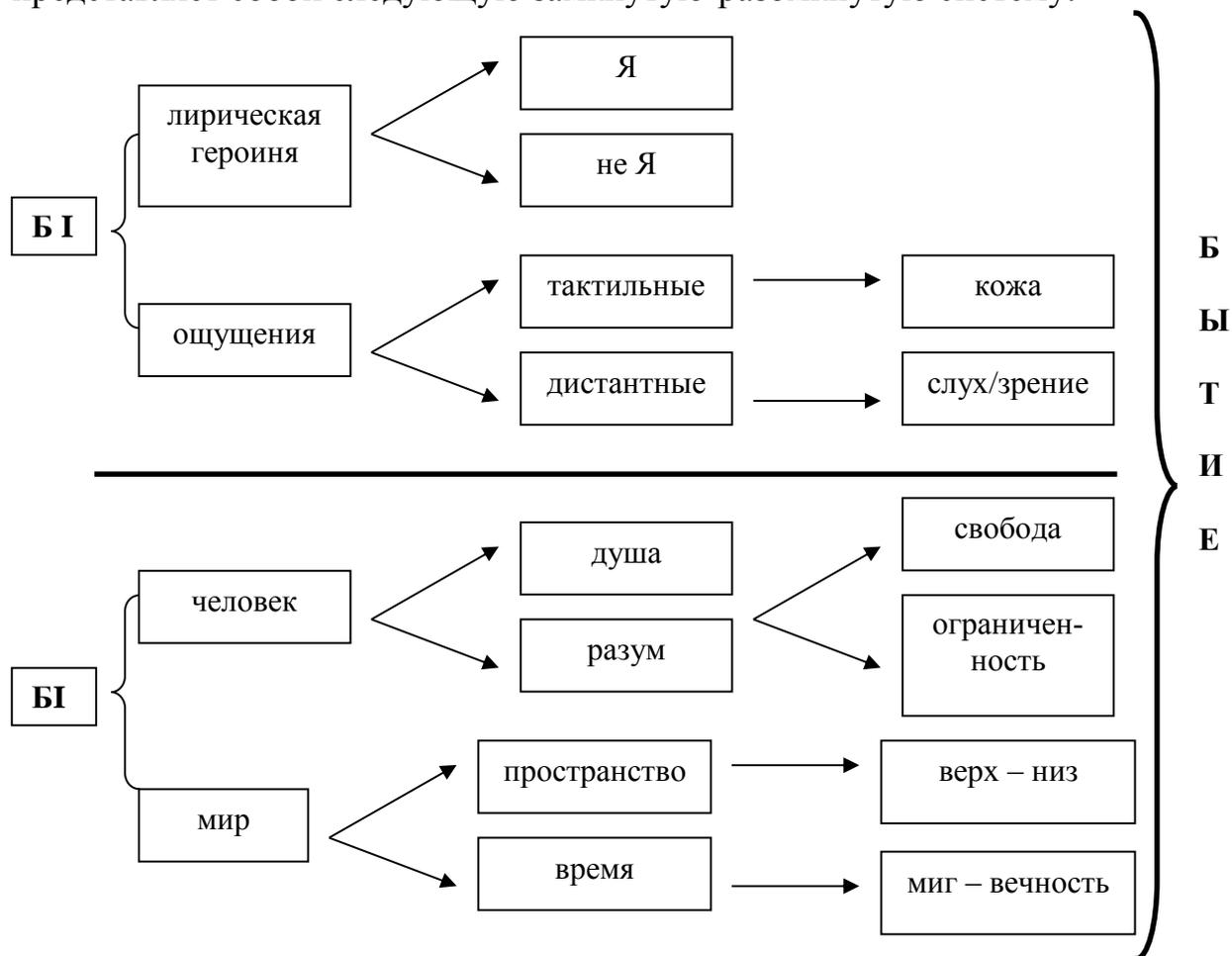
как бродила когда-то с тобой.

(«Свежий снег в саду по колено...») [1, с. 56]

Согласно теории диалектического познания любое утверждение, не содержащее в себе противоречие, ложно. Только в споре рождается истина, а новая категория появляется тогда, когда происходит слияние контрарных категорий. По сути, диалектика – это «теория, согласно которой нечто – в частности, человеческое мышление, – в своем развитии проходит так называемую диалектическую триаду: *тезис, антитезис и синтез*. Сначала – некая идея, теория или движение, – «тезис». Тезис, скорее всего, вызовет противоположение, оппозицию, поскольку, как и большинство вещей в этом мире, он, вероятно, будет небесспорен, то есть не лишен слабых мест. Противоположная ему идея (или движение) называется «*антитезисом*», так как она направлена против первого – тезиса. Борьба между тезисом и *антитезисом* продолжается до тех пор, пока не находится такое решение, которое в каких-то отношениях выходит за рамки и тезиса, и антитезиса, признавая, однако, их относительную ценность и пытаясь сохранить их достоинства и избежать недостатков. Это решение, которое является третьим диалектическим шагом, называется *синтезом*» [5, с. 119]. В лирических произведениях Натальи Ахпашевой противоположные категории «вписаны» в общую картину бытия. Каждая из категорий является тезисом или

антитезисом, а синтез представлен в общей картине, обнаруживающей то самое бытие.

Binary coded бытия в поэтическом мире ¹ Натальи Ахпашевой представляет собой следующую замкнутую-разомкнутую систему:

В данной системе представлены четыре основные категории, условно сгруппированные в два блока:

➤ блок I (Б I) – уровень личностного бытия: лирическая героиня, ее ощущения;

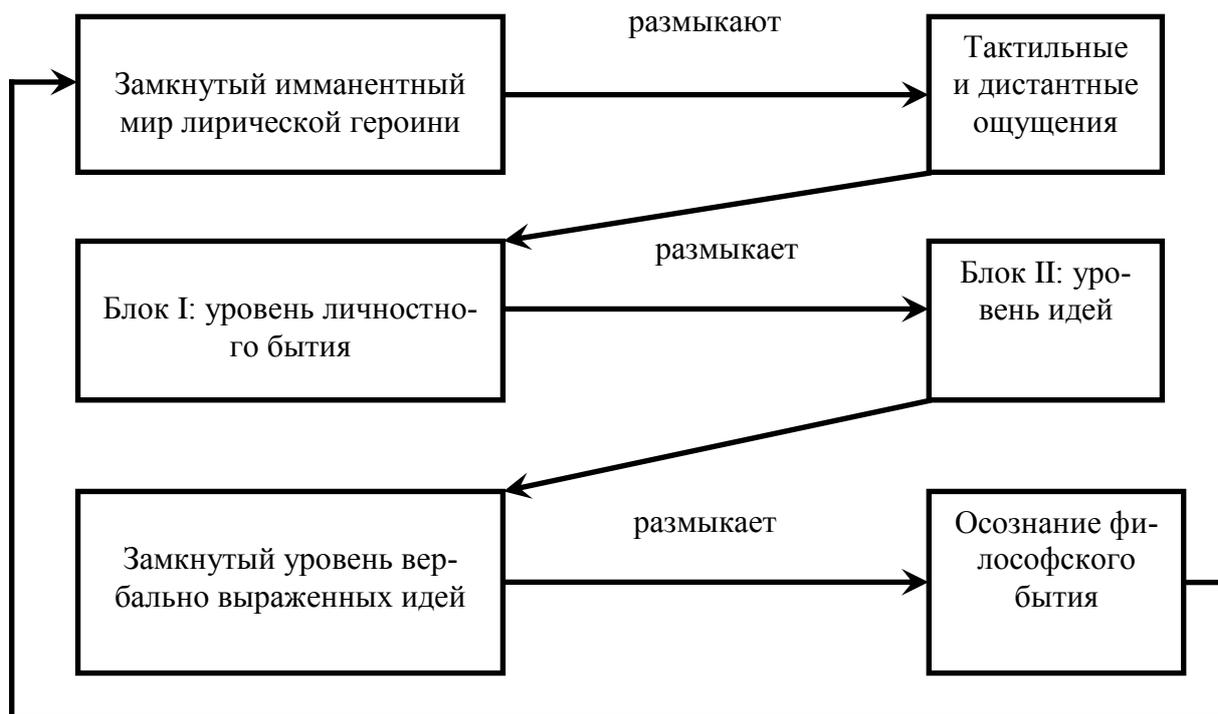
➤ блок II (Б II) – уровень идей: человек, мир.

Данные категории определились в результате контрарности и системных отношений других категорий, являющихся их составляющими элементами, например, категория «мир» и ее составляющие пространство и время, категория «пространство» и, в свою очередь, ее составляющие верх – низ.

Опираясь на тезис о замкнуто-разомкнутой системе, следует отметить, что замкнутость системы предполагает ее свободу от привнесенных факторов, на ее основе можно проследить формирование и развитие законов природы, а разомкнутость – признак системы, подверженной внешним воздействиям, этот факт делает мало возможным объяснение ее законов

¹ Напомним, что в данном случае не идет речь обо всей картине мира в лирике Натальи Ахпашевой, а только о специфике выражения диалектики сознания в сборнике «Кварта».

природы. Таким образом, признаки замкнуто-разомкнутой системы поэтического мира Натальи Ахпашевой обнаруживаются в следующем:

➤ С одной стороны, замкнутость лирического Я поэтессы (концентрация сознания на собственной личности) и, с другой стороны, его разомкнутость, так как существование лирической героини невозможно в принципе без соприкосновений с внешним миром (ощущения).

➤ Замкнутость Блока I (уровень личностного бытия) и его разомкнутость посредством Блока II (уровень идей), поскольку оба компонента – ощущения и вербализация этих ощущений – условия любого познания в реальности.

➤ Замкнутость уровня вербального выражения идей размыкается общей идеей бытия, вписываясь в онтологическое пространство без времени.

➤ Разомкнутость на уровне бытия замыкается на образе лирической героини, поскольку она и есть «первичная единица», которая концентрирует в себе весь мир.

Список литературы

1. Ахпашева Н.М. Кварта [Текст] / Н.М. Ахпашева. – Новосибирск, 2000.
2. Грибков А.Г. Предисловие [Текст] / А.Г. Грибков // Ахпашева Н. Тысячелетье на исходе: стихи. – Абакан, 1996. – С. 3-5.
3. Логинова М. Соединяя судьбы поколений [Текст] / М. Логинова // Ахпашева Н.М. Кварта: стихи. – Новосибирск, 2000. – С. 3-9.
4. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб., 2002.
5. Поппер К. Что такое диалектика? [Текст] / К. Поппер // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 118-138.
6. Прищеп В.П. Что делать в поэзии женщинам? [Текст] / В.П. Прищеп // «Щемящей совести строка...»: книга о современной литературе Хакасии. – Абакан, 2009.
7. Руднев В.П. Словарь культуры XX века [Текст] / В.П. Руднев. – М., 1999.
8. Форрестер Д. Мировая динамика [Текст] / Д. Форрестер. – СПб., 2003.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЬЕС ДРАМАТУРГОВ-АБСУРДИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ Г. ПИНТЕРА «BETRAYAL» / «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Букач О.В.

ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,
Восточный Институт – Школа региональных и международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет, Россия, г. Владивосток

В статье рассматриваются особенности интерпретации пьес, написанных в жанре театра абсурда, на материале перевода на русский язык одной из пьес Г. Пинтера. Особое внимание уделяется историческому аспекту; поскольку анализируемый перевод был создан в условиях отсутствия традиций театра абсурда в принимающей культуре, высказывается гипотеза о том, что полное и успешное декодирование произведения, принадлежащего к иной культурной и литературной традиции, было значительно затруднено.

Ключевые слова: текст, интерпретация, драма, театр абсурда, декодирование.

Перевод иноязычных художественных текстов рассматривается как их интерпретация средствами другого языка [1, 2]. По мнению Антона Поповича, «оригинал характеризуется принадлежностью к одной культуре. Перевод, напротив, является как бы результатом сопоставления двух культурных кодов» [15, с. 37]. Культурные коды литературы-источника и принимающей литературы не всегда будут совпадать. Факторы, обуславливающие степень совпадения данных кодов – это, во-первых, временные различия между литературами, во-вторых – реализация различных литературных эпох в текстах художественных произведений, ведь «различие между оригиналом и переводом определяется не только историческим временем, но и культурным» [15, с. 38]. Может случиться так, что время культуры в переводе отстает от времени оригинала, или вовсе отсутствует в переводе.

Например, развитие такого культурного феномена, как театр абсурда, которое происходило в европейской культуре в середине 20 века достаточно бурными темпами, в русской культуре замерло в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Логичным кажется предположить, что отсутствие данного феномена в русской культуре повлекло за собой отсутствие соответствующего культурного кода, необходимого для полного и успешного декодирования произведений, относящихся к театру абсурда.

Традиции абсурда задержались в советском театре на очень короткое время; к 1932 году социалистический реализм был объявлен единственной настоящей формой художественного выражения, стал государственной политикой, а значит, советским стандартом для всех видов искусства [21]. Появлялись пьесы на исторические темы, воспевающие события Революции и Гражданской войны. Начиная со второй половины 1920-х годов на советской сцене создается ряд постановок на материале знаковых произведений писателей-прозаиков: «Заговор чувств» по пьесе Ю. Олеси, представлявшей авторскую переработку романа «Зависть», «Дни Турбиных» по роману М. Бул-

гакова «Белая гвардия», «Бронепоезд 14-69» на основе партизанской повести В. Иванова [17, с. 95-96].

В то время, пока в Европе закладывались предпосылки для дальнейшего развития театра абсурда, шло формирование нового языка драматургии, и проводился поиск новых выразительных форм и средств создания драматического спектакля, язык советской драматургии оставался языком советского романа и повести. Традиции соцреализма предполагали использование максимально реалистичных сюжетов; традиции драматизации романов приводили к формированию особого драматического языка, значительно отличающегося от языка театра абсурда. Все это наложило отпечаток на формирование литературного сознания, зрительского восприятия, развитие стилистических условностей, а также эстетических канонов и установок.

А. Попович трактует принцип социальной обусловленности выбора изобразительных средств как социальный контроль над таким выбором с позиций этики и эстетики, который заставляет переводчика отказываться от одних выразительных средств или, наоборот, отдавать предпочтение другим; исследователь также утверждает, что зависимость переводчика от предполагаемого адресата заставляет его учитывать определенные эстетические каноны читателя, установившиеся формы и стилистические условности общественного сознания [15]. Кажется логичным и естественным, что переводчики пьес, написанных зарубежными драматургами в жанре абсурда, интерпретировали пьесы, ориентируясь на стилистические условности и литературную норму советского общества, которые формировались в условиях оторванности от традиций и тенденций развития западной литературы.

Для пьес драматургов-абсурдистов, к которым относится и Г. Пинтер, характерно использование значительного числа повторов, коротких, односложных предложений, контрастных по длине, сложности и грамматическому составу конструкций, которые используются с целью передать «кризисное состояние современного человека, потерявшего метафизическую опору, чувство абсолюта, отношение к вечности, смысл всего» [19, с. 196-197]. Язык советской драматургии, напротив, отличался правильностью, равномерностью синтаксических конструкций, отсутствием повторов. Осмелимся предположить, что именно по этой причине переводы пьес драматургов-абсурдистов значительно отличались по стилю от текстов оригиналов.

Пьеса британского драматурга Г. Пинтера “Betrayal”/«Предательство» является одним из наиболее ярких примеров драматических произведений жанра театра абсурда. Исследователи его творчества отмечают, что в работах Пинтера явно прослеживаются как абсурдистские традиции, так и влияние Элиота, Джойса, Пиранделло и Бекетта [22, 23, 24, 27, 28, 29, 32, 34]. Его пьесы можно назвать смесью комедии и трагедии; физическое действие сведено до минимума, а основная драма происходит в сознании героев. Пинтер отказывается признавать коммуникативную функцию языка; слова не раскрывают значение сказанного, а, наоборот, скрывают его. Он умело использует паузы и строит диалог, используя значительное количество повторов [9,

18, 24, 25, 26, 29]. Невозможность коммуникации в его пьесах демонстрирует не отсутствие возможности общения, а, скорее, нежелание это делать.

Реплики героев в основном состоят из коротких, односложных предложений; наблюдается использование слов с широкой семантикой, причем драматург не поясняет, что именно его персонажи имеют в виду, с помощью контекста. Читателю, режиссеру и актерам предоставляется возможность множественной интерпретации. В процессе работы было отобрано 29 текстовых примеров, в которых наиболее часто встречающиеся у Пинтера типы повторов (анафора, эпифора, анадиплосис, параллельные конструкции), иллюстрирующих способы реализации авторского стиля в тексте оригинала, были заменены синонимами, либо полностью опущены. Это привело к разрушению ритмической организации текстовых фрагментов, а также к потере акцентов, уменьшению эмоциональной и смысловой нагрузки отдельных фраз и, как следствие, всего текста пьесы.

Таблица 1

Текст оригинала	Текст перевода
Robert: [...] So she didn't have to tell me again last night. Because I knew . And she knew I knew because she told me herself four years ago. Jerry: What? Robert: [...] I thought you knew . Jerry: Knew what? Robert: That I knew . That I've known for years. I thought you knew that . Jerry: You thought I knew? Robert: She said you didn't. But I didn't believe that. Anyway, I think I thought I knew . But you say you didn't? [31, p.182]	Роберт: Так что ей незачем было мне снова рассказывать вчера. Потому что я уже знал все это . И она знала, что я знаю , потому что она сама же и рассказала мне все четыре года назад. Джерри: Как же так? Роберт: А я думал, ты знаешь об этом . Джерри: О чем – об этом? Роберт: О том, что я знаю . О том, что я уже давным-давно все знаю. Я думал, ты об этом знаешь . Джерри: Ты думал, что я знаю? Роберт: Она мне сказала, что ты не знаешь. Но я не поверил. Так или иначе, я, насколько мне помнится, думал все же, что ты знаешь . [14, с. 467]

Во время разговора, который происходит во второй сцене пьесы (таблица 1), Джерри узнает от Роберта, мужа своей любовницы и своего друга, что Эмма рассказала ему об их связи не накануне вечером, как она утверждала в первой сцене, а целых четыре года назад. Джерри не может понять, почему ни Эмма, ни Роберт не рассказали ему об этом; получается, что его друг прекрасно знал о существовании этого любовного треугольника на протяжении многих лет, в то время как Джерри пребывал в полной уверенности, что его связь с Эммой остается тайной. Потрясенный внезапно открывшейся правдой, Джерри пытается выяснить у Роберта, почему ни он, ни Эмма не сказали ему о том, что все раскрылось. Роберт, который и сам изменял жене много лет, делает вид, что ничего особенного не произошло; возможно, он и в самом деле не понимает, что так задевает его друга.

Ключевым элементом этого фрагмента является глагол «знать» в форме прошедшего времени – «**knew**». В тексте оригинала он употреблен 9 раз в сочетании с различными местоимениями: **I knew/sheknew/I knew/youknew/I**

knew/youknew/I knew/youknew. Грамматическая конструкция остается неизменной – подлежащее+сказуемое/местоимение+глагол в форме прошедшего времени. Еще одним элементом, составляющим данный фрагмент, является глагол «think», который в большинстве случаев также употребляется в форме прошедшего времени и также сочетается с местоимениями: **I thought/I thought/you thought/I thought.** Третьим повторяющимся элементом является параллельная конструкция – сложносочиненное предложение, состоящее из двух простых двусоставных: **she said you didn't/you say you didn't.** Таким образом, оба персонажа обмениваются практически одними и теми же фразами, по сути не говоря друг другу ничего и не добавляя новых смыслов. Возникает ощущение, что они говорят только для того, чтобы что-нибудь сказать и избежать неловкого, тягостного молчания. На протяжении этого короткого отрывка глагол «know» в форме прошедшего времени употребляется ими обоими настолько часто, что смысл слова как бы утрачивается и остается только звуковая оболочка. На наш взгляд, это демонстрирует именно тот уход от общения, о котором говорит сам драматург. У его персонажей нет цели обменяться какой-то информацией или объяснить что-то друг другу; постоянный повтор одного и того же слова здесь, скорее, демонстрирует именно нежелание или неспособность что-либо объяснить собеседнику. Они оба избегают употребления распространенных конструкций и ограничиваются употреблением двух-трех ключевых слов (**knew, thought, said**), что делает их разговор бессмысленным и бесцельным. Пинтер сознательно не употребляет дополнение – предмет разговора сознательно не называется. Возникает абсурдная ситуация обмена одинаковыми по конструкции и содержанию фразами, которые уже не служат коммуникативной цели; в данной ситуации, когда муж героини и его лучший друг (он же – любовник героини) выясняют, что на самом деле все стороны любовного треугольника давно знают о его существовании, герои Пинтера не общаются между собой не потому, что не могут, а потому, что не хотят – ведь ситуация, в которой они оказались, когда многолетнее предательство и обман наконец вскрылся для всех его участников, вряд ли располагает к дружескому общению.

На наш взгляд, в тексте перевода была совершена попытка сделать данный фрагмент менее абсурдным и менее монотонным за счет использования местоимений, частиц и даже одного безличного предложения которые отсутствуют в тексте оригинала (**уже, же, как, так, а, о чем, о том, вот, насколько мне помнится**). Нам кажется, что включение в текст перевода дополнительных элементов приводит к тому, что речь персонажей становится менее бессвязной и более логичной. В свою очередь, это ведет к изменению речевой интенции героев: если в тексте оригинала ни один из них не ставит перед собой цели достичь какого-то результата в процессе коммуникации и, напротив, каждой своей репликой демонстрирует стремление уйти от общения, то в тексте перевода герои настойчиво пытаются понять друг друга и выяснить, о чем же идет речь.

Текст оригинала	Текст перевода
Emma: Last night. I think we were up all night. – p. 173 [..] He told me everything. I told him everything. We were up all night. – p. 175	Эмма: Этой ночью. Да мы, кажется, так и не ложились всю ночь. –с. 462 [...] Он рассказал мне все. И я ему все рассказала. Мы глаз не сомкнули... всю ночь. ---с. 463

Два года спустя после завершения их романа Эмма рассказывает Джерри о разговоре со своим мужем Робертом, после этого разговора Эмма и Роберт решили расстаться. Их роман с Джерри тоже давно остался в прошлом, как и отношения Эммы с мужем. Простые предложения (Подлежащее+сказуемое+прямое дополнение+прямое дополнение) образуют параллельные конструкции (**He told me everything/I told him everything**), порядок слов в которых остается неизменным. В совокупности с полностью повторяющимся фрагментом **we were up all night** они создают монотонное повествование и атмосферу безразличия. Кроме того, данный фрагмент образует рамочный повтор (framing); как считает В.А. Кухаренко, функция рамочного повтора – разъяснить/усилить значение повторяющегося элемента, употребленного в начале предложения. Фрагменты, заключенные между повторяющимися частями, объясняют и уточняют значение первого из двух повторяющихся элементов; таким образом, когда данный элемент употребляется повторно, его значение конкретизировано и уточнено [5, с.41]. В данном случае повторяющийся элемент **we were up all night** уточняется с помощью предложений **He told me everything. I told him everything**: мы понимаем, что Эмма и ее муж не спали всю ночь именно потому, что разговаривали и рассказывали друг другу всю правду, а не по какой-либо другой причине. В тексте перевода наблюдается отсутствие рамочного повтора (ср.: «**Так и не ложились всю ночь/Мы глаз не сомкнули всю ночь**»); это ведет к тому, что снимается акцент со второго повторяющегося элемента, который, таким образом, теряет свою значимость.

В тексте оригинала Эмма не старается подыскать разнообразные слова, чтобы выразить свою мысль. Напротив, она повторяет одно и то же, как заведенная пластика. В тексте перевода изменение порядка слов в первых двух предложениях ее второй реплики (**Он рассказал мне все. И я ему все рассказала**) ведет к нарушению параллелизма и, следовательно, делает ее речь менее монотонной.

Перевод данной пьесы был осуществлен в 1980-е годы; на наш взгляд, весьма неполное отражение основных составляющих индивидуального стиля драматурга в тексте перевода обусловлено в первую очередь именно той литературной нормой, которая господствовала в советской культуре на момент перевода данной пьесы Пинтера. Вероятно, идея использования столь значительного числа повторов противоречила нормам литературного сознания того времени, вследствие чего переводчики старались заменить повторяющиеся слова синонимами или вовсе опустить. Поскольку советскими драматургами не создавалось произведений в жанре абсурда,

вполне естественным кажется тот факт, что при переводе англоязычной пьесы не было уделено особого внимания тем лексическим и синтаксическим приемам и выразительным средствам, которые являлись характерными для зарубежной абсурдистской традиции.

Список литературы

1. Арнольд, И.В. Стилистика декодирования. Курс лекций / И.В. Арнольд. – Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ им. А. И. Герцена). – 1974. – 78 с.
2. Баткин, Л. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре / Л.Баткин. – М.: Журнал «Октябрь», Курсив-А, 1994. – 283 с.
3. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учеб. пособие / М.И. Громова. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 368 с.
4. Дорошевич А. Знающий цену слова: Об английском драматурге Г. Пинтере / А. Дорошевич // Современная драматургия. – 2006.– № 3. – с. 118-119
5. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста./В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
6. Пинтер Г. Предательство [Электронный ресурс] –Режим доступа: <http://www.theatre-library.ru/authors/p/pinter>
7. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М.: Высшая школа, 1980. - 200 с.
8. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: Академический проект, 2008. – 697 с.
9. Сокурова О.Б. Большая проза и русский театр (сто лет сценического освоения прозы)/О.Б.Сокурова – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 240 с.
10. Таланова, А.Н. Специфика жанра и конфликта в драматургии Г. Пинтера/ А.Н. Таланова// Литература и театр: сборник научных статей. –2008. – с. 300- 308.
11. Balina, M., Dobrenko, E. The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature/ M. Balina, E. Dobrenko. – Cambridge University Press, 2011 – 297 p.
12. Begley, V. Harold Pinter and the Twilight of Postmodernism./V.Begley. – University of Toronto press incorporated, 2005. – 207 p.
13. Bennet, M.Y. Reassessing the Theatre of the Absurd: Camus, Beckett, Ionesco, Genet, and Pinter./M.Y. Bennet. – Palgrave Macmillan, 2011. – 190 p.
14. Bigsby, C.W.E. A Critical Introduction to Twentieth-Century American Drama: Volume 2, Williams, Miller, Albee./C.W.E.Bigsby. – Cambridge University Press, 1984. – 364 pages.
15. Burkman, K. H. «The Dramatic World of Harold Pinter: its basis in ritual»./ K. H. Burkman, – Ohio State University Press, 1971. – Drama – 171 p.
16. Carlson, Harry G. Problems in Play Translation Educational Theatre Journal/ Harry G. Carlson// The Johns Hopkins University Press. – 1964. – Vol. 16, No. 1.– pp. 55-58.
17. Esslin, M. The Theatre of Absurd./M.Esslin. – Garden City, New York: Doubleday, 1961. – 480 p.
18. Innes, C.D. Modern British Drama: The Twentieth Century./C.D. Innes. – Cambridge University Press, 2002 – 572 p.
19. Knowles, R. Understanding Harold Pinter/ R. Knowles. – University of South Carolina Press, 1995. – 232 p.
20. Leach, R., Borovsky, V. A History of Russian Theatre./R. Leach, V. Borovsky. – Cambridge University Press, 1999. – 446 p.
21. Pinter, H. Complete works: Four. / Harold Pinter. – Grove Press, New York. – 296 p.
22. Raby, P. The Cambridge Companion to Harold Pinter./P.Raby. – Cambridge University Press, 2009. – 323 p.

23. Russel, R. Russian Drama of the Revolutionary Period./R.Russell. – Rowman& Littlefield, 1988. – 186 p.

24. Simard, R. Postmodern Drama: Contemporary Playwrights in America and Britain./R.Simard. – Lanham, UP of America, 1984.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА «БОЯ» В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАЛЕРИК»

Бурдун С.В.

старший преподаватель кафедры русского языка,
Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается семантика поэтического образа «боя». В тексте анализируются средства лексико-семантической экспликации мотивов, воплощаемых этим образом, и обращается внимание на то, что слово-образ «бой» в стихотворении используется как в роли поэтического образа сражения, так и при воплощении мотива борьбы добра и зла.

Ключевые слова: лексема, сема, семантика слова, образ, мотив, поэтический текст.

11 июля 1840 года Лермонтов участвовал в кровопролитном бою на реке Валерик между отрядом генерала Галафеева и чеченцами. «Обе стороны понесли большие потери, но существенного военного успеха достигнуто не было» [5, с. 78]. Это сражение стало поводом для написания поэтом стихотворения «Валерик», обладающего сложной жанрово-стилистической организацией и состоящего из любовного послания и описания батальных сцен, которые являются частью письма к любимой женщине.

В данной статье будет рассмотрено описание собственно сражения, в аспекте того, как воплощается образ «боя» в лексико-семантической ткани стихотворного текста.

Синонимы «бой», «схватка», «сражение» являются основными лексемами, эксплицирующими смысловые нюансы мотива борьбы в произведении. Понятие «борьба», по мнению В.Я. Тихоновой, является одним из ключевых концептов русской концептосферы [6, с. 10] и не может не влиять на формирование художественных образов. В поэзии Лермонтова индекс частотности лексемы «бой» составляет 76 употреблений, что превосходит частотность употреблений синонимов этого слова в творчестве поэта. Интересно сравнить ряды синонимов к лексеме «бой» в лирических текстах стихотворений «Бородино» (бой – 6, сражение – 1, сеча – 1, схватка – 1), и «Валерик» (бой – 3, битва – 1, резня – 1, дело – 1, сшибка – 1, представленья – 1, трагический балет – 1). Набор синонимов в стихотворении «Валерик» более разнообразен и стилистически неоднороден, что обогащает слово-образ «бой» новыми смысловыми компонентами. Батальные повествования в этих двух произведениях составляют тематическое единство, в котором обнаруживаются основные образы и связи между ними. Основными являются обра-

зы места, времени, противников, умирающего на поле боя командира/товарища и, наконец, самого сражения. Образ рукопашной схватки оказывается центральным в поэтических текстах двух стихотворений. В «Валерике» эпитеты «смертный», «жестокий» и лексема «кровь» с её дериватами (5 употреблений) реализуют семантику «кровопролитного боя», экспрессивность которой усиливается просторечием «резня» и словосочетанием «резались жестоко». Слово «резня» Лермонтов использовал в своём творчестве только один раз, и именно это малочастотное слово является ключевым в лексико-семантическом пространстве данного текста, а отрицательная эмоциональная оценочность лексемы обуславливается семами «жестокая», «бессмысленная», «кровопролитная» в значении этого наименования сражения. Так образ рукопашной схватки в стихотворении «Валерик» эксплицирует мотив бессмысленности жестокого кровопролития.

Изображение битвы невозможно без образа противника. «Голпы удалцов» – единственная дефиниция противника в тексте стихотворения. Эти «удальцы» пришли на «братний зов» – мотив родства воинов. В «Бородино» мотив родства звучал по отношению к русским бойцам. В «Валерике» нет противопоставления сражающихся по признаку «свои» – «чужие», «русские» – «нерусские», как в «Бородино». Только однажды рассказчик называет тех, кто по другую сторону битвы, – «горцами». В изображении противника появляются новые смысловые компоненты, характеризующие его как «неуловимого», «невидимого». Этого автор достигает с помощью метонимии, когда говорит о горцах, называя предметы, им принадлежащие (*ружьё как будто заблестало, ...мелькнуло шапки две, ...вон кинжалы*). Только дым в лесу и дико скликающиеся голоса говорят о присутствии врага. Молчание противника развивает в его грозном образе смысловой компонент «неуловимости» (*ещё продвинулись – молчат; ...то было грозное молчанье, ...ура – и смолкло, ...резались жестоко, как звери, молча*). Указывая на то, что «в русском языке отсутствие природных звуков и отсутствие человеческой речи обозначаются разными словами», Н.Д. Арутюнова подчёркивает: «При этом тишина ассоциируется с покоем и тихой печалью, молчание – с холодом, отчуждением, тревогой» [1, с. 115]. Тревога, отчуждение, ожидание схватки – так реализуется мотив напряжённого ожидания боя. В стихотворении «Бородино» русские воины тоже, «долго молча отступая», ждут начала схватки, но в «Валерике» ожидание более напряжённое, потому что невидимый и неуловимый враг грозит большей опасностью.

Русские воины, «казачки» – «народ испытанный», не случайно они называют битву «делом». Этот новый синоним актуализирует в образе «боя» сему «занятия», «профессии». «Сшибки удалые» для них – развлечение, «трагический балет». Нет страха. Они возбуждены во время схватки (*...Кровь загорелась в груди! Все офицеры впереди...*). Но нет и того соборного единения, которое воодушевляет солдат на бой в стихотворении «Бородино».

Образ погибшего капитана – один из основных в отражении мотива борьбы и в образной системе всего стихотворения. Бойцы тихо плакали по своему товарищу и командиру. Если в «Бородино» смерть полковника во-

площадает мотивы жертвенности и подвига, то смерть капитана в «Валерике» эксплицирует мотив смерти. Этот же мотив воплощает название места сражения – «Река смерти».

Образы противников не становятся антиномиями боя. Е.Г. Эткинд в работе «Материя стиха» обратил внимание на то, что автор намеренно нарушает логику причинно-следственных рядов, с помощью глаголов он обозначает действие, при этом носитель действия скрыт: «*Чу! в арьергард орудья просят... – кто? Вот тащат за ноги людей – кто? С гиком кинулись на пушки? – кто? Градам пух с вершин деревьев отряд осыпан – Кем? Пустили несколько гранат – кто? Молчат – кто? Вдруг залп – кто его произвёл? Лежат рядами – кто? В штыки, дружнее! – раздалось за нами – кто это сказал? Ура! – и смолкло – кто крикнул? И кто смолк? Вон кинжалы, В приклады! – кто это сказал? Кто дал такую команду? ...и пошла резня – наконец-то в предложении появился субъект, но отвлечённый, общий. Дальше тоже глаголы действия, лишённые деятеля: *резались, запрудили*» [7, с. 206 – 207]. Это ощущение запутанности усиливает и отсутствие местоимений. «[Мы] *Пустили несколько гранат; [Мы] Ещё подвинулись; [они] молчат...* Солдаты сливаются в нерасчленимую массу, которая противостоит другой, такой же нерасчленимой массе» [7, с. 206]. Поэт не только не противопоставляет враждующие стороны, он объединяет противников, называя их «звери», а потом – «люди». Все вместе – и горцы, и русские бойцы – это толпа убивающих друг друга людей.*

Ещё один синоним к слову «бой» – «представленьё» (так называет сраженьё рассказчик), отсылает нас к смысловому компоненту «театральности» действия. «Трагический балет», где смерть реальна, реализует значение «абсурдности», «бессмысленности» кровопролития.

Противоборствующими сторонами в стихотворении становятся «жалкие», убивающие друг друга люди и спокойная, гордая, вечная животворящая природа, за которой имплицитно присутствует Сам Творец: *Огнём дыша, пылал над нами лазурно-яркий свод небес; ... Под их зелёными шатрами; ...А там, вдали, грядой нестройной, но вечно гордой и спокойной, тянулись горы – и Казбек сверкал главой остроконечной.* Так, заметив, что война уродует природу, «извращает естественные взаимоотношения: ...мутная волна / Была тепла, была красна», Е.Г. Эткинд делает вывод о том, что «главное противоречие не между русскими и чеченцами, а между людьми и природой: её величавым покоем и их судорожной резнёй» [7, с. 206]. По мнению С.И. Ермаковой, в «Валерике» получает художественное воплощение мысль о противоестественности войны, которую потом подхватит и разовьёт Л.Н. Толстой. Главным аргументом против войны у Лермонтова, как и у автора «Севастопольских рассказов», становится природа, дающая право на жизнь всем людям («Под небом места много всем...»). Война же, отнимая это исконное, дарованное самой природой право, вступает с ней в коренное противоречие» [2, с. 69].

Несмотря на разное отношение автора к освободительной войне 1812 года и кавказкой войне, где приходилось сражаться на чужой территории, семантика образа «боя» в текстах этих двух стихотворений развивается от конкретного значения к абстрактному, от изображения реального физического противоборства к ирреальному, метафизическому, получающему черты

обобщённости и символичности. О.В. Кондрашова считает, что «повторяемость, обобщение, абстрагирование слова-образа и перерастание его в мотив способствует его символизации, где символ – скорее понимаемая, чем воспринимаемая сущность, скорее идея, чем предмет» [3, с. 139]. Так слово-образ «бой» и его контекстуальные синонимы в лексико-семантическом пространстве стихотворений «Бородино» и «Валерик» используются как в роли поэтического образа сражения, так и при экспликации мотива борьбы и, являясь центральной частью этого мотива, символизируют борьбу жизни и смерти, добра и зла.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употреблений // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 106 – 117.
2. Ермоленко С.И. «Я к вам пишу...» // «Валерик» М.Ю. Лермонтова: м Опыт жанрового анализа. – [Электронный ресурс] / С.И. Ермоленко – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>.
3. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова. Краснодар, 1998. – 279 с.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 2т. – Т. 1. – М., 1988. – 720 с.
5. Лермонтовская энциклопедия. – М., 1987. – 784 с.
6. Тихонова В.Я. Концепт «борьба» в русской языковой картине мира // Автореф. дис. – канд. филол. наук. М., 2005. – 22 с.
7. Эткинд Е.Г. Материя стиха. / Репринтное изд. СПб, 1998. – С. 188 – 222.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ «KIND» И «ДОБРЫЙ» В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ)

Буренкова О.М.

зав. кафедрой иностранных языков и перевода, к. пед. н., доцент,
Институт экономики, управления и права, Россия, г. Казань

Гилязева Э.Н.

доцент кафедры иностранных языков и перевода, к. филол. н., доцент,
Институт экономики, управления и права, Россия, г. Казань

Статья посвящена изучению функционирования концептов “kind” и «добрый» в рамках английской и русской концептосфер, анализу особенностей вербализации данных концептов во фразеологических сочетаниях.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, лингвокультура, фразеологическое сочетание.

Изучение функции языка как средства членения и осмысления окружающей действительности послужило основой формирования представления о системе культурно обусловленных концептов, которые воплощены в естественном языке, обслуживающем процесс коммуникации. Усвоение как конкретными людьми, так и определёнными поколениями людей уже существующих концептов, употребление соответствующих им языковых выражений означают использование результатов практического опыта социума, нации. Обращение к изучению концептов “kind” и «добрый» обусловлено интересом

к проблеме выражения данных концептов в современном английском и русском языках. Данные концепты занимают особое место в концептосфере английского и русского языков. Доброта – общечеловеческое качество, но выражаться может в различных языках своеобразно.

Ядро любого вербально выраженного концепта – основное понятие, семы, зафиксированные в словарных статьях, показывающие развитие концепта в национальной концептосфере. Ядро концепта составляют наиболее актуальные для носителей языка ассоциации.

Для того чтобы составить представление о ядре концептов “kind” и «добрый», необходимо обратиться к толковым словарям разных лет и изучить содержащиеся в них словарные статьи, потому что, как известно, именно словари являются фиксаторами наиболее устоявшихся и оформившихся определений. Изучение дефиниций, которые концепты “kind” и «добрый» получают в толковых словарях, позволили раскрыть содержание данных концептов. Первоначально лексическая единица «kind» как прилагательное означало «естественный, природный», впоследствии это понятие расширилось и обрело множество значений, но в современном английском языке доминирующим значением данного слова является – «человек благожелательный, проявляющий заботу и оказывающий помощь людям» [1, 2, 3, 4].

Значение концепта «добрый» развивалось не прямолинейным, односторонним путём, а постепенно вобрало в себя несколько значений: «добротный», «красивый», «нравственный», «истинно правильный». В современном русском языке концепт «добрый» выступает в значении, прежде всего, морально-этического плана, то есть «относящийся к людям с расположением», «отзывчивый», «человек, вбирающий в себя только хорошее, положительное» [5, 8, 9].

Сравнивая развитие концептов “kind” и «добрый», можно увидеть, что данные слова, имеющие разное происхождение и сохранившие на себе отпечаток истории, именуют всё же в современном английском и русском языках концепты, значения которых очень близки. Концептуальное поле можно рассматривать с двух сторон: 1) как свойство субъекта безотносительно к какому-либо объекту (“affectionate, benevolent, benign, considerate” – «доброжелательный, отзывчивый, дружелюбный»); 2) как восприятие определённого отношения объектом (“charitable, compassionate, beneficent, helpful” – «щедрый, благодетельный, делающий добрые дела»).

Во фразеологии концепт “kind” представлен достаточно широко, что говорит о высокой значимости данного явления для английской лингвокультуры.

Фразеологические единицы (ФЕ), представляющие концепт “kind” можно разделить на несколько групп:

1) ФЕ, указывающие на характер человека (“kind soul” – добряк, “the perfection of kindness” – сама доброта, “milk of human kindness” – добросердечие);

2) ФЕ, указывающие на нежелательность непрошенной доброты (“*to be cruel to be kind*” – *быть беспощадно добрым*, “*to kill with kindness*” – *убить добротой*);

3) ФЕ, указывающие на то, что доброта предполагает ответную реакцию (“*to make a poor return of kindness*” – *недостойно отплатить доброту*, “*to return kindness twofold*” – *возместить доброту вдвойне*);

4) ФЕ акционального содержания: (“*to think kindly of smb*” – *не помнить лихом*, “*to enjoy the beams of smb’s kindness*” – *наслаждаться лучами чьей-то доброты*, “*to give a kind reception*” – *оказать добрый прием*, *to take kindly to smth* – *отнестись благожелательно*).

Стоит также выделить отдельно такие фразеологические сочетания с лексической единицей “kind”, которые не вошли в выше представленную классификацию: “*It’s really kind of you (to help us)*”. – Очень любезно (мило) с вашей стороны (нам помочь). Данное сочетание переводится именно словом «любезно, мило», чтобы выразить свою признательность кому-либо за то, что тот сказал или сделал, то есть «ты очень благородно, хорошо поступил, что помог нам», выражает именно идею помощи.

Существование шаблонных формул вежливости (выражение просьб и благодарности), построенных на базе лексической единицы “kind” указывает на актуальность признака «вежливость» в составе концепта.

“*Would you be so kind enough/ as to...?*” – используется в официальном английском языке, когда хотят выразить просьбу, но важно отметить, что данная фраза, употребляемая в разговорном английском языке, звучит очень грубо и недоброжелательно. Интересно отметить, что Дж. Лич и Дж. Свартвик, называя вежливой просьбой такие высказывания, как “*Would you mind starting again?*” (Ты бы не возражал начать снова?), “*Would you be good / kind enough to let me know?*” (Был бы ты достаточно добр, чтобы сообщить мне?), “*I would be (extremely)*”, подчеркивают, что они типичны для разговорного английского. При этом они уточняют, что в формальных письмах используются “*I would be very grateful if you would...*” (Я был бы очень признателен, если бы вы...), “*I would appreciate it if you could...*” (Я бы оценил, если бы вы могли...). Данный факт свидетельствует о том, что в английской коммуникативной культуре (по сравнению с русской) нейтральный уровень вежливости сдвинут в сторону высокого уровня, то есть в сторону формальной вежливости. Любопытно, что английский язык не всегда имел столь развитую систему средств выражения просьбы и не всегда предпочтение отдавалось именно косвенным способам ее выражения.

“*With kind regards*” – «с наилучшими пожеланиями», «с сердечным приветом». Данная фраза пишется обычно в конце письма, более неофициально звучит, нежели его синоним – “*with best regards*”; смысл заключается в том, что люди друг друга хорошо и близко знают. Когда человек посылает свои «приветы» (то есть “*regards*”), это значит, что он думает об этих людях, которым пишет письмо, что он испытывает к ним хорошие, благие чувства. “*With best regards*” – более официальное выражение и пишется обычно в конце деловых писем, дабы показать, что уделяете внимание каждому [6].

В русском языке сохранилось немало слов и выражений, первоначальное осмысление которых предками остаётся незамеченным, оно как бы стёрлось. Выражения эти стали привычными языковыми шаблонами. Это относится и к выражениям со словом «час».

«*В добрый час!*» – напутствуют близких и друзей, отправляющихся в дорогу или на какое-либо важное дело. В этом пожелании сохранилось древнее значение слов «час» – «пора», «время» и добрый – «хороший», «благоприятный», то же самое как «*Добрый путь*», «*Доброе утро!*», «*Добрый вечер!*». Говоря «*В добрый путь!*» люди пытались оберечь словом от злых сил и злоключений.

Подобные благожелания существовали практически на каждый случай жизни.

Пожелание «*В добрый час!*» первоначально употреблялось не только при прощании, но и в других ситуациях, требующих защиты от злых сил. Так, поговорка «*В добрый час будь сказано!*» основана на поверье, что в «добрый час» можно говорить все, что хочешь, а в «худой час» лучше всего отмолчаться.

Такие представления о «добром» и «худом», «плохом», «недобром» времени известны многим народам.

Фразеологизм «*Люди доброй воли*» называет тех людей, которые выступают за мир между народами и за дружбу людей всех национальностей. Это выражение появилось в 1950 году, когда Постоянный Комитет Всемирного конгресса сторонников мира на съезде в Стокгольме использовал в опубликованном им воззвании: «*Мы призываем всех людей доброй воли со всего мира...*».

В современных СМИ можно встретить и другое близкое по смыслу выражение. Часто говорят о «*миссии доброй воли*»: это когда представитель одной страны направляется в другую для мирных переговоров или для улучшения отношений между странами [6]. «*По доброй воле*» – «без принуждения, по своему желанию», то есть по «доброй» или «хорошей» воле, без конфликта, по собственному желанию.

Встречаются многочисленные варианты сочетаний со словами «*старый добрый*», выражающие ностальгическую грусть (иногда ироническую) по самым разным поводам: «*старое доброе время*», «*старый добрый фильм*». Можно провести параллель с английским сочетанием “*meery England*”, которое на русский язык обычно переводят как «старая добрая Англия», значит «весёлая Англия», Англия, которая была в прошлом до того периода, когда индустрия стала развиваться и большие города стали расти. Говоря так, люди имеют в виду, что жизнь тогда была приятней и проще, полна развлечений, песен, танцев, они выражают именно ностальгическую грусть по ушедшему счастливому времени.

Итак, проанализировав фразеологические сочетания, встречающиеся с лексическими единицами “*kind*” и «добрый», можно сделать вывод о том, что в английском языке фразеологизмы, в основном, выражают значение доброты как обязательной реакции, человек должен что-то взамен сделать, или

вежливое и уважительное отношение к другому человеку. А в русском языке концепт «добрый» представлен как благое пожелание, антоним чему-то плохому и недоброму, или в значении «доброжелательный, делающий добро».

Список литературы

1. Cambridge International Dictionary of English [Text]. – Cambridge University press, 1995. 1792 p.
2. Encarta World English Dictionary [Electronic resource] // [site]. – [1999]. – URL: <http://encarta.msn.com>. (access date: 09.09.2015).
3. Webster's third new International Dictionary of the English language [Text]. – in 3 volumes. Unabridged. – Chicago, London, Paris: Encyclopedia Britannica, 1993. 2816 p.
4. Webster's Revised Unabridged Dictionary [Electronic resource] // [site]. – [1996]. – URL: <http://machaut.uchicago.edu/websters> (access date: 09.09.2015).
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // [сайт]. – [2005]. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 06.09.2015).
6. Культура в жизни [Электронный ресурс] // [сайт]. – [2012]. – URL: <http://www.culttoday.ru/cultstorys-47-6.html> (дата обращения: 10.09.2015).
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А.В. Кунин; лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Русский язык», 1984. 944 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // [сайт]. – [2008]. – URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6762> (дата обращения: 04.09.2015).
9. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] // [сайт]. – [1998]. – URL: <http://ushdict.narod.ru> (дата обращения: 06.09.2015).

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕПОЛНЫХ, ОДНОСОСТАВНЫХ, ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ И ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ СТРУКТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Власенко Г.М.

аспирант, Московский государственный областной университет,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются смежные понятия синтаксиса, зачастую вызывающие разногласия среди лингвистов – неполные предложения, односоставные предложения, эллиптические и парцеллированные конструкции. Указанные структуры анализируются с точки зрения их функционирования в современном французском языке.

Ключевые слова: синтаксис текста, коммуникативный синтаксис, парцелляция, неполное предложение, односоставное предложение, эллиптическое предложение.

Несмотря на то, что область синтаксиса как в конкретных языках, так и в общетеоретическом плане исследуется довольно давно, некоторые вопросы до сих пор вызывают разногласия среди ученых. Ряд противоречий возникает при переходе от синтаксиса предложения к более широкому понятию-синтаксис текста. Особенно интересна для исследования современная художественная проза. Именно благодаря ее проницаемости, способности впиты-

вать в себя живые разговорные конструкции можно пронаблюдать все варианты структур, вызывающих дискуссии в лингвистическом сообществе.

Проза изобилует неполными и односоставными предложениями, эллиптическими и парцелированными конструкциями. Структура, семантика и коммуникативные возможности подобных конструкций соответствуют основным функциям художественного текста, а именно функции усиленного эмоционально-интеллектуального воздействия на читательскую аудиторию и вместе с тем возможности отражения неповторимого авторского стиля. Для подтверждения актуальности заявленной темы можно привести ряд примеров, взятых из романа французского писателя Эрика-Эммануэля Шмитта «Когда я был произведением искусства»:

C'était le petit garçon le plus gai et le plus vif que j'ai jamais connu. Un vrai soleil dans la maison [12, с.212].

Proposer à un homme de devenir un objet ! Et quelle objet ! [12, с.139]

Mallory était solaire. Toujours pleine d'énergie et de gaieté [12, с.79].

В приведенных выше примерах самостоятельный сегмент выделяется после сильного пунктуационного знака (точки, многоточия, восклицательного и вопросительного знаков). Подобного рода структуры могут быть отнесены к неполным, односоставным, парцелированным или эллиптическим конструкциям; а зачастую объединять в себе несколько понятий. Одной из важнейших при этом остается проблема определения, разграничения и классификации таких конструкций.

На грамматическом уровне выделяются двусоставные и односоставные предложения по наличию в них подлежащего и сказуемого, либо главного члена односоставного предложения.

Что касается термина «односоставное предложение», русские и французские лингвисты придерживаются в целом единого мнения в вопросе его определения. Под односоставными (*propositions à un terme essentiel*) понимаются предложения, состоящие из одного главного члена, иногда сопровождаемого второстепенными. Признание двусоставного предложения в качестве образцовой модели приводит А.А. Шахматова к определению односоставного предложения по аналогии с двусоставным, т.е. к сближению его главного члена то с подлежащим, то со сказуемым [11, с.129].

Вопрос же распределения односоставных предложений по категориям вызывает определенные противоречия, это объясняется неоднородностью таких структур по составу, интонации и степени взаимосвязанности компонентов. У исследователей встречаются различные варианты классификации односоставных предложений, в основе большинства из данных классификаций лежит грамматический принцип. При этом коммуникативная функция односоставных предложений часто остается без должного внимания.

Типы односоставных предложений напрямую зависят от грамматической категории, поддаются логической классификации. К примеру, Васильева Н.М. главным критерием классификации называет морфологическую при-

роду главного члена предложения. Таким образом, односоставные предложения подразделяются на именные, глагольные и наречные [5].

Вопросы типологии односоставных предложений глубоко и полно разработаны также в трудах В.В. Бабайцевой и П.А. Леканта. По их убеждению при классификации и анализе односоставных предложений следует учитывать все признаки, свойственные простому предложению: логический, структурный, семантический и грамматический. Одна из классификаций односоставных предложений, существующих в настоящее время включает следующие структурно-семантические разновидности: личные (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные); безличные (глагольные, наречные, причастные, отрицательные конструкции с существительным и инфинитивом); инфинитивные; номинативные; вокативные и нечленимые [4, с.18].

Тем не менее анализ односоставных предложений исключительно с точки зрения их морфологической структуры не дает полного понимания разнообразия их структурных типов. Этот вопрос граничит с проблемой разграничения понятий- односоставное и неполное предложение.

Во французской и русской лингвистике нет единства в определении статуса неполных предложений. Сложности возникают при проведении параллелей между терминами двух языков, так в современной французской лингвистике существуют три ведущих подхода к трактовке термина «неполное предложение»:

1) термин «неполное предложение» (*énoncé incomplet*) трактуется в рамках понятия дискурса, высказывания и тема-рематического членения предложения. Таким образом «неполными» признаются предложения с отсутствующими темой или ремой, а также безглагольные предложения с присутствующими темой и ремой. Такая трактовка довольно широко распространена в работах современных зарубежных лингвистов. То есть, на первый план ставится критерий полноты/ неполноты смысловой (информативной), а не структурной (грамматической) [4, с. 56-58].

2) термин «неполное предложение» рассматривается с точки зрения структурных критериев. Строгий структурный подход к анализу полных и неполных предложений был и остается лидирующим в отечественной романистике. Согласно принятой большинством исследователей точке зрения, неполносоставными (или эллиптическими) являются предложения, в которых один из членов предложения остается невыраженным. При этом отсутствующий член предложения может быть легко восстановлен благодаря тесной связи данного типа высказываний с контекстом [5, с. 224].

3) полное и неполное предложение как варианты одного и того же предложения, реализуемые в разных условиях. П.А.Лекант отмечает, что структура неполного предложения и его принадлежность к тому или иному виду односоставных или двусоставных предложений устанавливается путем его сопоставления с соответствующим полным. В контекстуально неполных предложениях обычно бывают опущены все повторяющиеся слова (в некото-

рых случаях – оба главных члена предложения), а употребляются только те, которые несут новое содержание [8, с.12].

Существенные различия данной трактовки от рассмотренных выше особенно касаются термина «эллиптические предложения». Если в рассмотренных работах отечественных романистов термины «неполное» и «эллиптическое предложение» близки и даже не всегда разграничиваются, то в работе П.А.Леканта и соавторов между данными терминами проводится четкая грань: эллиптические предложения, в отличие от неполных, не имеют соотносительных вариантов. Глагол в подобных предложениях сокращен без «возмещения» в контексте [8, с.15].

Нам кажется обоснованной теория, сближающая неполные и эллиптические предложения, так как эллиптические предложения все же обладают главным структурным признаком неполного предложения, отмечаемого всеми исследователями – пропуском одного (или нескольких) членов предложения, который восстанавливается при помощи контекста или ситуации речи. Именно поэтому представляется, что эллиптические предложения все же можно считать разновидностью неполных.

Как отмечалось ранее, помимо выделения типов неполных предложений существует неопределенность в терминологии этого синтаксического явления. Понятие неполное предложение в русской лингвистике соотносится с термином неполное высказывание (*énoncé incomplete*) во французской лингвистике. Возможные противоречия заключаются в принципиальном различии высказывания и фразы.

Важно разграничивать понятия – фраза и высказывание. Фраза, как категория грамматическая, имеет значение, выраженное лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами, которое не меняется в зависимости от контекста. Высказывание же, являясь частью процесса коммуникации, может варьировать смысловую составляющую, находясь под прямым влиянием контекста. Таким образом, анализ рассмотренных ранее структур может быть осуществлен на разных уровнях- грамматическом (в рамках предложения) и коммуникативном (в рамках текста).

Переходя с уровня предложения на синтаксис текста можно видеть ясное различие в употреблении односоставных/двусоставных и неполных предложений. Односоставные предложения, обладая семантической самостоятельностью, формируют относительно независимое от контекста слева высказывание.

Тогда как неполные зачастую становятся частью парцеллированных конструкций или присоединения, выполняя стилистические функции.

Парцеллированные конструкции являются наиболее распространенными конструкциями экспрессивного синтаксиса как в русском, так и во французском языках. Термин «парцелляция» восходит к французскому слову «*parceller*», что значит «делить, дробить на части»; он применяется для обозначения способа членения текста. Несмотря на французское происхождение термина – наиболее подходящим эквивалентом в современной французской

лингвистике нам представляется термин – фрагментация текста (*fragmentation du texte*).

Основными грамматическими признаками подобных конструкций являются следующие:

- 1) наличие базовой части и парцеллята (одного и более);
- 2) отделение каждого значимого компонента финальным знаком препинания;
- 3) наличие и у базовой части, и у парцеллята синтаксической самостоятельности и сохранение при этом между ними грамматической связи, что позволяет парцеллята при проверочной «депарцелляции», т.е. искусственном восстановлении цельного предложения, функционировать в его составе в качестве члена или части сложного предложения [7, с.59-62].

Парцелляция является одним из интереснейших явлений современного синтаксиса речи. Многие языковеды отмечают, что парцелляция – явление живое, активное, особенно в языке художественной литературы и публицистики. По мнению Е.А.Иванчиковой, явление парцелляции диктуется прежде всего экстралингвистическими факторами: ускорение современного темпа жизни и необходимость в связи с этим передавать информацию более выразительным и кратким способом [7, с.112].

Для дальнейшего исследования особенно интересны предложения неполной и парцеллированной структур, именно в них ярко проявляется зависимость от контекста слева, смысл высказывания открывается только в сочетании с базовым предложением. Такая особенность открывает перспективы изучения закономерностей функционирования неполных и парцеллированных структур с точки зрения их тесной связи с контекстом слева.

Список литературы

1. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст] / Г.Н.Акимова.-М.:Высш.шк.,1990.- 168с.
2. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. [Текст] – М., 1968. – с. 160
3. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. [Текст] / Автореферат докторской диссертации. – Л., 1969, – с. 36.
4. Белова Н.С. Типы ответных реплик в составе диалогического единства с отрицательным вопросом (на материале французского и итальянского языков) [Текст]; Москва, 2010.
5. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология, синтаксис. [Текст] – М.: Юрайт, 2013.
6. Васильева Н.М. Синтаксис простого предложения в современном французском языке. [Текст] – М., Просвещение, 1983.
7. Иванчикова, Е.А. Парцелляция, её коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции [Текст] / Е.А. Иванчикова // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М., 1968. – С. 277.
8. Лекант П.А. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке. [Текст] / Автореферат докторской диссертации. – М., 1971.
9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. [Текст] – М., т. 3, 1958 – С. 551.

10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. [Текст] Изд. 7-е. М., 1956. – С.566.
11. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. [Текст] Эдиториал, М., 2001. – 620 с.
12. Eric-Emmanuel Schmitt Lorsque j'étais une oeuvre d'art. [Текст]. Editions Albin Michel, 2002. – 256 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ)¹

Гвоздецкая Н.Ю.

зав. кафедрой английской филологии, доктор филолог. наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет, Россия, г. Москва

В статье разработаны некоторые принципы анализа взаимодействия морфологии и синтаксиса в древнеанглийской поэтической фразеологии. Ограничения на лексическую сочетаемость в стереотипных словосочетаниях с этнонимами в форме генитива показывают, что на партитивное значение накладывается некий «эминентный» смысл, который обуславливает близость этнонима к патрониму и его особое место в эпической картине мира.

Ключевые слова: морфология и синтаксис, древнеанглийская поэзия, героический эпос англосаксов, формульные словосочетания, семантика генитива.

Древнеанглийский поэтический синтаксис характеризуется устойчивыми лексико-синтаксическими моделями, которые называются «формульными» вследствие того, что варьирование в них определяется потребностями эпического повествования (эпическими темами) или ключевыми реалиями/концептами героико-эпического мира [7, с. 45–65]. До сих пор, однако, исследователи уделяли недостаточно внимания тому, какую роль играют в построении этих моделей словоизменительные и словообразовательные формы имени.

Наша гипотеза состоит в том, что частотность появления падежных форм существительных в древнеанглийской аллитерационной поэзии, как и некоторые словообразовательные модели поэтических имен, определяются, прежде всего, той функционально-семантической нагрузкой, которую берет на себя морфология в поэтическом синтаксисе. Древнеанглийский поэтический язык формируется не только как обобщение ритмико-синтаксических моделей повествования [3], но и как семантическая специализация известных морфологических форм.

В настоящей статье предпринята попытка обосновать указанную гипотезу на материале этнонимических наименований как хранителей коллектив-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира», проект № 14-04-00580а.

ной памяти англосаксов, сформировавшейся под влиянием устной эпической традиции или в результате знакомства с латинской книжностью [2].

Исследование выполнялось на материале репрезентативной выборки всех разновидностей древнеанглийского поэтического творчества: героического эпоса («Беовульф»), религиозного эпоса («Исход»), поэтической агиографии («Елена»), исторических песней («Битва при Брунанбурге» и «Битва при Мэлдоне»), переводов античной литературы («Метры Боэция»).

В древнеанглийском поэтическом тексте этноним не функционирует как обособленная единица: этнонимия является частью обширных формульных систем, позволяющих поэту не только разрабатывать традиционные эпические темы и мотивы, но и адаптировать повествование к религиозным, культурным и эстетическим потребностям аудитории, оставаясь в пределах поэтического канона. Систематизация результатов морфо-синтаксического анализа древнеанглийских поэтических этнонимов в героическом эпосе позволила выявить ряд их общих характеристик. Согласно словообразовательной характеристике, наименования народов, встречающиеся в героической поэзии, делятся на простые и производные. Среди производных особо выделяются суффиксальные образования (с патронимическим суффиксом – *Scylfingas*, *Myrgingas*), а также композиты. Наиболее многочисленной является группа композитов, где первым элементом выступает субстантивный эпитет, то есть существительное в роли атрибута, приобретающее качественное значение (*Gar-Dene* «копье-дань», т.е. «воинственные дань») [4]. Субстантивный эпитет присоединяется к именам народов, играющих важную роль в повествовании, и позволяет выявить определенные коннотации этнонимов [5, с. 8].

Самую значительную роль в построении эпического текста играют формульные выражения с этнонимом в родительном падеже (*этноним в форме Genetivus pluralis + сущ.*), которые получают наибольшую семантическую нагрузку. Среди них, с одной стороны, выделяются словосочетания, применяемые к любому народу/племени: это конструкции с именами собственными (*Higelac Geata* «Хигелак (из рода) геатов»), а также с наименованиями лица (особенно часто вождя и его народа – *Geata leod* «вождь геатов»), территории/ландшафта (*land Dena* «земля данов») или артефактов (особенно золота и сокровищ). С другой стороны, в рамках той же генитивной конструкции встречаются сочетания, характерные для отдельных этнонимов, которые позволяют выявить специфические представления об именуемых народах [5, с. 16].

Набор лексем в составе именной генитивной конструкции позволяет предположить существование ограничений на сочетаемость на данном участке древнеанглийской поэтической фразеологии. Анализ именных сочетаний с генитивом в контексте поэмы «Беовульф» [6] обнаруживает некоторые смыслы поэтического генитива, более частные, нежели посессивность или партитивность. Так, в генитивных сочетаниях с именами собственными, как было отмечено выше, этноним приближается по смыслу к патрониму, от-

личая главного героя поэмы (Беовульф из рода геатов) от его тезки (Беовульф из рода Скильдингов).

Существенно, однако, что в подобных конструкциях отношение героя и его племени, по-видимому, не сводимо к отношению части и целого. Названный по имени герой – не один из многих, но символ племени как такового, чем определяется наличие величальных эпитетов в контексте. Ср.: *Da wæs on burgum Beowulf Scyldinga, leof leodcuning, longe þrage folcum gefræge* (53) «Был же в бурге Беовульф Скильдинг – князь, народом любимый – людям известен»; *gespræc þa se goda gylpworda sum, Beowulf Geata* (677) «вымолвил, добрый, слово похвальное, Беовульф Геатский»; *þær se goda sæt, Beowulf Geata* (1191) «там добрый воссел Беовульф Геатский», и т.п.

На партитивное значение накладывается здесь дополнительный смысл, сообщающий генитиву выделительную («эминентную», по С.Д. Кацнельсону – [1]) функцию, благодаря чему этноним в форме генитива сближается с прозвищем. Так, Беовульф «из рода геатов» четырежды именуется в поэме просто Геат, причем именно в тех контекстах, где побеждает чудовищ в Дании, то есть противопоставляется данам (строки 640, 1301, 1785, 1792).

Среди сочетаний с именем одушевленным нарицательным преобладают наименования вождя как военного предводителя; как верховного правителя, покровителя и защитника племени; как щедрого дарителя сокровищ. Племя выступает здесь как объект действий, направленных на него извне, но это объектное значение генитива в контексте перекрывается эминентным: подобные имена употребляются применительно к самым значимым персонажам поэмы, ср. *(gold)wine/helm/leod Scyldinga* (о короле Хродгаре). Отдельные исключения подтверждают правило. Из других наименований человека в данную конструкцию «допускаются» лишь те, что обозначают важные для племени функции: «страж», «дева», «мудрецы», «потомки». Сюда же относятся формульные выражения, обозначающие выдающегося воина, ср. *Here-Scyldinga betst beadorinc* (1109) «лучший воин-боец храбрых Скильдингов».

Сочетания с неодушевленными существительными, конкретными или абстрактными, обозначают предметы или понятия, символизирующие значимость племени в эпической картине мира. Это, прежде всего, наименования земельных владений, а также объектов, символически связанных с властью правителя. Ср. *eþel Scyldinga* «вотчина Скильдингов», *þруþern Dena* «цитадель данов», *giftol Geata* «престол геатов». Интересно, что иногда, казалось бы, незначительная часть ландшафта приобретает ценностный смысл в контексте: так, *Geata clifu* «скалы геатов» становятся наименованием родной земли, ибо это *cuþe næssas* «знакомые (родные) мысы» (1911–1912).

Абстрактные существительные в генитивных сочетаниях тяготеют к семантическим сферам, связанным с эпическими темами и героическим кодексом чести – это сила и мужество, битва и распря, смерть, слава, верность. Ср. *mægen Deniga* «сила данов», *Gar-Dena þrym* «слава храбрых данов», *Eotena treowe* «верность ютов».

Таким образом, генитивные словосочетания с этнонимами образуют в древнеанглийской поэзии формульные системы, в которых семантика генитива претерпевает специфическое сужение под воздействием традиционного лексического наполнения данных конструкций, определяемого потребностями эпического повествования и эпической картины мира.

Список литературы

1. Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. Часть I. Из истории атрибутивных отношений [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – М.-Л., 1949. – 384 с.
2. Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / Н.Ю. Гвоздецкая, Е.А. Полякова, А.В. Вишневский, Е.Н. Пастухова, Е.А. Шилова. – Иваново, 2013. – 212 с.
3. Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии Т. 1-2. [Текст] / О.А. Смирницкая. – М., 1994. – 712 с.
4. Стеблин-Каменский М.И. Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии (к вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля) [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский // М.И. Стеблин-Каменский. Историческая поэтика. – Л., 1978. – С. 4–39.
5. Филиппова М.А. Семантика древнеанглийских поэтических этнонимов в аспекте древнеанглийской языковой картины мира [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / М.А. Филиппова. – М., 2014. – 26 с.
6. Beowulf with the Finnsburg Fragment [Текст] / ed. by C.L. Wrenn and W.F. Bolton. – Exeter, 1992. – 303 p.
7. Magoun, Francis P., Jr. The Oral-Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry [Текст] / Francis P. Magoun, Jr. // Interpretations of Beowulf. A Critical Anthology / ed. by R.D.Fulk. Bloomington and Indianapolis, 1991. – P. 45–65.

ПЕРЕВОДЧИК – ПОСРЕДНИК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Головенкина Ю.А.

ассистент кафедры перевода и межкультурной коммуникации,
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», Россия, г. Курск

Данная статья посвящена различным аспектам профессиональной компетентности переводчика, которому в современном обществе приходится играть роль посредника в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: переводчик – посредник в диалоге культур, языковое посредничество, переводческая компетентность.

Изменение социальной роли переводчика стало не просто результатом тенденции к изучению перевода в аспекте культуры. Потребность в появлении посредников в диалоге культур была вызвана необходимостью принятия мировым сообществом срочных решений по таким глобальным вопросам, как распространение и применение ядерного оружия, терроризм, наркотрафик, экология, исчерпание энергетических запасов и природных ресурсов, демографическая ситуация, распространение различных заболеваний, меж-

конфессиональные и межнациональные конфликты, обострившимся во второй половине XX в.

С 1970-х гг. XX в. переводчиков все чаще стали называть “a mediating person” / «посредник в диалоге культур». Указанный термин был впервые употреблен С. Бохнером в книге *The Mediating Person and Cultural Identity* (1981). За несколько лет до С. Бохнера теоретик культуры Джордж Стайнер высказал мысль о том, что: «переводчик – это говорящий на двух языках посредник между одноязычными участниками коммуникации из двух различных языковых коллективов» [1, с. 45].

Хотя особое значение придается языковому посредничеству, понятие «посредник в диалоге культур», как сказано в книге С. Бохнера, гораздо шире, чем понятие «устный» или «письменный переводчик». Оно включает в себя посредничество во всех областях: переводчик одновременно выполняет несколько ролей в процессе коммуникации, от роли третейского судьи до роли «врача без границ». Р. Тафт, в своей работе определяет роль посредника в диалоге культур следующим образом: «Посредник в диалоге культур – это человек, который облегчает общение, понимание и взаимодействие между людьми или группами людей, владеющими разными языками и являющимися носителями различных культур. Роль посредника предполагает передачу оборотов речи, намерений, ощущений и ожиданий каждой из сторон друг другу, то есть, установление и поддержание процесса коммуникации между ними. Чтобы стать своего рода связующим звеном, посредник в диалоге культур должен участвовать в каждой из культур. Таким образом, культурный посредник должен быть в некотором роде бикультурным» (*перевод наш.* – Ю.Г.) [2, с. 73].

Согласно Р. Тафту, посредник в диалоге культур должен владеть следующими компетенциями:

- знание общественного устройства каждой из культур: истории, фольклора, традиций, обычаев; ценностей, запретов; естественной среды и её значения в формировании общества; стран-соседей, важных в обществе людей, и т.д.;
- навыки письменного, устного и невербального общения;
- технические навыки, которые зависят от ситуации общения, например, умение пользоваться компьютером или подбирать одежду;
- навыки общения: знание правил, определяющих социальные отношения в обществе и поведенческие установки, например, соответствующий уровень самообладания [2, с. 75].

Посреднику необходимо не только совмещать в себе две культуры, «он должен быть гибким при переключении этих двух культур» [2, с. 53]. Следовательно, посредник в диалоге культур должен развить в себе высокий уровень восприимчивости к смене культур, и достичь определенного мастерства в определении их контекста.

В упоминавшейся выше работе Д. Кэтана определены следующие ключевые ценности современного межкультурного посредника: во-первых, высокая степень толерантности к специфике иных культур; во-вторых, убеж-

дённость в относительности культурных ценностей, в том, что ни одна из культур не лучше и не хуже других [3, с. 67].

Кроме того, автор подчеркивает, что переводчик должен уметь:

- разбираться в мире культуры и культурного опыта, лежащем в основе речевых актов и письменных текстов;

- понимать потенциал двух семиотических систем в плане их возможностей воспроизведения образа;

- делать понятным выбор лингвистических средств, используемых для сообщения;

- понимать социопсихологические намерения автора;

- сопоставлять реакцию получателя исходного сообщения и реакцию читателя на переведённое сообщение [3, с. 92].

Процесс университетской подготовки специалистов-переводчиков такого уровня своей целью должен иметь формирование, во-первых, межкультурной компетенции обучающихся, под которой понимается уровень коммуникативной компетенции, способный обеспечить эффективное общение с представителями соответствующей национальной общности в определённых ситуациях общения и сферах деятельности. И, во-вторых, развитие социокультурной компетенции обучающихся. Социокультурная компетенция трактуется как взаимодействие ценностей, поведения, обычаев, традиций, языка, сформированное в определённом обществе и характеризующее его. Некомпетентность в лингвистических и экстралингвистических аспектах социокультурной компетенции (этикет, традиции, повседневные привычки, реалии и т.д.) может отрицательно влиять на развитие отношений между культурами.

Подведём итог сказанному выше. Переводчик является первым, привилегированным читателем текста оригинала, отчасти – его критиком. Основная задача переводчика состоит в том, чтобы помочь читателю текста перевода понять текст так же глубоко, как понимают его читатели исходного текста. При этом переводчик – не «словарь», а межкультурный посредник. Он должен совмещать формальное знание рабочей пары языков и знания о культуре данных языков с опытом пребывания в стране изучаемого языка. Ответом современного профессионального переводчика / посредника в диалоге культур на вопрос «Какова ваша роль в обществе?» должен стать «Моя роль заключается в том, чтобы способствовать взаимопониманию между людьми».

Список литературы

1. Steiner, G. After Babel: Aspects of Language and Translation [Текст] / G. Steiner. – London: Oxford University Press, 1995. – 182 p.

2. Taft, R. The Role and Personality of the Mediator [Текст] / R. Taft. – Boston: G.K. Hall and Co., 2000. – 153 p.

3. Katan, D. Translating Cultures. The Introduction for Translators, Interpreters and Mediators [Текст] / D. Katan. – Manchester, St. Jerome Publishing, 1999. – 271 p.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АФФИКСАЦИИ КАК СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДОГОВОРНОГО ПРАВА

Гросс М.А.

преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

В статье рассматриваются наиболее продуктивные аффиксы английской терминологии договорного права и их семантика. Также выделяются основные особенности аффиксации как способа словообразования применительно к терминологии договорного права.

Ключевые слова: терминология, аффиксация, договорное право, словообразование, суффиксы, префиксы.

Терминология любой научной области формируется и развивается согласно законам языка. Образование новых терминов возможно с использованием лишь существующих в языке способов словообразования. Одним из таких способов является деривация (или аффиксация) – образование новых слов путем добавления к основе слова аффиксов – суффиксов или префиксов.

Следует отметить, что данный способ словообразования не обладает неограниченным потенциалом в силу того, что количество существующих в английском языке аффиксов не безгранично. Так, Стоквелл и Минкова [4] говорят о существовании 129 аффиксов, а Хей и Байен [2] выделяют 54 суффикса и 26 префиксов, основываясь на исследовании корпуса британского английского. В результате нашего исследования было выяснено, что в образовании производных терминов договорного права участвует 23 суффикса и 21 префикс.

По частотности использования аффиксов в словообразовании их можно охарактеризовать как продуктивные или непродуктивные аффиксы. В данной работе под продуктивными аффиксами понимаются аффиксы, наиболее часто используемые для образования терминологии договорного права в английском языке.

При добавлении суффиксов к основе слова образуется новое слово, которое не только имеет иную семантику, но и становится новой частью речи. Исходя из того, какая часть речи образуется в результате деривации, выделяют суффиксы существительных, прилагательных, глаголов и так далее.

Наиболее продуктивным суффиксом терминологии договорного права является суффикс *-ion* с его вариациями *-tion*, *-sion*, *-ation*. Данный суффикс заимствован из латинского языка и используется для образования существительного от глагола. Как правило, существительные, образованные при помощи данного суффикса, обозначают действие или результат действия. Например, *repudiation* – отказ от выполнения обязательств; расторжение в одностороннем порядке; *astipulation* – взаимное согласие сторон; *consideration* – встречное предоставление, материальное основание договора.

Как отмечает Инго Плаг [3] данный суффикс чаще всего встречается именно в научной терминологии.

Пара суффиксов *-er/-or* и *-ee* широко используются в терминологии договорного права для наименования сторон договора, причем, как правило, существительное с окончанием *-er/-or* обозначает отдающую сторону, а существительное с окончанием *-ee* – получающую: *consignor* (грузоотправитель) – *consignee* (грузополучатель), *assignor* (цедент) – *assignee* (цессионарий), *bailor* (арендодатель) – *bailee* (арендатор), *donor* (даритель) – *donee* (дарополучатель).

Наиболее продуктивный суффикс прилагательных в английской терминологии договорного права – суффикс *-able*. Данный суффикс используется для образования прилагательного, обозначающего возможность выполнения какого-то действия над существительным, которое определяется данным прилагательным. Например, *enforceable* – имеющий исковую силу, осуществляемый принудительно в судебном порядке; *negotiable* – договорной, о котором можно договориться.

Что касается префиксов, их использование позволяет образовывать слова с новым значением с сохранением части речи. Наиболее продуктивным префиксом в терминологии договорного права является отрицательный префикс *im-* и его варианты *in-*, *im-* и *ir-*: *improper* – ненадлежащий, *incapacity* – ограничение право-, дееспособности, *irrevocable* – безотзывный. Также широко используются другие отрицательные префиксы: *un-* (*unconditional* – безусловный), *de-* (*delipidation* – невыполнение обязательства выполнить ремонт), *dis-* (*disclaimer* – отказ от права). В меньшем количестве представлены префиксы, обозначающие количество *uni* – один (*unilateral* – односторонний), *bi* – два (*bilateral* – двусторонний), *multi* – много (*multilateral* – многосторонний).

Таким образом, для английской терминологии договорного права более характерно использование суффиксации чем префиксации как способа деривации. К тому же наиболее продуктивными являются суффиксы, использующиеся для образования существительных и прилагательных. Что касается префиксов, чаще всего используются отрицательные и количественные префиксы.

Список литературы

1. Антрушина, Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка. Учеб. пособие для студентов. [Текст] // Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – М., 1999. – 288 с.
2. Hay, Jennifer. Parsing and productivity [Текст] / Jennifer Hay, Harald Baayen //Yearbook of Morphology. – 2001. – pp 203-235
3. Plag, Ingo. Word-formation in English [Текст] / Ingo Plag. – Cambridge, 2003. – 240 p.
4. Stockwell, Robert. English Words: History and Structure [Текст] / Robert Stockwell, Donka Minkova. – Cambridge, 2009. – 231 p.

ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ОТНОШЕНИЯ В ДИСКУРСЕ

Долженков В.Н.

доцент кафедры лингвистики и перевода, канд. филол. наук,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматривается выражение оценки речевого поведения партнера по диалогу как средство знакового воздействия на реципиента по коммуникации с целью побуждения его к действиям в интересах говорящего и успешного построения дискурса и вытекающего отсюда заключения, что нужен не только лингвистический анализ речевого процесса коммуникации, а более широкий психологический, социально-психологический анализ, учитывающий ситуацию общения, мотивы говорящего, содержание передаваемой информации, отношение к ней слушающего и другое.

Ключевые слова: оценочное отношение, дискурс, речевая деятельность, знаковое воздействие, речевое поведение.

Явление выражения оценочного отношения в дискурсе привлекает внимание исследователей. Так, И. Р. Гальперин отмечал, что у читателя текста «явными или скрытыми путями возникает представление оценочного характера, в большинстве случаев вызванное отношением самого автора» [2, с.116].

Оценку речевого поведения партнера в диалоге мы рассматриваем как категорию текстовую (дискурсивную). Данная категория близка категории модальности, которая выражает субъективно-оценочное отношение говорящего к тому, что сообщается. Способы выражения такой категории различаются в зависимости от вида исследуемого модального значения (например, одобрения, осуждения, иронии, удивления), но в принципе они не сводимы к ограниченному кругу лексических или лексико-грамматических средств выражения.

В понимании сторонников экспрессивной концепции дискурса текстовая модальность – это своеобразное субъективно-оценочное отношение автора к изображаемым событиям, фактам, персонажам и их поступкам. В текстах различных функциональных стилей и жанров такого рода модальность проявляется в разной степени. Наиболее свойственна оценочная модальность произведениям художественной литературы, поскольку «создавая воображаемый пир, художник слова не может быть беспристрастен к этому миру. Представляя его как реальный, он в зависимости от своего метода художественной изобразительности либо прямо, либо косвенно выражает свое отношение к изображаемому» [2, с. 128].

Прагматическая установка автора при написании художественного произведения также оказывает решающее влияние на характер и степень модальности текста. Например, прагматическая установка вызвать негодование, осуждение, когда читателю практически навязывается видение событий в определенном ракурсе, или установка описать довольно объективную картину, дать возможность читателю как бы самому прийти к определенному выводу приведут к разной степени модализации изложения.

Однако в лингвопрагматическом ракурсе оценка, в частности, по Ч. Стивенсону, предназначена для воздействия на адресата, а заключенная в ней похвала имеет своей целью вызвать у адресата определенное психологическое состояние, то есть отражает прагматический аспект знаковой ситуации [11, с.129]. Учет фактора цели сообщения относит значение к области прагматики, что само по себе знаменует начало в развитии прагматического подхода к оценочному значению. Описание оценочных высказываний ограничено Ч. Стивенсоном психологическим состоянием говорящего и адресата и не содержит упоминания о прескриптивности. Концепция оценочного значения Ч. Стивенсона известна под названием «теория эмотивности» и содержит чрезвычайно важный, но все же недостаточный объем идей, вытекающий из нового взгляда на оценочное значение.

Не только фигура говорящего, инициатора речевого обмена, но и фигура адресата (предполагаемого реципиента) коммуникативного акта все более ясно осознается как действенный фактор коммуникативного процесса, учитывать который необходимо в их органической связи. Создавая текст, пишет У. Эко, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определенное содержание. При этом автор должен исходить из того, что комплекс применяемых им кодов – такой же, как и у его возможного читателя. Иначе говоря, автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя, который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал [12, с. 17]. Как начальная и конечная точки коммуникативного акта, инициатор и адресат неизбежно «входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы... Совокупность условий, определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом, и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности речевого воздействия на коммуниканта, составляют неразрывную целостность и сущность самой языковой коммуникации» [5, с. 139].

Фактор адресата в речевой коммуникации имеет философский аспект осмысления. При этом подчеркивается не случайный или субъективно-произвольный, а необходимый характер определенности речевой деятельности говорящего со стороны адресата коммуникации. Эта закономерная тенденция связана с непреложной данностью Другого, о которой один из глубочайших умов XX века писал следующее: «Мы постоянно наталкиваемся на сложную действительность других, а не на простое о них понятие. Наша извечная растерянность перед самодовлеющей тайной другого и упорное нежелание ближнего соответствовать нашим о нем представлениям и составляют его полную независимость, заставляя ощущать как нечто реальное, действительное, неподвластное любым усилиям нашего воображения» [8, с. 139]. Другой, которым в речевой коммуникации является адресат сообщения, обретает статус наиболее важной области реальности, с которой приходится считаться говорящему.

Отмечая влияние образа другого человека на речевое поведение говорящего, Ш. Балли писал, что то, что чуждо личности говорящего, инстинктивно рисуется ему как препятствия, которые нужно преодолеть, чтобы его «я» предстало перед собеседником во всем блеске и своеобразии. Однако может случиться также, что в сознании говорящего возникнет представление о каком-то другом лице или других лицах с присущими ему или им социальными признаками, и это оказывает на характер речи совершенно особое влияние [1, с. 331].

К настоящему времени уже достигнуто единство во взгляде на адресата как на одного из центральных компонентов в структуре коммуникативного акта – и отнюдь не в силу того самоочевидного факта, что без него акт коммуникации, обмена информацией, состояться не может, но в силу того, что в той же мере, в какой в структурировании речевой ситуации участвует производитель речи, участвует в ее структурировании и адресат [6, с. 77].

Вместе с тем, детерминирующая роль адресата не ограничивается только необходимостью его коммуникативной деятельности в составе акта речевой коммуникации (дискурса) и необходимостью для говорящего реагировать на поведение реципиента (аудитории). Признавая значимость для построения коммуникации указанных необходимостей, отметим все же наличие в функциональной фигуре адресата роли, еще более значимой для построения коммуникации, поскольку она состоит в необходимом согласовании, имеющем место и до коммуникации, и в ходе ее течения, и по ее завершению коммуникативной деятельности говорящего с образами ее отдельных составляющих. К числу таких составляющих целостного образа деятельности реципиента как адресата и его личности, проявляющихся в деятельности, относятся способность речевосприятия, психическое состояние, преследуемые при восприятии текста цели, возраст, социальный статус, половая принадлежность, знание языка, ценностные ориентиры, когнитивная база, стереотипы восприятия, коммуникативный и жизненный опыт и другие, разумеется, в той степени, в какой эти и другие свойства реципиента могут быть известными или предполагаемыми говорящим.

Таким образом, не только фигура инициатора, но и фигура адресата коммуникативного акта все более ясно осознается исследователями в качестве действенного фактора организации коммуникативного процесса, учитывать который необходимо в их органической связи.

Идея ориентированности речи на получателя сообщения завоевывает все более прочные позиции. В частности, эта идея принимается психологами. «Всякий содержательный авторский текст должен быть рассчитан на то, – писал С. Л. Рубинштейн, – чтобы создать благоприятные условия для возникновения содержательной и интенсивной мысли читателя» [9, с. 236]. Сходные идеи высказываются в психо-социолингвистике, в частности при определении знака как квазиобъекта, задающего программу деятельности и поведения его истолкователю [3, с. 145]. В лингвистике вслед за семиотикой вопросы ориентированности речи на получателя сообщения рассматриваются

в рамках лингвистической прагматики, где эта проблематика трактуется как «фактор адресата».

Известно, что знания, которыми располагают коммуниканты, существенным образом влияют на характер и результаты восприятия и понимания дискурса. На существенную роль знаний в интерпретации политического дискурса указывает Т. А. ван Дейк, замечая, что недостаточно знать лишь лексические значения слов и их сочетаний. Нам не менее необходимо и знание о мире и, следовательно, необходим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации дискурса.

Рассматривая вопрос о закономерностях понимания текста, А.А. Залевская [4] отмечает необходимость обращения к общим проблемам взаимоотношений между организацией текста и системностью языковых средств как коллективным знанием, направляющим и детерминирующим организацию текста; между способами воплощения мысли в слово, языковыми средствами и закономерностями их использования в тексте, с одной стороны, и используемыми людьми стратегиями означивания и помогающими в этом ориентирами и опорами, с другой; между индивидом и культурой, к которой он принадлежит. В частности, речь идет о специфике знаний, на которые опирается реципиент текста. «Если мы хотим исследовать сигнификационные возможности какой-либо коммуникативной структуры, – отмечает У. Эко, – нам нельзя забывать о полюсе под названием «получатель» [12, с. 178].

Знание о том, в каких лексико-грамматических формах может быть представлено оценочное обозначение речевой деятельности партнера, составляет когнитивную основу побуждения реципиента к определенным речесихическим действиям. Критики концепций, признающих фундаментальную роль знаний в понимании текста, исходят из трактовки знаний как "выученных", к тому же нередко выученных без понимания. В таком случае знание предстает как застывшая структура, а упоминание фрейма, схемы и других форм знаний воспринимается как свидетельство упрощения реальной сложности процессов понимания текста, сведения последних к механическому заполнению соответствующих привычных "рамок", позиций во фреймах и т.д.

Интерактивный статус категорий текста [10] и в частности, оценки речевого поведения партнера связан с переосмыслением природы данной категории в свете принципа сопряженной модальности текста как функционального звена акта речевой коммуникации, состоящей в знаковой координации деятельности коммуникантов [10]. В этом смысле выражение оценки речевого поведения партнера по диалогу рассматривается нами скорее как средство знакового воздействия на реципиента по коммуникации с целью побуждения его к речесихическим и иным действиям в интересах говорящего и успешного построения социовербальной интеракции, чем как откровенное и незаинтересованное выражение мыслей говорящим.

Рядом исследователей замечено, что словесные образования, включенные в целое высказывание, всегда даются в определенном практическом или

речевом контексте, соотношенном не только с замыслом говорящего, но и с отношением к этому высказыванию со стороны слушающего, что эти единицы следует изучать в контексте, и что независимых от контекста речевых образований вообще не существует [7, с. 207]. Отсюда А. Р. Лурия делает вывод, что словесные образования, включенные в целое развернутое высказывание, имеют не только референтную природу, указывая на определенное событие, но и социально-контекстное значение, которое формируется в конкретном общении и может быть понято только на основе процесса общения; поэтому нужен не один лишь лингвистический анализ речевого процесса, а более широкий психологический, социально-психологический анализ, учитывающий ситуацию общения, мотивы говорящего, содержание передаваемой информации, отношение к ней слушающего и т.д. [7].

Построение реплик партнеров, а также строение диалога в целом определены оценочными диспозициями речевого поведения, присущими коммуникантам. Реплики коммуникантов демонстрируют оценочно-диспозиционную отмеченность, в частности, правилом «снисходительного отношения к слабостям партнера» (разновидность максимы великодушия). Явление столь выраженной определенности высказываний коммуникантов со стороны формул оценочности позволяет говорить о существовании дискурса особого рода – дискурса, эксплицитно отмеченного схемами субъективной оценочности. В изучаемом языковом материале мы имеем дело с эксплицитной отмеченностью дискурса формулами оценочности, в других случаях речь может идти об имплицитной отмеченности дискурса такого рода схемами.

Нами замечено также, что семантическая структура диалога основывается на координации модальных диспозиций, которых придерживаются партнеры по диалогу. Указанная координация на семантическом уровне может приобретать различные формы, например, форму протеста против формулы оценочности, предложенной партнером. Диалог – это отдельный случай совместной деятельности коммуникантов. Совместная деятельность возникает в результате того, что в ней поочередно действуют несколько участников, согласующих свои действия. В данном случае указывается на индивидуальные мотивы и цели как на факторы, определяющие поведение участников диалога, в частности, на характер оценки речевого поведения партнера по диалогу. Однако мотивы по своей природе тесно связаны с ценностными ориентациями; что же касается целей, то понятие ценности нередко осмысливается через именно это понятие. Для успешной координации совпадение оценочных диспозиций у партнеров не обязательно, но совершенно необходимо следование принципу их знаковой координации.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика [Текст], М.: УРСС, 2001. – 365 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистических исследований [Текст] – М.: Наука, 1981. – 253 с.
3. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семисоциопсихологии [Текст] //Общественные науки и современность – М., 1996. – № 3. – С. 145-149.

4. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста [Текст] // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 87-88.
5. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] – М.: Наука, 1984. – 160 с.
6. Клюев Е. В. Речевая коммуникация [Текст] М.: Рипол классик, 2002. – 122 с.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание [Текст] – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 297 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Мысли о романе [Текст] //Бесхребетная Испания. М., 2003. – 168 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии [Текст] М.: Педагогика, 1989. – 322 с.
10. Сидоров Е.В. Онтология дискурса [Текст]– М.: Изд-во ЛКИ, 2007. –228 с.
11. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике [Текст] / Вып. 16 // Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 128-133.
12. Эко У. Роль читателя [Текст] / СПб: Симпозиум, М.: Изд-во РГГУ, 2005. – С. 17-19.

ПОЭТИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПУЛИ ПРИ ЭКСПЛИКАЦИИ МОТИВА ОПАСНОСТИ В КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ

Епатко Т.А.

старший преподаватель кафедры русского языка,
Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков,
Россия, г. Краснодар

Статья посвящена лексико-семантической экспликации мотива опасности в кубанских казачьих песнях. В ней рассматривается реализация мотива опасности в образе вражеского оружия, в частности, в образе пули, развивающемся по пути метафоризации и олицетворения.

Ключевые слова: фольклор, мотив, слово-образ, семантика, контекстуальные синонимы, олицетворение.

В народном устно-поэтическом творчестве фольклор казаков, в том числе и кубанских, занимает особое место, так как казаки всегда отличались от российского крестьянства по своему мировосприятию и образу жизни. Главным для них был не мирный труд хлебороба, а защита Родины от врагов. Это отмечает и историк кубанского казачества О. В. Матвеев: «В народной картине мира Господь повелел крестьянам явиться на свет, чтобы трудиться, возделывать землю; купцам – торговлей добывать себе надёжные средства к жизни; духовенству предназначено вершить дело веры; служилые же люди призваны защищать веру и народ от притеснения, бороться с врагами» [6, с. 4]. В кубанских казачьих песнях не мог не отразиться тот факт, что «войсковой (военный) “мир” выступал у казаков первичным по отношению к гражданскому» [6, с. 8]. Военные мотивы в этом жанре кубанского фольклора являются ведущими. Война – это не только радость победы. Война – это прежде всего опасность, опасность быть раненым, взятым в плен, убитым, поэтому мотив опасности – один из главных военных мотивов народных песен. В

художественном тексте мотив эксплицируется с помощью образов, ведь в «реализации мотивов участие образов обязательно» [2, с. 155].

Целью данной статьи является наблюдение за экспликацией мотива опасности в образе вражеского оружия, в частности, в образе пули. Было обследовано 373 песни военной тематики. Это песни черноморских, линейных казаков, а также кубанские казачьи песни гражданской войны и Великой Отечественной войны. Образ вражеского оружия присутствует в 64 текстах (это песни линейных казаков и песни периода гражданской и Великой Отечественной войн). В обследованных нами песнях черноморских казаков такого образа мы не обнаружили.

Образ несущего опасность вражеского оружия имеет дискретный характер: в основном он складывается из образов шашки, кинжала, штыка, пулемёта, гранаты, осколка, шрапнели. В 10 казачьих песнях упоминается неприятельский снаряд. Но наиболее частотным оказался образ вражеской пули. Он присутствует в 37 песнях. Почему мотив опасности реализуется чаще всего в образах пули или снаряда, а не столь распространённого у казаков холодного оружия? Дело в том, что уже в XIX веке «в реальном бою казаки действовали больше и лучше огнестрельным, нежели холодным оружием» [6, с. 179]. Враги соответственно также чаще пользовались огнестрельным оружием, а в XX веке холодное оружие вообще отошло на второй план.

В сражении пуля несёт казаку смертельную опасность, поэтому в народных песнях слово-образ «пуля» имеет устойчивые определения, выраженные прилагательными и придающие эмоциональную оценку этому образу: «вражья (вражеская) (пуля)», «злая (пуля)», «роковая (пуля)». Эти определения в разной степени выражают сему «опасная». Если «вражий (вражеский)» – это «неприятельский» [4, т.I, с. 291], а «злой» означает «причиняющий боль, вред; жестокий» [4, т.I, с. 841], то «роковой» – это «ведущий к гибели, несущий гибель» [4, т.I, с. 965]. Близкие лексические значения имеют и определения, выраженные существительными: «злодейка» и «лиходейка». Слова «злодей» и «лиходей» являются синонимами и означают преступника, убийцу [4, т.I, с. 841]. Народная песня выводит слово «пуля» за рамки его языкового лексического значения («небольшой свинцовый снаряд для стрельбы из ручного оружия и пулемётов» [4, т.III, с. 749]), так как «слово в поэзии «крупнее» себя самого в общеязыковом употреблении» [Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996, с. 91. Цит. По Кондрашова О. В. Семантика поэтического слова, 1998, с. 157]. Образ пули олицетворяется антропоцентрическими определениями, ставящими его в один ряд с образом врага-человека. Вопреки известному афоризму А.В. Суворова: «Пуля дура – штык молодец», – в народных песнях создаётся образ пули – злонамеренной убийцы. Даже положительные, на первый взгляд, её характеристики: «меткая (пуля)», «быстрая (пуля)» – несут в себе скрытую негативную оценку, поскольку эти качества вражеского оружия представляют для казака огромную опасность. Определение «шальная (пуля)», то есть «случайно попавшая в кого-, во что-л.» [4, т.IV, с. 955], тоже наполнено скрытой угрозой, ведь оттого, что рана или смерть случайны, они не становятся менее трагичными.

Итак, 8 устойчивых определений, характеризующих слово-образ «пуля», либо имеют сему «опасная», либо приобретают её в контексте казачьих песен, становясь контекстуальными синонимами, которые характеризуются «поэтическим выделением в ряде различных, но текстуально сближенных слов общего интегрального семантического элемента» [2, с. 71]. Таким семантическим элементом в данном случае является мотив опасности.

В семантике слова «пуля» заложен, кроме того, потенциальный динамизм, стремление к движению, поэтому образ пули в народных песнях чаще всего характеризуется с помощью глаголов, причастий и деепричастий – частей речи, обозначающих действие, процесс. Глаголы, описывающие непосредственное движение пули или звук, издаваемый пулей в полёте, не отличаются разнообразием: «лететь (лытеть)», «сыпаться», «свистать», «посвистывать». Большинство же предикативов характеризует трагический результат этого движения – ранение или гибель воина: пуля «поразила», «сразила», «пронзила», «попала (у грудь мою)», «ранила», «убьёт», «три пули глубоко засели», «подкошенный пулей (брат)», «пулями пробитая (шинель)», «(поразила), жизнь отнявши». Надо отметить, что в большем числе контекстов именно пуля, а не человек, пустивший её, является субъектом действия. Лишь в песне «Отец мой был природный пахарь...» активным субъектом злого действия является человек, а пуля выступает как его сообщница:

Злодей пустил свою злодейку [1, с. 193, № 112].

Здесь тоже используется приём олицетворения, в результате чего пуля оказывается таким же участником преступления, как и человек, её пустивший.

Если перечисленные выше предикаты традиционно сочетаются со словом «пуля», то сочетания других глаголов с этим словом более неожиданны. Эти глаголы, употреблённые в переносном значении, так же, как и определения, оживотворяют образ пули, создавая «наиболее “сильный” предикативный способ олицетворения» [2, с. 143-144]. Глаголы «жужжала», «впилась» уподобляют пулю опасному, смертельно жалящему насекомому. Этот образ конкретизируется сравнением: пуля «жужжала, как пчела». Семантика глагола «выследила» в песне «Над деревней тихо пролетали гуси...» предполагает сознательные действия пули по отношению к её жертве:

Злая вражья пуля выследила Ваню [5, с.54, № 115].

В этом контексте пуля похожа на злобную собаку-ищейку, которая обязательно настигнет преследуемого.

Грамматическая форма слова «пуля» допускает и развитие семантики слова в направлении образа девушки, женщины. Именно такой образ рисуют глаголы «повстречалась», «подсекла», «оженила», «схоронила». В песне «Дело было под Полтавой...» негативную эмоциональную оценочность семантически нейтральному глаголу «повстречалась» придаёт контекст, а именно использование определения «злая»:

Вот вторая злая пуля

Повстречалась Петру [1, с. 27, № 10].

Глагол «подсечь» в переносном значении означает «резко остановить, прервать течение чего-л.» [4, т. III, с. 299]:

Возле города Ростова,

Недалёко от Донца,
Молодого офицера
Вражья пуля подсекла [1, с. 203, № 119].

В песне «Возле города Ростова...» рассказывается, как пуля прервала жизнь молодого офицера – здесь она снова выступает в образе злодейки-убийцы.

Образ пули в казачьих песнях нередко является составной частью развёрнутой символической картины свадьбы. Фольклор традиционно при описании сражения использовал образ свадебного пира, который символизировал бой и гибель воина на поле боя, а пуля олицетворялась как невеста казака. В песне «Как у наших полях урожаю нэма...» умирающий солдат говорит:

Оженила меня пуля быстрая [5, с. 82, № 171].

Песня «Как за реченькою за Кубанушкою...» повествует о том, как погибающий от ран казак просит коня передать родителям и жене весть о его смерти:

Я женился на другой,
На пулечке свинцовой [1, с. 56, № 27].

Глагол «оженить (жениться)» так же, как и глаголы «впиться», «выследить», «подсечь» в данных контекстах перерастают своё языковое значение и становятся контекстуальными синонимами глаголов «убить», «поразить», «сразить». Зловещему женскому образу придаёт законченность и некую обобщённость глагол «схоронила», ведь в песне «Сунженец» пуля хоронит не только командира, но и казачье счастье:

Из-за вала поразила
Пуля меткая его,
Наше счастье схоронила,
Жизнь отнявши от него [3, с. 345, № 5].

Итак, смысловое развитие образа пули в кубанских казачьих песнях идёт по пути метафоризации и олицетворения. Образ пули, эксплицирующий мотив опасности, нарушает привычность восприятия слова и вырастает в собирательный образ злой лиходейки, убийцы, являющейся таким же врагом казака, как и человек, выпустивший её из ружья.

Список литературы

1. Захарченко В.Г. Народные песни Кубани. – Краснодар, 1987. – 320 с.
2. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова. – Краснодар, 1998. – 279 с.
3. Концевич Г.М. Народные песни казаков. – Краснодар, 2001. – 448 с.
4. Словарь русского языка. Т. 1-4. – М., 1957–1961.
5. Мартыненко Л.Б., Уварова И. В. Песни и частушки периода Великой Отечественной войны. – Краснодар, 2005. – 210 с.
6. Матвеев О.В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества. – Краснодар, 2003. – 198 с.

ЛИРИКА Г.Н. АЙГИ КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИРОВИДЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Ермакова Г.А.

профессор кафедры чувашской филологии и культуры, д-р филол. наук, доцент,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

В статье через рассмотрение отдельных лирических произведений художника слова из Чувашии Г.Н. Айги представлено одно из составляющих мировидения чувашского этноса – трогательное отношение к предкам, родителям, роду. Через осмысление отдельных стихотворений сборника указанного поэта «Здесь» автор рассматривает обозначенную тему и приходит к выводу о том, что чувашский поэт через художественный мир своих произведений смог донести до читателей эстетические основы своего народа.

Ключевые слова: эстетика, художественный образ, дискурс, истина, чувашский этнос, мировидение.

Творчество художника слова из Чувашии Г.Н. Айги есть представление мировидения своего народа. В основе мировидения данного этноса лежит идея синтеза, гармонии, согласованности, ненасилия, характерная культуре народов Урало-Поволжья. Художник слова впитал в себя ключевые ментальные качества своего народа: трогательное отношение к памяти о предках, представителям рода, природе. Поэт, как и чувашский народ, считает, что человек должен «свидетельствовать собой, что он не оторван от природы» [3, с.130], так как «природа совершенна» [2, с.27]. Мы можем сказать, что его произведения репрезентируют мировидение своего народа, бесконечное число истин. Ключевая из них – любовь к матери, отцу, роду, своему народу. Обратимся к лирическим произведениям поэта. В стихотворении «Снова ивы» лирический герой всматривается в «пульсирующие жилы на подглазьях» матери [1, с.198], вспоминает ее душу:

вдруг
понимаю что *душу твою вспоминаю*
в тумане вдали наблюдая
подъёмы теперь острова перепады вершин серебристых
ивовой рощи
спокойно
(с чем-то
«потусторонней»)
и что-то «такое»
(«величие»? «благоуханье»
близкой души «чистоты несказанной?») [1, с.198].

Мысль, представленная в этом стихотворении через лексемы «величие», «благоуханье», словосочетания «душу твою вспоминаю», «чистоты несказанной» говорит как о трогательном отношении лирического субъекта к матери, так и о мировидении чувашского этноса, в основе которого, как мы заметили, уважительное отношение к своему роду, родителям, предкам. В дискурсе данного лирического произведения присутствует образ ивы, в ее листве (ива для чувашского этноса является символом жизни) видится облик матери, олицетво-

ряющий «чистоту несказанную». Мысль о «несказанной чистоте матери», представленная в стихотворении «Снова – ивы» (1980), обозначенная в стихотворениях сборника «Облака» (1960), «Смерть» (1960), «Детство (1960), весьма существенно начинает звучать в стихотворении «Поле: а дальше – разрушенный храм», где говорится о том, что «веящий всюду!» [1, с.198].

Облик матери, равноценный облику Бога, повсюду видится поэту: поле – как «что-то» как Облик? [1, с.198].

В этом мерцании видится поэту и дух Отцов «(... Мерцанье! – духа Отцов)/«встречи» «схожденья» [1, с.198].

Стихотворение «И: поле живых» завершается строками: «в старчески-детском (повёрнутом вспять) /бессловесии», продолжает мысль предыдущего произведения. «Повёрнутое вспять» «бессловесие» заговорило орешником, от такого диалога наполнилась болью душа поэта, вспомнились детство, «ветер сиротства», и из «чувства-льда людского» рождается мысль о «маме-ощупь»:

из «чувства»-льда людского
ещё о маме-ощупь) [1, с.220].

В мире холодном присутствует пространство тепла, и это пространство – мать поэта. Мысль не прерывается, она продолжается далее в стихотворении «Подступы к подсолнухам» (1980), где говорится о доме, братьях, улыбках матери и отца, свете, излучаемом ими:

озаряюсь – и дома
и всё забываю
и снова я – с братьями
мне – только свет (и не знаю подробные вещи) [1, с. 201].

Тема матери, пересекаясь с темой отца, расширяясь, переходит в тему дома, рода, народа, страны, мира, света, сиянья даже через «провалы», жертвенность. В заключительном стихотворении сборника «Здесь» «К разговору на расстоянии» (1985-1988 гг.) мысль о матери, роде, обозначена через образ «идеи-хлеба», ибо такой «идеей-хлебом» была для поэта любовь матери, сиянье её души.

Список литературы

1. Айги, Г.Н. Здесь: Избр. стихотворения, 1954–1988 [Текст] / Г.Н. Айги. – М.: Современник, 1991. – 288 с.
2. Айги, Г.Н. Разговор на расстоянии: (ответы на вопросы друга) [Текст] / Г.Н. Айги // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 27-37.
3. Айги, Г.Н. Разговор на расстоянии [Текст] / Г.Н. Айги. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001.–303с.

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТИПИЧНОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА СМИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «THE ECONOMIST»)

Жебрунова Л.А.

доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин,
канд. филол. наук,
Смоленский филиал «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Россия, г. Смоленск

Носова Т.В.

студентка специальности «Таможенное дело»,
Смоленский филиал «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Россия, г. Смоленск

В статье рассматриваются отдельные особенности семантической структуры стандартного англоязычного текста СМИ в экономическом дискурсе. На примере анализа метафоричных лексических единиц демонстрируется способность подобных текстов генерировать новые термины и терминосочетания, а также отражать лингвокультурологические тенденции.

Ключевые слова: экономический дискурс, метафоризация, терминологическая номинация, миры объективации.

Язык средств массовой информации всегда остается источником появления новых языковых явлений и моделей, именно поэтому он всегда актуален для лингвистических исследований. Интеграционные тенденции современного мира находят свое отражение также и в объединении методов научного поиска – язык СМИ стал объектом пристального внимания социолингвистики, лингвокультурологии и других. В центре нашего внимания – как основной язык бизнеса и международной коммуникации – английский в экономическом дискурсе. Дискурс есть речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами [1, с. 92]. Значит, наполненность текста определенной лексикой может служить индикатором тех или иных тенденций развития общества. Проанализировав лексические особенности типичного медийного текста, в качестве которого мы выбрали англоязычную статью из журнала «Экономист» [5], мы сможем говорить о наиболее характерных особенностях современного текста западных СМИ. К тому же, выбранный для исследования текст касается азиатской экономики, что в свете нынешней экономической ситуации может рассматриваться как весьма актуальная тема.

Мы основываем наши наблюдения на текстах экономического дискурса, поэтому концентрируемся на изучении терминов экономической направленности. Отдельного внимания среди них заслуживают метафоризированные слова и словосочетания. Клише медийного текста особенно образны и выразительны; метафоры, впервые появляющиеся в таких текстах, являются

отражением процессов, происходящих в мире экономике, и выполняют номинативную функцию, причем при длительном употреблении приобретают черты терминов или терминологических комплексов и фиксируются в соответствующих словарях – для обозначения новых явлений и понятий. В рассматриваемом нами тексте 12 составляют подобные метафоры.

Метафоры дают возможность назвать трудновыразимые, новые явления действительности и аспекты человеческих взаимоотношений. Согласно теории информации, если некий неожиданный элемент может быть встроен в систему, не нарушая ее законов, то он способен резко повысить ее информационную емкость, а каждая новая метафора – это неожиданное сочетание слов и смыслов. Конечно, только удачные метафоры остаются в языке и со временем становятся терминами со «стертой метафоричностью». В специальной терминологии роль метафоризации высока. Существует множество исследований в области различных терминосистем – экономики, финансов [2], спорта, политики, генетики [3] [6], – показывающих, что метафоризация активно используется при формировании новых терминов.

С точки зрения когнитивно-дискурсивной лингвистики номинация происходит на основе метафоризации или процессов, соотносимых с ней. Это – номинативный тип языковой метафоры, приводящий к формированию абстрактного значения [4]. Концептуальные метафоры «встроены» в мышление современного человека – в ментальном плане они представляют собой конвенциональные метафорические проекции. Концептуальные метафоры формируются при связывании между собой двух разных областей – конкретных понятий и абстрактных. Новые термины – это, как правило, ассоциативные образования. Любопытно рассмотреть процесс создания таких метафор из глубины.

О метафоре как когнитивной модели написано множество работ лингвистами как отечественными (В.В. Виноградов, А.А. Потебня, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия), так и зарубежными (Э. Кассирер, П. Рикер, Х. Ортега-и-Гассет, М. Блэк, Дж. Серль, Дж. Лакофф и М. Джонсон). Теория метафоры как когнитивного механизма также изложена в работах Джорджа Лакоффа [7, с. 202-251]. В ее основе лежит положение о том, что «понятийная система, в рамках которой человек думает и действует, метафорична по своей природе, метафоры проникли в повседневную жизнь не только в языке, но и в мыслях и действиях» [8, с. 3].

Номинация новых явлений с точки зрения когнитивно-дискурсивной лингвистики происходит на основе метафоризации или процессов, соотносимых с ней. При этом можно выделить следующие лингвистические факторы-компоненты.

Новые термины – это, как правило, *ассоциативные образования*. Ассоциации привлекаются из глобальных областей ментального лексикона, которые можно определить как *миры объективации*: «Мир человека» (предметы, действия, отношения и так далее), «Мир состояний» (статика и динамика), «Мир пространственно-временных отношений» и другие. Каждый из рассматриваемых «Миров» может определяться неоднозначно (действует прин-

цип антропоцентризма) и подразделяется на более мелкие единицы, как, например, «Мир человека» (родственные отношения, морально-этические нормы и установки, предметы быта) [2, с. 123].

Привлечение определенной области ментального лексикона на основе ассоциаций затрагивает какие-то *признаки* (качественно-характеризирующие, локативные, акциональные) того объекта, которые мотивируют такое его использование. При этом актуализируются следующие субъективные оценки: оценки-когнитивы (связаны с прагматикой и позволяют сделать доступным смысл новой номинации для большинства будущих «пользователей», даже для непрофессионалов), оценки-аффективы (выделение внешне выраженных характеристик номинируемого объекта посредством органов чувств) и оценки-сублиматы (тестирование содержания с позиций сложившейся в обществе морали).

Обратимся к нашему материалу и покажем процесс формирования новых метафор на конкретных примерах.

Таблица

Распределение метафоричных терминов по «Мирам» объективации

«Мир человека»	«Мир объектов и состояний»	«Мир оценок»
<p><i>paper tiger</i> – бумажный тигр (о компании) (roaring) <i>dragon</i> – ревуший дракон (см. выше) <i>deathless zombies</i> – бессмертные зомби (о предприятиях) <i>red tape</i> – бюрократия <i>revive entrepreneurship</i> – оживить (возродить) предпринимательство</p>	<p><i>millstones around smb's neck</i> – камень на шее <i>real engine</i> – настоящий двигатель (о компаниях) <i>flow</i>-течь (о денежных потоках) <i>offshoot</i> – побег, ответвление (о компании) <i>leading force</i> – ведущая сила (в экономике)</p>	<p><i>lumbering giants</i> – неуклюжие, громыхающие гиганты (о государственных компаниях)</p>

Мы видим, что областями-донорами концептуальных структур становятся в нашем случае три зоны ментального лексикона. Причем метафоры, отобранные нами, весьма яркие и образные. Так, дословно *deathless zombie* – «бессмертный зомби». Здесь происходит частичное заимствование структур из различных концептуальных областей: «бессмертными зомби» в статье называют государственные предприятия, чья прибыль едва покрывает государственные вложения в них и которые, тем не менее, остаются важными игроками на арене китайской экономики. Процесс образования метафоры начинается с вычленения объекта по некоторым отличительным признакам. В данном случае, процесс номинации начинается с ориентировочного обозначения возникшего представления – предприятие, которое практически мертво, как зомби, но продолжает двигаться, функционировать, существовать (мешая при этом развитию экономики) – опять-таки, как зомби. Две семы – *неживой* и *существовать* – определили сходство номинируемого объекта (предприятие) с этим персонажем фильмов ужасов. Происходит заимствование концепта из «Мира человека» (конкретнее – «Мира мифов») на ос-

нове качественно-характеризующих признаков; при этом привлекаются сублимирующие оценки: зомби – страшные и «нехорошие», «зловредные» создания. В терминах Лакоффа, данный тип метафоры – *концептуальный*; такие метафоры создают особые информационные структуры, так или иначе «организующие информацию об области знания и определяющие ее репрезентацию в памяти» [2, с. 54].

Представим еще один пример. Метафора с яркой образностью *dragons* означает китайские предприятия. Номинация начинается с ориентировочного обозначения возникшего представления – одни из главных действующих лиц китайской мифологии, символы китайской культуры драконы выступают в роли действующих лиц китайской экономики – китайских предприятий. Мотивирующий признак заимствования – *по сходству качественных характеристик, по сходству месторасположения (локативные признаки)*. Мотивация прозрачная, не представляет сложности для понимания. Заимствование происходит из «Мира человека» (также «Мир мифов», как и в примере выше).

Что замечательно, наше небольшое исследование выявило любопытную тенденция – большая часть метафор, при помощи которых разнообразят и усложняют текст о китайской экономике, имеют свои корни в одной определенной области ментального лексикона – «Мире мифов» (см. таблицу), что является частью глобального «Мира» – «Мира человека». Это может свидетельствовать о восприятии китайской экономики через призму китайской же культуры, которая заметно влияет на образ Китая в глазах западного читателя. Однако анализ одной статьи, конечно же, недостаточен для того, чтобы сделать окончательные выводы, поэтому наше исследование имеет широкие исследовательские перспективы.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Элпис, 2008. – 271 с.
2. Ивина, Л.В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) / Л.В. Ивина. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
3. Седов, А.Е. Логика и история науки, запечатленные в метафорах ее языка: количественный и структурный анализ профессиональных терминов и высказываний генетики [В Интернете] / А.Е. Седов. – 1999. – URL: http://www.icg.bionet.nsc.ru/vogis/win/9/9_3.html/ (дата обращения 8.08.2008).
4. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 286 с.
5. Keller, F.E. Refiguring Life: Metaphors of Twentieth Century Biology / Evelyn Fox Keller – N.-Y.: Columbia University Press, 1995. – 230 p.
6. Lakoff, G. The contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 2nd edition. – P. 202-251.
7. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР АНГЛИЧАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИЧНОСТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Загрядская Н.А.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный областной университет, Россия, г. Москва

Статья посвящена личностным фразеологизмам, называющим известных людей Великобритании. Особое внимание уделяется частотности появления этих единиц в английском языке. В работе затрагиваются предпосылки появления подобных прозвищ, анализируется их лингвострановедческий потенциал.

Ключевые слова: личностный фразеологизм, фразеологическое прозвище, национальный характер, коннотация, оценочность.

Понятие «национального характера» вот уже многие годы остается в центре внимания специалистов самых разных направлений гуманитарного знания: психологов, культурологов и лингвистов. Несмотря на значительное число работ, посвященных данной проблеме, вопрос о том, что именно следует называть «национальным характером» все еще остается открытым. Различные исследователи останавливаются на отдельных аспектах самого явления и способах его реализации. По мнению В.В. Ощепковой, «под национальным характером подразумевается устойчивый комплекс специфических для данной культуры ценностей, установок, поведенческих норм» [4, с. 286]. С.Г. Тер-Минасова считает, что самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык [5, с. 47]. Богатейшим пластом любого языка является его фразеологический фонд. Лингвистами неоднократно отмечалась уникальность содержания фразеологического фонда разных языков, что объясняется особенностями жизни народа, спецификой его менталитета. Исследование фразеологических единиц дает возможность вычленил наиболее значимые для данного этноса понятия, вербализуемые в том числе на уровне фразеологической номинации.

Данная статья посвящена особому классу фразеологизмов английского языка, известному как «личностные фразеологизмы». Совмещая в себе свойства фразеологизмов и имен собственных, эти единицы, по определению А.В. Кунина, являются результатом вторичной косвенной номинации [2]. Об их принадлежности к фразеологическому фонду свидетельствует их сверхсловность и семантическая осложненность. В то же время, уникальность их референтов и единичность обозначаемых понятий [3, с. 6] позволяют отнести их к одному из подклассов антропонимов, а именно: личных прозвищ.

Отличие фразеологических прозвищ от однословных состоит в том, что они несут об объекте более обширную информацию. Они являются более объемными единицами с точки зрения содержания. Номинативные признаки, лежащие в их основе, как правило, более сложны. Значение этих единиц богато коннотациями, и часто даже простое, на первый взгляд сочетание несет огром-

ный лингвострановедческий потенциал. Большинство этих единиц оценочно, при этом наблюдается асимметрия в сторону отрицательной оценки.

В ходе исследования было выявлено, что присвоение фразеологических прозвищ в англоязычном мире является традицией и идет из глубины веков. Древние хроники содержат упоминания многочисленных правителей, представителей народного движения и военных деятелей, заслуживших подобные именованья. Некоторые из них давались потомками, другие возникали в устах современников и сохранялись в истории: **Bloody Bonner** («*Кровотийца Боннер*») – Эдмунд Боннер, епископ Лестерский (Edmund Bonner (1500 – 1569)), активный борец с еретиками в эпоху Марии I); **Cromwell's Creature** («*Ставленник Кромвеля*») – Сэр Томас Одли (Sir Thomas Audley (1488 – 1544)), Лорд-Канцлер Англии в 1533-1544гг., инициатором назначения которого на этот пост был Томас Кромвель (Thomas Cromwell (1485—1540)), первый министр Генриха VIII. Иногда автор прозвища известен, как известны и обстоятельства его присвоения: **The Weary Knight** («*Усталый Рыцарь*») – граф Эссекс (the Earl of Essex (1566-1601)), фаворит Елизаветы I, поднявший восстание в 1601г. Прозвище было дано сестрой Эссекса в одном из писем и, видимо характеризовало его буйный нрав и неспособность долго заниматься одним делом. При этом понятно, что оно является ироническим. Трудно найти историческое событие, рассказ о котором не содержал бы фразеологических наименований его знаменитых участников: **The Vicar of Hell** («*Викарий из Ада*») – прозвище Сэра Фрэнсиса Брайна (Sir Francis Bryan 1490 – 1550)), сторонника партии Католики Арагонской в ее противостоянии Генриху VIII. Вместе с тем и последние десятилетия обогатили запас единиц данного класса, дав обозначения знаменитым атлетам, политикам и шоуменам. Число подобных прозвищ велико, и каждый пополняет уже существующий виртуальный список. Произведения художественной литературы разных лет также содержат примеры фразеологических прозвищ, присваиваемых одними персонажами другим. Такие авторы как Вальтер Скотт, Чарльз Диккенс, Джордж Элиот, Томас Гарди, Генри Джеймс и др. использовали прозвища, указывая на их типичность для англоязычного общения. Для сравнения, количество прозвищ в русскоговорящей среде значительно меньше как в истории, так и в наши дни. Мы знаем о прозвищах древних князей (например, *Всеволод Большое Гнездо*), но сегодня, открывая газету в России, мы вряд ли можем ожидать, что известные личности, а тем более члены правительства, президент и премьер-министр будут называться в ней столь необычным, часто далеко не лестным образом, иногда даже без упоминания самого имени. В этой связи возникает мысль о том, что тенденция к присвоению прозвищ является особенностью национального характера англичан. Коммуникации в англоязычном мире свойственна ироничность. По мнению А.А. Горностаевой, «востребованность иронии, ее частое использование сказываются на английском стиле коммуникации и формируют такую его черту как ироничность» [1,с.72]. Ничто или почти ничто не воспринимается как данность, особенно в газетном дискурсе. Все подвергается сомнению. Герои телевизионных передач, телеведущие и актеры в силу своей деятельности не

могут восприниматься слишком серьезно. Результатом является присвоение многим из них броских, емких, а иногда, просто фамильярных именовании: **Mad Nad** («Сумасшедшая Нэд») – британский политик Надин Доррис (Nadine Dorris), любительница поучаствовать в телевизионных шоу.

Другим свойством является своего рода отсутствие авторитетов и преклонения перед сильными мира сего. Политик практически никогда не будет хорош и, тем более, политик, обличенный официальной властью. Его промахи мгновенно подмечаются и фиксируются в виде прозвищ. Отрицательная оценка со стороны общества может стимулировать его работать лучше и воспринимается как нечто заслуженное и не влечет наказания для номинируемого лица: **Put a Sock in it** – («Заткни Рот») – мэр Лондона Борис Джонсон (Boris Johnson), проваливший охрану олимпийских объектов в 2012 году).

Безусловно, не все личностные фразеологизмы несут отрицательную оценку. Во многих случаях англичане подмечают заслуги номинируемого лица, его весомый вклад в определенную сферу деятельности: **Queen Mum of Literature** («Королева-мать литературы») – прозвище ирландской писательницы Мейв Бинчи (Maevе Binchy); **the King of the Road** – велосипедист Брэдли Уиггинс (Bradley Wiggins), выигравший велогонку «Тур-де-Франс» в 2012 году и ставший своего рода национальным героем Великобритании.

Данная статья не претендует на полноту раскрытия проблемы. В ней лишь намечаются возможные пути ее решения в ходе дальнейшей работы. В будущем предполагается возможным провести детальное сравнение особенностей возникновения личностных фразеологизмов в английском и русском языках.

Список литературы

1. Горностаева А.А. Ирония в английском и русском дискурсах: сопоставительный анализ [Текст] / А.А. Горностаева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2013. – №4. – С.71-73.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М., 1996. – 381 с.
3. Манушкина Г.П. Фразеологические единицы с компонентом «имя собственное» в современном английском языке [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук/Г.П.Манушкина. – М., 1973. – 23 с.
4. Ощепкова В.В. Язык и культура [Текст] / В.В. Ощепкова. – СПб., 2004. – 336 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 624 с.

ИСКОННО БАШКИРСКИЕ СЛОВА СРЕДИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Зубаирова И.Г.

учитель,

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №21», Россия, г. Стерлитамак

В статье рассматриваются литературоведческие термины башкирского языка. Проводится обзор исконно башкирских слов среди литературоведческих терминов.

Ключевые слова: литературоведческий термин, башкирский язык, собственно башкирские слова, тюркские языки.

В формировании и развитии языка главную роль играет своя исконная лексика, которая обогащается с помощью внутренних языковых ресурсов и с помощью заимствования слов из других языков [1, с. 62]. Собственно башкирскими терминами называют слова, которые возникли на основе тюркских языков: собственно тюркский или общетюркский пласт; лексика, общая для тюркских и монгольских языков.

Многие литературоведческие термины башкирского языка относятся к общетюркским наименованиям. Доказательством этому служит приведённый ниже обзор некоторых литературоведческих терминов исконно башкирского происхождения.

Иртәк ‘сказание’. Лексема зафиксирована в словаре В.В. Радлова и дана в следующем значении: *ертәк* – рассказ, сказка [3, I, с. 791]. *Ертек/ertek*: 1) сказка – турк., тур. диал., каз., ног., ккалп., узб.; легенда – тур. диал.; небылица – турк.; 2) былина, произведение богатырского эпоса – ккалп., рассказы о древних героях – чаг., алт., кирг., каз., др.-уйг.; 3) рассказ – кирг., каз., чаг. [4, I: с. 304, 305].

Йомак ‘загадка’. Общетюркское слово *йомак* в разных фонетических формах функционирует во многих тюркских языках: *йомақ* – турк., ккалп., кум.; *йомак* – кар. г., *йомах* – кар. т., *йумақ* – ног., *йумах* – чув.<тат., *йуммақ* – кум., кум. диал., *йўмақ* – тат. диал., башк., *умах* – хак. диал., *ымақ* – аб., саг., *жэомақ* – кбал., *жэомақ* – кирг., *жўмақ* – тат. диал., *жўмах* – тат. диал., *жумбақ* – узб., *жўмбақ* – каз., ккалп., *джымпакъ* – кирг., *зомақ* – балк [4, IV, с. 220].

Йыр ‘песня’. Восходит к общетюркскому *jirag* ‘петь’. В словаре В.В. Радлова даются следующие варианты: *ыр*, *јыр*, *уыр*, *ір* – песня [3, II, с. 1365]. Данная лексема встречается в следующих тюркских языках турк. диал., тур., тур. диал., кар. т. г., кум., кум. диал., ног., тат. диал., башк., сюг., *ыр* – турк. диал., тур., тур. диал., кирг., тат. диал., хак., тув., тоф., *йер* – сюг., *йир* – кум. диал., *ир* – кар.т., *ір* – чаг., кар. т., тур., *уір*, *х'уір* сал., *жыр* – тур., кбал., тат., *дер* – балк., *жир* – узб., *жыр* – балк., каз., ккалп., *зыр* – балк. [4, IV, с. 285].

Өләң ‘эпос’. В словаре В.В. Радлова имеет следующее значение: *өлөң* – четверостишие с рифмовкой первого, второго и четвертого стихов [3, II, с. 1247].

Өндәшеу ‘обращение’. В словаре Махмуда Кашгари *й* в значении ‘голос’ [5, I, с. 83]. Термин как телеутского происхождения отмечен в словаре В.В. Радлова *ундәш* – подавать голос, отдавать голос, откликнуться [3, II, с. 1822].

Теләк ‘пожелание’. Жанр обращения к высшим силам с сильным желанием, просьбой, мольбой. Термин восходит к древнетюркскому глаголу *tile* ‘хотеть, желать’. Слово отмечено в словаре Махмуда Кашгари: *tiläk* ‘желание’ [5, I, с. 339].

Һүз ‘слово’, *Сөз* – турк., тур., гаг., аз., кар. к., кум., бал., кирг., каз., ккалп., ног., узб., узб. диалект, уйг., уйг. диалект; *sez, söz* – хал.; *сөс* – алт., хак., хак. диалект, тув.; *сез* – кар.г., *сүз* – тат., узб. диалект; *süz* – сал., *сүс* – лоб., *һүз* – башк., *соз* – кум., кум. диалект, *өс* – як. и др. [4, VII, с. 338].

Брым ‘примета’. В.В. Радлов отмечает наличие данного слова в алтайском, телеутском, барабинском, казанском наречиях. Означает предсказание, гадание, предзнаменование, суеверие [3, II, с. 1370]; *ipim* в тараичинском наречии и в джагатайском книжном языке – хорошее и дурное предзнаменование [3, с. 1463].

Әйтеш ‘эйтеш, состязание’. В словаре В.В. Радлова слово отмечено в виде *aityshi* в тобольском наречии – речь, зов [3, I, с. 47]; *aitiush* в казанском наречии – 1) речь, разговор; 2) говорить друг другу, говорить вместе, противоречить друг другу [3, I, с. 668].

Әкиәт ‘сказка’ – в форме *akyjat* ‘сказка, рассказ’ встречается в словаре В.В. Радлова [3, I, с. 96]; в казанском наречии имеет значение сказка, басня, рассказ [3, I, с. 679].

Анализ вышеперечисленных терминов показывает, что корневые формы во многих современных тюркских языках общие. Собственно башкирские слова стилистически являются нейтральными. Эти слова и составляют основу литературоведческой терминологии, из них разными способами образуются новые термины.

Список литературы

1. Зубаирова И.Г., Абдуллина Г.Р. О некоторых арабизмах в литературоведческой терминологии башкирского языка / И.Г. Зубаирова, Г.Р. Абдуллина // Наука: прошлое, настоящее, будущее: Сб. ст.Межд. науч.-практ. конф. – Уфа, 2015. – С.61-63.
2. Древнетюркский словарь / под. ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
3. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4-х т. / В.В. Радлов. – СПб, 1888-1911.
4. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I – VII / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974.
5. Махмуд аль-Кашгари. Дивану Лугат ит-тюрк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с. + 2 с. вкл.

РОЛЬ ХЭШТЕГОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТЕРЕОТИПА В ТВИТТЕРЕ

Кобрин Н.В.

Россия, г. Москва

В статье рассматриваются хэштеги в качестве способа формирования лингвистического стереотипа. Хэштег рассматривается как лингвистический механизм, при помощи которого объективная реальность объясняется доступными лингвокультурными моделями. Хэштеги как специфический способ семантической компрессии представляют собой мозаику структурированных фрагментов когнитивных моделей.

Ключевые слова: Твиттер, хэштег, лингвистический стереотип, медиашум.

В научной сфере понятие «стереотип» зависит от аспекта изучения: «социологический стереотип», «психологический стереотип», «лингвистический стереотип» и т.д. Автор концепции общественного мнения У. Липпман (W. Lippman) в 1922 году ввел понятие стереотип, обозначая, что «мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, он не станет близко подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться» [4, с. 46]. У. Липпман считал, что для преодоления разнообразия мира и сложной и изменчивой окружающей среды, индивид нуждается в упрощении объективной реальности для приспособления к своему окружению в силу своих ограниченных когнитивных возможностей.

Работы американского ученого Липпмана привели к изучению данного понятия во многих областях наук, в частности, стали объектом исследований в лингвистике. Так, американский ученый Х. У. Патнэм (H. W. Putnam) для определения семантической составляющей значения обратился к понятию стереотип: «в обыденном употреблении слово «стереотип» выражает общепринятое (часто предумышленное) представление (которое может быть совершенно неточным) о том, на что похож, чем является и как ведет себя X» [5, с. 207].

По мнению Липпмана «... между человеком и его средой располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией им именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, происходят уже в реальной среде» [4, с. 3]. В контексте наших ранних исследований было установлено, что медиашум социальных медиа [2, 3] наполняет псевдосреду лингвистическими стереотипами низкопробного информационного продукта, оказывающего отрицательное влияние на психику и мораль индивидов.

Коммуникативное поведение индивида становится реакцией на стимулы этой псевдосреды. Так, в 2008 году был создан твиттер-бот @Trackgirl (робот-программа, генерирующая контент аккаунтов Твиттера). Аккаунт @Trackgirl отслеживал поток твитов с популярными на тот момент хэштегами и публиковал их от своего имени. Тысячи аккаунтов, за которыми стояли реальные люди, поверили, что медиатексты аккаунта @Trackgirl исходят от живого человека, а нет от робота. После публикации медиатекста о том, что аккаунт @Trackgirl повредила колена, тысячи людей стали сопереживать и посылать прямые сообщения (DM – “direct messages”), не сознавая, что погружены в псевдореальность, благодаря лингвистическим стереотипам, по которым были выстроены медиатексты робота.

Чаще всего лингвистические стереотипы медиашума используется в политических целях. Наиболее ярко это проявляется во время политической борьбы партий, во время революций для создания беспорядков (события в Египте, Тунисе, Ираке и т.д.) и т.д. Для этих целей применяется весь арсенал лингвистических стереотипов, в первую очередь, публикация медиатекстов,

маркированных трендовыми хэштегами. Хэштеги безошибочно определяют то, к чему приковано внимание миллионов людей: #Egypt, #Jan25, #Libya, #Evromaidan и т.д. Наиболее распространены они, именно, в Твиттере, в котором письменная и устная речь максимально приближены. Таким образом, хэштеги являются своеобразным хронотопом (термин М.М. Бахтина), осуществляющим «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» [1, с. 234].

Повторяемые хэштеги проявляют признаки упрощенности и оценочности, обогащая семантику слов. По сути хэштеги становятся лингвистическими механизмами, при помощи которых объективная реальность объясняется доступными лингвокультурными моделями. Так в нижеприведенном твите хэштег #AllinforJeb позволяет маркировать все сообщения в Твиттере, объединенные общими симпатиями к кандидату в президенты США Джебу Бушу (Jeb Bush) (здесь и далее орфография и пунктуация медиасообщений сохранены – Прим.наше) (*Здесь и далее курсив всех медиасообщения наш – К.Н.*):

Jeb Bush @JebBush Sep 28 2015 (Jeb Bush Retweeted Laura L. Lenhart) .@llenhart what did you find out? I hope he's #AllinforJeb

На первый взгляд, с точки зрения связности повествования хэштеги чаще всего излишни:

Wilmer Valderrama @WValderrama Sep 28 2015 Have you guys met my new friend #HillaryClinton?.. She's running for president.. Inspired by our conversation..

Однако каждый элемент языковой формы медиатекстов несет определенную коммуникативную нагрузку. Хэштег перед именем (#HillaryClinton) позволяет пользователю, в данном случае самой Хиллари Клинтон (Hillary Clinton), выявить коммуникантов, которые используют ее имя в положительном контексте и дополнительно прорекламирровать себя: 28 сентября 2015 года Хиллари Клинтон сделала ретвит вышеприведенного медиатекста в своей твит-ленте для самопрезентации своей предвыборной президентской компании.

Для привлечения внимания коммуниканты могут перегружать свои медиатексты хэштегами, чтобы увеличить количество просмотров своих медиасообщений. Избыточное количество хэштегов в одном медиатексте заставляет адресатов искать механизмы по выявлению «лишних» или «избыточных» смыслов.

Маркирование медиасообщений хэштегами изменяет коммуникативное взаимодействие индивидов с идеологической точки зрения, так как такое общение легче поддается упрощению и объяснению, а значит контролю и изменению. Именно к этому результату стремился У. Липпман, занимаясь исследованием стереотипов.

В настоящее время накоплено достаточно материала для дальнейших исследований по выявлению лингвистических механизмов, реализующих и сопровождающих стереотипные высказывания в медиадискурсе Твиттера.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Кобрин, Н.В. Понятие медиашума в коммуникативно-социальном аспекте // Вопросы теории и практики. – 2014. – №7. – С. 86-88.
3. Кобрин, Н.В. Металингвистические особенности медиашума в социальных медиа // Вопросы теории и практики. – 2015. – №4. – С. 73-77.
4. Липпман, У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
5. Патнэм, Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА

Кулинцева Н.А.

доцент кафедры западноевропейских языков и культур, канд. филол. наук,
Пятигорский государственный лингвистический университет,
Россия, г. Пятигорск

В статье представлен общий обзор структурных составляющих частей текста на гиперсинтаксическом уровне. Выделяются следующие составляющие: предложение, абзац и абзацный комплекс. Акцентируется роль абзаца как коммуникативного и структурно-семантического образования.

Ключевые слова: текст, предложение, абзац, абзацный комплекс.

Изучение текста предполагает признание того, что текст есть некоторое сложное единство, структурно-семантическое образование, отличное от простой последовательности предложений. Это единство, объединенное коммуникативное целостностью, смысловой завершенностью, логической, грамматической и семантической связями. Наблюдения над структурой текста, над взаимоотношениями между поверхностной и глубинной структурами, образующими глобальную структуру, является наиболее перспективным направлением исследований. Одна из проблем, возникающих в связи с изучением текста как сложного единства это определение сущностных особенностей текста, выявление семантических и синтаксических критериев единства текста, представляющего собой функционально, семантически и структурно завершенное целое.

Однако следует иметь в виду, что само понятие «текст» неоднозначно и применяется по отношению к разноплановым структурам. Игнорирование этого факта приводило к тому, что первоначально, в 60-70-х гг. XX века, велись поиски средств только формальной связанности текста при отсутствии содержательных категорий. Кроме того, ряд исследователей были убеждены в универсальности «грамматики текста» для текстов любого стиля и жанра. На самом деле, «у текстов нет общей схемы, нет конечного числа жестких моделей. Но ведь нет общей схемы распространенного предложения. Тем более трудно ожидать жестких правил организации текстов» [2, с. 17]. Структура текстов слабо регламентирована законами языка и в значительной мере определяется автором. Тем не менее, это не означает отказ от поиска определен-

ных структурных закономерностей организации текста, а скорее, расширяет этот поиск.

Изучение единиц, составляющих текст, расширяет рамки синтаксической теории, вводя в нее в качестве предмета исследования единицу большую, чем предложение. Общеизвестно, что отсутствует единство взглядов на то, что же считать такой единицей и каковы ее релевантные признаки. На наш взгляд, реальной, объективно выделяемой сверхфразовой единицей является абзац.

Абзац, как и текст, изучается со всех возможных точек зрения и позиций. Но впервые о двустороннем характере абзаца, о необходимости рассмотрения его не только как композиционной, но и как синтаксической единицы, говорила Т.И. Сильман: «Абзац – явление литературной композиции, на котором легко проследить единство языкового и литературного стилей» [3, с. 15].

И.Л. Турчин определяет абзац как автономно организованную часть литературного текста, т.е. элемент его композиции, обладающей внутренней стройностью (архитектоникой). Под композицией понимается идейно-эстетическая и формальная организация текста в единую целостную картину, под архитектурой – членение смыслового целого на формальные внешне и внутренне организованные элементы – монологи, диалоги, абзацы и т.д. [4, с. 15].

«Абзац – единая структурно-смысловая единица композиции текста», утверждает Н.И. Хмельницкая, указывая также на две стороны абзаца – семантико-синтаксическую и композиционно-стилистическую, объединяя лингвистический и литературоведческий подходы [6, с. 110].

Направление, в рамках которого абзац рассматривается, прежде всего, как синтаксическая единица, представлено работами Л.Г. Фридмана. Это направление в специальной литературе часто называют суперсинтаксисом или гиперсинтаксисом. Отмечая наличие синтаксической структуры у абзаца, Л.Г. Фридман обосновывает его как сверхфразовую синтаксическую единицу речи [5, с. 155-157].

Более новая ориентация в толковании абзаца основывается на соответствующем коммуникативном подходе к тексту. Так, Л.Г. Фридман называет абзац высшей коммуникативной единицей текста. Но в целом использование той или иной позиции диктуется прежде всего целью исследования [5, с. 155-157].

Следует отметить, что абзац, помимо того, что является единицей, составляющей текст, обладает относительно автономной внутренней структурой. В значительной мере она определяется стилем писателя, но обладает рядом и универсальных черт. Находясь на более низком уровне, чем другие единицы членения текста – части, главы и т.п., абзац воплощает в себе черты и свойства, присущие всему произведению. Абзац имеет верхнюю и нижнюю границы, структурно формируется наличие напряженности. По содержанию абзац объединяет относительно самостоятельную тему, подчиненную общей теме. В текстах наблюдаются различные способы межабзацной связи – последовательно-контактная и дистантная. Эти межабзацные связи аналогичны

связям, существующим между предложениями в рамках сложного синтаксического целого.

Необходимо отметить, что абзац исследуется в качестве составной части и абзацного комплекса. О.П. Воробьева определяет абзацный комплекс как функционально-семантические и композиционное единство двух или более синтагматически связанных синсематичных абзацев, реализующих свое значение только в составе всего комплекса. При этом определяется бесспорная общность между абзацными комплексами и абзацами в композиционном и структурном отношениях [1, с. 23].

Все же, при всем многообразии теорий о единицах, составляющих текст, эта область лингвистики не была достаточно отражена и является наименее разработанной теорией лингвистических учений.

Список литературы

1. Воробьева, О.П. Структурно-семантические особенности абзацных комплексов в современном английском языке (к проблеме текстоформирующих элементов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.П. Воробьева. – Киев, 1978. – 25 с.
2. Гиндин, С.И. Онтологическое единство текста в виде внутритекстовой организации [Текст] / Машинный перевод и прикладная лингвистика / С.И. Гиндин. – М., 1971. – 172 с.
3. Сильман, Т.И. Дифференциация структуры абзаца в различных функциональных стилях / Т.И. Сильман // Проблемы нормы и социальной дифференциации языка: Тезисы. – М., 1967. – С. 14-15.
4. Турчин, И.Л. Композиционно-стилистические и архитектурные свойства абзаца [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Л. Турчин. – Калинин, 1974. – 18 с.
5. Фридман, Л.Г. К исследованию абзаца как синтаксической единицы (на материале немецкого языка) // тез. Науч. конф. «Уровни языка и их взаимодействие» [Текст] / Л.Г. Фридман. – М., 1967. – 155-157 с.
6. Хмельницкая, Н.И. Текстобразующая роль абзаца в функциональных стилях современного немецкого языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Хмельницкая. – Минск, 1985. – 203 с.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ У ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ЭТАПЕ ПРЕДВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Кун Е.В.

заведующий кафедрой русского языка, канд. пед. наук, доцент,
Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала
Советского Союза Г.К. Жукова, Россия, г. Тверь

Андреева С.А.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук,
Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала
Советского Союза Г.К. Жукова, Россия, г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы формирования навыков межкультурной коммуникации у иностранных военнослужащих на этапе предвузовской подготовки на основе учебного пособия по лингвострановедению.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвострановедение, обучение РКИ, учебное пособие.

Успех обучения иностранных военнослужащих (ИВС) в российских вузах, в первую очередь, зависит от того, насколько хорошо они усвоили русский язык и могут пользоваться им при изучении специальных предметов.

Однако на современном этапе, когда целью обучения ИВС становится не только овладение языком по профилю вуза, но формирование навыков и умений эффективного речевого общения, навыков успешной межкультурной коммуникации, перечень коммуникативных задач значительно расширяется и усложняется. Обучающиеся должны научиться не только извлекать и усваивать информацию текста, опираясь на структурно-смысловые компоненты и языковые средства, воспроизводить и строить тексты с различной степенью компрессии и трансформации, но и «интерпретировать полученные сведения, породить собственные тексты на материале извлеченной ранее информации» [3: 184].

Формирование навыков эффективного речевого общения невозможно осуществить без тех средств коммуникации, которые способствуют ознакомлению иностранных военнослужащих с новой для них действительностью и обеспечивают успешность общения в актах межкультурной коммуникации, прежде всего, через адекватное восприятие речи собеседника – представителя другого государства и иной культуры – и понимание аутентичных текстов средств массовой информации.

Изучение языка и одновременное знакомство с историей, литературой, экономикой, географией, политикой страны пребывания, ее бытом, традициями, психологией, как известно, именуется страноведением, а методика преподавания этих сведений при изучении иностранного языка – лингвострановедением [1].

Согласно лингвострановедческой теории слова [1], предметом лингвострановедения является отобранный языковой материал, отражающий культуру страны изучаемого языка, положение государства в современном мире и национальные особенности культуры народа – носителя языка.

Практика показала, что эти сведения наиболее целесообразно вводить на этапе предвузовской подготовки, когда у обучающихся уже сформированы навыки и умения, соответствующие элементарному уровню владения русским языком, обеспечивающим возможность иностранцу "... удовлетворять элементарные коммуникативные потребности при общении с носителями языка в пределах бытовой, учебной и социокультурной сфер на тщательно отобранном материале..." [2].

Предмет и задачи данного аспекта обучения русскому языку как иностранному и уровень владения языком обучающимися определяют важнейшие критерии отбора данного компонента содержания обучения, который должен базироваться на типичности, общеизвестности, тематичности явлений и их ориентации на современную действительность [1].

Перечисленным критериям соответствует структура и содержание учебного пособия по лингвострановедению «Россия в современном мире», разработанного на кафедре русского языка Военной академии воздушно-космической обороны (г. Тверь), которое предназначено для иностранных военнослужащих, обучающихся на подготовительном курсе высших военных учебных заведений Министерства обороны РФ.

Содержательную основу пособия составляет лингвострановедческая информация, представляющая собой на данном этапе изучения русского языка элементарные сведения о географическом положении Российской Федерации, климатических условиях и природных ресурсах страны, ее населении и религиозных конфессиях, политической реальности и положении, которое она занимает в мире. Выбор тем соответствует перечисленным критериям отбора содержания обучения и обусловлен необходимостью ознакомления иностранных военнослужащих с основными сведениями о стране изучаемого языка и овладения лексикой, активно используемой в повседневной жизни общества, средствах массовой информации.

Пособие состоит из пяти тем: "Территория и границы страны", "Население России", "Климат и рельеф страны", "Природные ресурсы", "Положение России в современном мире". Каждая тема представлена в двух частях: в первой части содержится лексико-грамматический и текстовый материал о России, во второй, имеющей название "У карты мира", – о других странах и континентах.

В состав каждой темы включается новая лексика, предтекстовые задания, способствующие ее активизации, и послетекстовые задания, направленные на контроль понимания содержания изучаемого материала. Работа с текстами способствует развитию навыков структурно-смысловой обработки информации, подготавливающих иностранного военнослужащего к репродукции высказывания.

Однако пособие не ограничивается ориентацией обучающихся лишь на воспроизведение уже готового знания. Авторы сочли целесообразным использовать продуктивную установку на поиск новой информации по изучаемой теме из различных источников и порождение на основе извлеченной информации собственных текстов. К примеру, по завершении изучения темы «Природные ресурсы» обучающимся предлагается задание найти информацию о природных ресурсах своей или какой-либо другой страны, составить текст и воспроизвести его содержание с использованием физической карты мира; принять участие в диалоге с товарищами или выступить с сообщением на заданную преподавателем тему.

Кроме перечисленных, в пособие включены и задания, предполагающие выход в неподготовленную речь, которая может быть реализована как в монологической, так и диалогической форме.

Источниками информации для порождения неподготовленного высказывания могут являться включенные в пособие приложения, которые содер-

жат не только фотографии карт мира, Евразии, Российской Федерации, карты климатических зон и религиозного состава населения Российской Федерации, но и рисунки и схемы с заданиями. Например, задание «Расскажите о Шанхайской организации сотрудничества» может быть выполнено на основе рисунка с изображением символа этой организации и перечня ключевых слов (названий государств, входящих в ШОС, глаголов для формулирования целей и задач и т.д.).

Спектр источников информации не ограничивается указаниями преподавателя. При подготовке к занятиям результатом самостоятельного поиска обучающихся могут являться различные материалы: карты, рисунки, фотографии, мультимедийные презентации и др.

Использование данного пособия на занятиях и в часы самостоятельной работы иностранных военнослужащих позволит:

- обогатить словарный запас обучающихся, выработать быструю реакцию на русскую речь, произносимую в среднем и быстром темпе;
- активизировать речемыслительную деятельность на основе структурно-смысловой обработки информации текстов лингвострановедческого характера;
- ориентироваться в потоке новой информации, осуществлять поиск необходимых для работы сведений и на основе извлеченной информации генерировать собственные тексты.

Учебное пособие дает возможность уже на начальном этапе изучения русского языка использовать элементы активного метода обучения. Материалы, являющиеся результатом самостоятельного поиска обучающимися дополнительной информации, аудирования фрагментов телевизионных новостных программ могут быть положены в основу учебной ролевой игры.

Перечисленные возможности пособия будут способствовать развитию навыков межкультурной коммуникации и формированию коммуникативной компетентности обучающихся в целом.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
2. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. – М., – СПб., 1999.
3. Кун Е.В., Федорова Е.В., Андреева С.А. Овладение текстовой деятельностью на основе формирования навыков активной речевой коммуникации – залог эффективного речевого общения в русской языковой среде // Русский язык в России и в мире: актуальные проблемы изучения и преподавания: Международный сборник научных трудов юбилейной конференции. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. С. 182-189.

ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ТИП ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Миронова Г.В.

доцент кафедры второго иностранного языка, канд. филолог. наук,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Торопова Т.В.

старший преподаватель кафедры международных отношений,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Настоящая публикация посвящена анализу таких сложных синтаксических конструкций как полипредикативные предложения. Несмотря на высокую частотность употребления данных конструкций в современном языке, в лингвистике все еще нет единого мнения о статусе таких конструкций, и не выработана единая терминология.

Ключевые слова: сложный синтаксис, полипредикативное предложение, сочинение, подчинение.

В последние десятилетия складывается тенденция выделения полипредикативного предложения в отдельный тип сложного предложения. Многие лингвисты отмечают, что такие конструкции не изучены в полной мере ни с точки зрения текстовой синтагматики, ни с точки зрения парадигматики.

На настоящий момент в лингвистической литературе нет единого термина для обозначения сложных конструкций, состоящих из трех и более предикативных единиц. Лингвистические словари-справочники, при отсутствии понятия «полипредикативное предложение», используют термин «сложное предложение». В работах многих ученых наблюдается употребление дефиниций «элементарное сложное предложение» и «многокомпонентное (или многозвенное) сложное предложение». Под элементарными сложными предложениями понимают конструкции, состоящие из двух предикативных единиц, в то время как под многокомпонентными подразумевают предложения с тремя и более предикативными единицами.

Однако, по мнению некоторых исследователей, большого отличия между элементарными и многокомпонентными сложными предложениями не отмечается – они придерживаются мнения, что это явления одной системы.

На наш взгляд, в отечественной лингвистической литературе есть более приемлемые для каждого типа сложного предложения термины, предложенные Л.Л. Иофик – бипредикативные и полипредикативные предложения. Именно эти дефиниции дают более правильное понимание особенностей грамматического значения и структуры каждого типа сложного предложения: в первом случае – бипредикативное предложение – состоит из двух частей (предикативных единиц), во втором – полипредикативное – из трех и более частей.

Многие синтаксисты оперируют термином «полипредикативное предложение» для обозначения сложных предложений, состоящих из более чем

двух предикативных единиц. Этот термин приобретает все большее признание в современной лингвистике.

Н.В. Первышева понимает полипредикативные предложения как «предложения, которые выделяются из многочастных с разнотипной связью, состоят из трех и более предикативных единиц, находящихся в неодинаковых семантико-синтаксических связях и отношениях; которые имеют два и более уровней членения (один основной, а другой (или другие) – второстепенный) и в которых специфические структурно-семантические признаки возникают в определенных коммуникативных условиях, конкретных ситуациях, на основе личностного аспекта языкового общения» [2, с. 11].

Г.Ф. Калашникова выделяет особенности полипредикативных предложений, которые отличают их от так называемых элементарных сложных предложений, под которыми автор понимает бипредикативные сложные предложения. Одной из особенностей полипредикативного предложения является то, что минимум один компонент находится в связи с двумя предикативными единицами. В полипредикативном предложении возникает иерархия объединений предикативных единиц в полипредикативной структуре [1, с. 77-78].

В виду отсутствия общепринятой терминологии для обозначения полипредикативных предложений, хотелось бы отметить, что в лингвистической литературе нет и единого термина для обозначения полипредикативных предложений, сочетающих в себе два вида связи – сочинение и подчинение. Встречаются различные дефиниции: «сложные синтаксические конструкции» (Н.С. Валгина), «сложные предложения комбинированного типа» (В.В. Бабайцева), «многочленные сложные предложения» (Р.П. Санатриева), «сложные предложения с сочинением и подчинением» (Н.Н. Холодов), «смешанные предложения» (Дз. Барбаре, О.Ф. Успенская), «многокомпонентные конструкции» (З.Ф. Гаврилова), «усложненные сложносочиненные предложения» (Б.А. Белова), «компаудно-комплексное предложение» (Н.А. Шейфель), «многокомпонентное сложное предложение» (Л.Д. Беднарская, Г.П. Уханов, Г.Ф. Калашникова), «полипредикативные сложные предложения» (Н.В. Первышева).

На наш взгляд, наиболее подходящим термином, определяющим сложные конструкции, состоящие из трех и более предикативных единиц, является полипредикативное предложение. Именно такое понимание полипредикативного предложения зафиксировано и словарями лингвистических терминов.

Список литературы

1. Калашникова, Г.Ф. Синтаксический статус полипредикативных сложных предложений и их отличие от элементарных сложных предложений [Текст] / Г.Ф. Калашникова // Сложные элементарные и полипредикативные предложения: сборник научных трудов. – Калинин, 1983. – С.75- 91.
2. Первышева, Н.В. Полипредикативные сложносочиненные предложения в современном русском языке: структурно-семантическая и коммуникативная организация [Текст] : Автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Н.В. Первышева. – Краснодар, 2001. – 27 с.

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В НАЗВАНИЯХ СТИХОТВОРЕНИЙ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Нелькенбаум В.М.

аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются скрытые смыслы в стихотворениях Б.Л. Пастернака, посвященных временам года. Изучение данного вопроса позволяет более полно понять и оценить вклад поэта в русскую литературу, что даст возможность в дальнейшем на основании полученных выводов продолжать исследование особенностей творчества поэта.

Ключевые слова: стихотворение, поэзия, смысл, времена года, поэтическое мастерство, лейтмотив, весна, зима, осень, лето.

Поэзия Бориса Пастернака – тонкий лирический мир, неповторимый поток ярких красок и солнечного света. Любые события нашей суетной жизни под пером автора становятся особенными, похожими на некое таинство. Пастернак очень тонко чувствует окружающий его мир, умеет видеть то, что неподвластно взгляду обычного человека [1, с. 49]. Именно поэтому каждое его стихотворение – это поэтический шедевр, наполненный скрытыми смыслами от названия и до последнего слова.

Итак, в данной статье мы предпримем попытку рассмотреть скрытые смыслы в названиях стихотворений поэта, посвященных временам года. Умея очень мудро видеть и чувствовать жизненные катаклизмы, Борис Пастернак в каждое лирическое произведение вкладывал особенный, глубокий смысл, над которым нам, современным исследователям языка, предстоит задумываться. Ведь «семантический анализ художественного образа показывает, что он состоит не только и не столько из собственно «образов», «образного материала», сколько из содержания и смысла, которые художник вкладывает в свои произведения, организуя «материал» определенным, им самим запланированным образом» [5, с. 1626]. Подобный процесс изучения скрытых смыслов в названиях стихотворений поэта, безусловно, будет носить субъективный характер и строиться зачастую на косвенных основаниях [5]. Но тем не менее каждое наше умозаключение мы будем подкреплять максимально возможными аргументами.

Очевидно, что у поэта множество произведений, названия которых напрямую или косвенно связаны с временами года. Тем самым Пастернак проповедует идею первичности жизненных циклов и вторичности человеческих проблем. Весна, лето, зима, осень наступают независимо от мелких человеческих переживаний или крупных мировых катаклизмов. Жизнь мудрее и насыщеннее любых установок и планов людей. Она знает лучше, что необходимо человеку в этом суетном мире.

У Бориса Пастернака есть целый ряд стихотворений, в названиях которых фигурирует лексема «весна» или однокоренные ей слова: «Весенний дождь», «Весна» («Весна, я с улицы...»), «Весна» («Все нынешней весной особое...»), «Весна» («Что почек, что клейких...»), «Весна в лесу» и т.д.

Каждое время года, безусловно, имеет свой неповторимый шарм, но весна все же особенная. Только в это время человек снова начинает верить в лучшее, в светлое, в чудо, наконец. Пробуждение жизни – циклический процесс, но у поэта весна в произведении описывается как первая весна во Вселенной, утверждая верховенство жизни и красоты.

В противовес «весенним» произведениям значительное количество стихотворений поэта также посвящено зиме: «Зима приближается», «Зима», «Зимняя ночь» («Мело, мело по всей земле...»), «Зимняя ночь» («Не поправить...»), «Иней», «Когда разгуляется», «Метель», «Снег идет» и т.д.

На наш взгляд, среди таких шедевров можно выделить произведения, посвященные именно пейзажной лирике, и стихотворения глубоко философские, раскрывающие тайны человеческой души. Среди последних особенно хочется обратить внимание на произведение, первой строкой которого является фраза «Мело, мело по всей земле...». Оно настолько поэтично, что довольно быстро стало известным романсом. Каждое слово в нем проникнуто искренним чувством. Это стихотворение – целая история любви Мужчины и Женщины, нашедших друг друга в сложную историческую эпоху [2, с. 112]. За названием «Зимняя ночь» скрывается целая страна «заблудившихся» людей, для которых огонек свечи становится смыслом жизни.

Вообще у Пастернака среди «зимних» стихотворений довольно часто встречается мотив метели (вьюги): «Мело, мело по всей земле...», «Метель», «Снег идет» и т.д. Кажется, что в этой метели заблудилась вся Россия. Людям одиноко и холодно, им «страшно и больно видеть Родину и своих «братьев» в лабиринте исторических страстей» [4, с.49]. Но никакие беды и жизненные перипетии не способны убить в человеке любовь, желание жить, трудиться на земле, растить детей... Это тот самый, скрытый, но такой очевидный смысл, вложенный автором в свое произведение.

«Осенняя» палитра стихотворений Бориса Пастернака представлена следующими шедеврами: «Золотая осень», «Осень» и т.д. Лейтмотивом сквозь стихотворения проходит проблема человеческого одиночества, которое острее ощущается именно в это время года, когда уставшая природа ради будущего обновления стремительно замирает («И одиночеством всегдашним/ Полно всё в сердце и природе») [3, с. 102]. Красота осенних красок не радует лирического героя, их яркость и насыщенность словно напоминают человеку о бренности всего живого и быстротечности времени. Человек только лишь песчинка во Вселенной и подчиняется именно ее законам.

О нашем, русском, лете у Бориса Пастернака также написано множество стихотворений. Прелесть лета, такого долгожданного и непредсказуемого, описывается в этих произведениях очень ярко: красивые цветы, шмели,

зелень. Все это, безусловно, радует глаз, успокаивает душу, но русское лето быстротечно: очень скоро на смену жаркому полудню приходят холодные ветра и затяжные дожди. Поэтому лето – это особенное время, «маленькая жизнь» для русского человека. В данном случае хочется обратить внимание на следующие стихотворения: «Август», «Звезды летом», «Июль», «Ландыши», «Лето в городе», «Сирень» и др. Автор называет свои произведения довольно просто, даже очевидно. Но за кажущейся простотой скрыт глубокий смысл. Это и библейские мотивы («Обыкновенно свет без пламени/ Исходит в этот день с Фавора...»), и естественная прелесть летнего воздуха («Степной нечесаный растрепа, / Пропахший липой и травой, / Ботвой и запахом укропа, / Июльский воздух луговой»), и необъяснимая, но пьянящая красота «седой сирени» [3, с. 106].

Каждое название «летнего» стихотворения поражает целым спектром скрытых смыслов и мотивов, которые автор вкладывает в собственные творения. Лето у Пастернака особенное, божественное, пряное. Оно напоминает человеку о бренности и тленности нашего существования. Человек только гость в этом Море, именно ему посчастливилось созерцать красоту окружающего мира. Природа у поэта отражает внутреннее состояние лирического героя. Она способна на это, потому что мудра и вечна. «Человек лишь преходящее явление на фоне божественной красоты» [4, с.67], гость, который зачастую пытается вести себя неблагодарно и получает заслуженный ответ от Вселенной.

Таким образом, мы можем заключить, что в названиях стихотворений Бориса Пастернака, посвященных временам года, присутствует широкий спектр скрытых смыслов, напоминающих человеку о бренности существования и нерушимости вечных ценностей.

Список литературы

1. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака [Текст] / В.Н. Альфонсов. – СПб.: «Сага», 2001. – 192 с.
2. Баевский В.С. Остраннение: К поэтике Бориса Пастернака [Текст] / В.С. Баевский. – Смоленск: СмолГУ, 2013. – 382 с.
3. Пастернак Б. Поэзия [Текст] / Б. Пастернак. Серия: Книга на все времена. М., 2003. – 352 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Автореф... дисс. докт. филол. наук. – Уфа, 2002. – 343 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). С. 1626-1627.

РОЛЬ ГЛЮТТОНИЧЕСКИ-ОРИЕНТИРОВАННЫХ СРАВНЕНИЙ В РАСКРЫТИИ ГЛУБИННОГО СМЫСЛА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ХАРРИС «FIVE QUARTERS OF AN ORANGE»)

Петришина Е.Ю.

доцент кафедры английской филологии, к.ф.н.,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Московский государственный областной университет, Россия, г. Москва

Неровная М.А.

магистрант 2го года обучения,
Международный институт менеджмента ЛИНК, Россия, г. Жуковский

В статье рассматриваются способы повышения информативности декодирования словесной ткани художественного произведения за счет применения возможностей дискурсного анализа, что значительно обогащает выявляемый глубинный смысл. В статье обосновывается необходимость привлечения экстралингвистической информации на разных этапах исследования, что способствует активации тезауруса инокультурного реципиента. В статье делается вывод, о том, что текстовые единицы приобретают в дискурсном языке культуры дополнительную семантику с особыми коннотативными, образными, оценочными и ассоциативными характеристиками.

Ключевые слова: глуттонический дискурс, концепт, антропонимы, авторская оценка, глубинный смысл.

Ни для кого не секрет, что язык глубоко метафоричен. Еще в древности ученые-мыслители замечали, что фигуры речи создают яркие и понятные образы, выделяющие существенные и порой неприметные на первый взгляд черты. Основными функциями подобной изобразительности являются: 1) передача авторского эстетического задания, художественная мотивированность и прагматическая направленность речевого акта, 2) эмоциональное воздействие на читателя и, наконец, 3) формирование определенной шкалы ценности и норм. Таким образом, **цель данной статьи** заключается в определении механизмов авторского манипулирования восприятием реципиента посредством поэтического образа. **Объектом изучения** выступают индивидуально-авторские метафорические сравнения, формируемые на базе концептуально-значимого в рамках данного романа глуттонического дискурса. **Алгоритм работы** подразумевает несколько этапов: 1) изучение теоретического материала и терминологической базы исследования, 2) выявление и анализ примеров из текста, 3) практическое освоение полученных данных в аспекте их функциональной нагрузки.

Согласно словарю лингвистических терминов, образное сравнение – это художественное средство выразительности, особая фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому по степени сходства и смежности [Ахманова, 1966:450]. Основными качествами изучаемого феномена непременно должны выступать новизна, оригинальность, яркая иллюстративность и естественность. Однако именно естественность порой вызывает

много вопросов, если адресаты сообщения принадлежат иному лингвокультурному сообществу.

В романе Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина» источником художественного сравнения автор избирает ресурсы глуттонического дискурса. Представляется, что подобное решение весьма актуально, в виду того, что всякий на собственном опыте знает вкус различных блюд, имеет представление о неких гурманских изысках и может составить некие ожидания и ассоциации с подобными явлениями. Используя обычные и в то же время оригинальные глуттонически-ориентированные сравнения, автор ярко передает образы и чувства героев романа, создает уникальный художественный мир, полный реалистичных вкусов и запахов. С помощью указанных сравнений автору удается передать свое мироощущение читателю и сформировать в нем особые аксиологические приоритеты.

Следует упомянуть сюжетную канву романа, в котором формируются две аксиологические линии – с точки зрения престарелой дамы, пережившей войну, смерть близких, предательство друзей и потом и кровью выстрадавшей свое женское счастье, и с точки зрения маленькой девочки, живущей счастьем сиюминутным – счастьем свободы от зоркого материнского глаза, счастьем сытного обеда во времена разрухи и голода, счастьем первых нежных отношений, счастьем охотника, поймавшего добычу.

Согласно принятому алгоритму, следующим шагом работы является анализ выявленных в ходе прочтения романа, т.е. методом сплошной выборки, примеров и их последующая интерпретация.

Так, описывая себя в молодости, Фрамбуаз проводит аналогию с фруктом: *I found only a hard place inside myself, like a stone in a fruit [p.57]*. Для инокультурного реципиента не составит особого труда представить некий плод с косточкой внутри. Однако русская лексическая единица (далее ЛЕ) *косточка* звучит гораздо мягче за счет морфологического вклинивания уменьшительно-ласкательного суффикса *очк*, чем английская ЛЕ *stone*, которая переводится как *камень*. Подобное различие и является ярким примером разности языковых картин мира указанных лингвокультурных сообществ. Страдает ли формирование образа подростка в воображении читателя при этом? – Безусловно. Но функциональная нагрузка такого различия минимальна. Оба языка трактуют этот элемент плода как нечто твердое, жесткое, трудно расчленимое и тем ценное. Можно предположить, что главная героиня обладает твердым характером, трудно поддающимся влиянию извне, негибкой волей и крепким стержнем. Дети военных лет были много лишены и только такими качествами могли преодолеть жизненные трудности. Примечательно, что это сравнение не единично, но иррадирует по текстовому пространству: *There was a cold hard place where my love for her should have been, a hard dry place like the stone in a fruit [p.193]*. Развертывание этого художественного образа происходит за счет грамматической составляющей – определенный артикль отсылает нас к ранее проанализированной выдержке.

Рассмотрим еще пример: *She was rock salt and river mud, her rages as quick and furious and inevitable as summer lightning» [p.137].* Приведенная цитата посвящена описанию характера – теперь уже матери главной героини, на которую, как впоследствии выясняется, она была похожа как две капли воды. Выделенная ЛЕ вводит имплицитное сравнение, поскольку отсутствует важный компонент – связка *like / as if*. Более того, отсутствует основание этого сравнения, и формирование образа полностью зависит от читательского опыта. Те, кто пробовал каменную соль на вкус, знают, что она, скорее, горькая, нежели соленая. Таким образом, авторская выразительность формирует концептуальное пространство данного отрывка и дает понять, что жизнь военных лет выхолостила в душе матери всякие проявления нежности – она либо злилась, либо пребывала равнодушной к собственным детям, но в обиду их никому не давала. Строгое, спартанское воспитание формировало в них некое защитное свойство, ту самую косточку, о которой шла речь в предыдущем абзаце. Соположение сравнений с каменной солью и речной грязью – трудновыводимой и неотмываемой – делает указанные ЛЕ контекстуальными синонимами и апеллирует сразу к нескольким сферам уподобления. Представляется, что таким образом осуществляется еще одна функциональная нагрузка этих сравнений – очерчивается круг лиц – потенциальных адресатов этой книги. Тем, кто не знает вкуса грязи, не бегал босым по речным берегам и не отмывал въевшуюся черноту, не понять данного образа. Такого же эффекта восприятия могут заслужить сравнения приступов гнева с сезонными молниями. Основания сравнения в этот раз автор фиксирует: *быстрые, мощные* и кульминационным элементом этой многосоюзной градации выступает ЛЕ *неизбежные*, как летние грозы.

Не только отрицательные черты, формируемые в людях Второй мировой войной, заслуживают внимания автора. Здесь было достаточно места радости и счастью. Причем причиной этого счастья часто выступало нечто неприметное, только лишенному человеку понятное: *I kept my face stony, while my heart flipped over like a dying fish [p.189].* Образность данного сравнения достигается за счет противопоставления метонимических переносов части и целого (стилистический прием синекдоха) – *face* и *heart*, а также их разнонаправленных эпитетов – *stony* (деперсонифицирующий) и (одушевляющий) *flipped*. Однако радость сердца уподобляется бьющейся в предсмертных судорогах рыбе, что подчеркивает интенсивность действия и создает эмоциональный накал.

Аналогичного эффекта достигает автор, нагромождая текст развернутыми сравнениями в близком контексте: *Worse, I didn't know why he was doing it, and my rage grew until it was like a cider press squeezing my old head like an apple about ripe and ready to burst [p.196].* Сначала гнев уподобляется соковыжималке, где аллитерированное [s] косвенной звукописью создает ощущение льющегося сока, а потом голова уподобляется яблоку, готовому упасть с ветки и взорваться фонтаном брызг. Ритмический рисунок цитаты, созданной моносиллабическими компонентами, ускоряет темп и передает агрессию за счет аллитерации грозного звука [r].

Ещё одной функциональной составляющей образных сравнений в изучаемом романе выступает деятельность главной героини – она искусный повар, хранительница забытых рецептов, владелица кафе гурманов: *It made me feel soft inside, like warm caramel* [p.373]. Теплая карамель – такая тягучая, ароматная, липкая – создает образ, рассчитанный, скорее, на женскую аудиторию. Это вкус и запах детства, не отягощенного испытаниями взрослой жизни, к тому же передающие состояние влюбленной женщины.

Отдельной группой представлены глуттонически-ориентированные сравнения, функция которых – описание внешности героев: цвета их лица (as white as curd), полноты и яркости губ (like cherries), прически (rolled into a fat sausage), цвета и выражения глаз (chocolate-eyed, as sloes), передачи целостного образа (Soft and sweet as dark honey, with amber eyes and autumn hair, she was every storybook heroine, every screen goddess I had ever imagined and admired» [p.73]) и т.д.

Рассмотрев вышеприведенные примеры, приходим к выводу, что для описания внешности в 100% случаев используются глуттонимы с положительной коннотацией.

В другую группу выделены глуттонически-ориентированные сравнения абстрактных явлений и бытовых ситуаций, где автор сравнивает далекие от смежности или сходства категории – восторг и блин, ясность и жвачку, ужас и яблоко. Функцию связующей линии в некоторых случаях выполняют эпитеты, например – *terrible* и *dreadful*. Особенности мировосприятия героини создают общую атмосферу вкусового праздника жизни, формируют яркое послевкусие:

«I was unable to identify it. A bright comet's tail of sensation, prickling at my armpits and flipping my stomach like a pancake» [p.52].

«The truth stretched between us like a string of chewing gum» [p.200].

«The act, the terrible act we had committed-still hung in front of us like a dreadful fruit» [p.389].

«She smelt unfamiliar too, a kind of sweetish powdery smell like marshmallow and violets, and she was wearing the red lipstick» [p.123].

«Her voice was tart as an unripe gooseberry» [p.74].

«I could tell I perplexed him. His thumbs were digging so deeply into my arms that they would make great ripe blackberry marks on my skin the next day, but I did not show any sign of it» [p.127].

Целесообразно заметить, что большая часть приведенных сравнений не относится к общеязыковым, закрепленным в языке, в результате частого употребления, но формирует особую индивидуально-авторскую языковую картину мира и способствует передаче реципиенту концептуально-значимой информации:

«I didn't set out to tell him everything, but once I had started the words began to spill out of me like grain from a burst sack» [p.161].

«The truth stretched between us like a string of chewing gum» [p. 200].

Использование в романе подобных сравнений придает образам, не связанным с гастрономическим дискурсом, вкус, уникальность и неповторимость.

Интерпретационный анализ сравнений в романе Дж. Харрис «Пять четвертинок апельсина», включающий элементы семантического, культурологического, стилистического и дискурсивного, позволил выявить несколько функций групп глуттонически-ориентированных сравнений: 1) передача эмоционального состояния, особенностей характера (35%), 2) описание внешности (26%), 3) создание уникальной атмосферы повествования (26%), 4) передача звуков, запахов, размера (13%). Из приведенных статистических данных становится очевидным, что наиболее частотным для автора является использование глуттонически-ориентированных сравнений для передачи эмоционального состояния главных героев и описания их характера, поскольку, не поняв их в достаточной мере, читатель не способен понять глубинный смысл текста.

В заключении отметим, что глуттонически-ориентированные художественные сравнения в романе занимают центральное место.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум/ Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 4-е изд., испр. – М. Флинта: Наука, 2006. – 496 с.
3. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – М.: Из-во Гнозис, 2007. – 408 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
5. Boas Fr. Language and culture. New York, 1940.
6. Harris Z. Discourse analysis // Language, 1952, V. 28. №1. С. 30
7. Harris «Five quarters of the Orange». – Black Swan, 2002.
8. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 4th impression, 2000. – 1568 p. (LDELС)

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ СЕМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОРРЕЛЯТИВНЫХ ОППОЗИЦИЯХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Полежаева С.С.

доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
канд. филол. наук, доцент,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Молдова (Приднестровье), г. Тирасполь

В статье причинный компонент (каузатор) эмоции рассматривается в качестве важного фактора установления возможности-невозможности коррелятивной оппозиции переходного и возвратного глаголов эмоций. Обосновывается неоднозначность семантических

отношений между лексико-семантическими вариантами глаголов *беспокоиться* – *беспокоить*, обусловленная спецификой причинного компонента.

Ключевые слова: глагол, семантика, каузатор, конверсивность.

Изучение специфики глаголов русского языка, формируемой за счет пересечения их семантических, грамматических, коммуникативных признаков, а также ряда языковых параметров (таких, как каузативность, конверсивность, возвратность, переходность, аспектуальность) (см. [3; 4]) приводит к пониманию неоднозначности типов семантических отношений между возвратным и невозвратным глагольными коррелятами, называемыми эмоциями человека (типа *беспокоиться* – *беспокоить*). Фактором установления таких неоднозначных типов семантических отношений может выступать причинный компонент (каузатор) эмоционального состояния.

Анализ семантики глаголов *беспокоиться* – *беспокоить* основывается на толкованиях, предложенных Ю.Д. Апресяном и отраженных в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [2]. В [2] переходный глагол *беспокоиться* I объединен в один синонимический ряд с глаголами *тревожиться*, *волноваться* I с общим значением «испытывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда человеку неизвестно что-то важное о ситуации, которая его касается, и когда он опасается, что ситуация изменилась или может измениться к худшему» [2, с. 26]. Соотносительные с ними переходные глаголы *беспокоить* I, *тревожить* I имеют значение «вызывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда человеку неизвестно что-то важное о ситуации, которая его касается, и когда он опасается, что ситуация изменилась или может измениться к худшему» [2, с. 22].

Обращение к богатому иллюстративному материалу, представленному в электронной базе Национального корпуса русского языка [1], показало, что спектр объектов, находящихся в фокусе эмоции беспокойства субъекта, весьма широк и разнообразен. Это могут быть ситуации (события), связанные с личной сферой субъекта, составляющие для него определенный интерес как для свидетеля или наблюдателя каких-либо событий, но не представляющие объективной угрозы (как правило, это в большей мере относится к возвратному глаголу *беспокоиться*); это может быть то, что находится за пределами личного пространства субъекта, имеет к нему косвенное отношение (как правило, в таких контекстах употребляется переходный глагол *беспокоить*), при этом эмоция беспокойства сопряжена с определенной долей интеллектуальной оценки ситуации.

С учетом такого понимания сущности эмоции беспокойства субъекта можно выделить четыре лексико-семантических варианта (ЛСВ) переходного глагола *беспокоить* и предложить (в качестве рабочих) следующие их толкования:

беспокоить 1 (ЛСВ 1) – «вызывать тревогу в отношении того, что может иметь негативные, тяжелые последствия для чего-то (кого-то); что может угрожать чему-то (кому-то) хорошему», ср.: *Он [Андрей Болконский] очень*

беспокоит меня. Здоровье его зимой лучше, но прошлой весной рана открылась, и доктор сказал, что он должен ехать лечиться (Л. Толстой);

беспокоить 2 (ЛСВ 2) – «вызывать волнение, выводить из душевного равновесия, не оставлять равнодушным, но без негативных, тяжелых последствий, без потенциальной угрозы», ср.: *Наташа сидела все время молча, исподлобья глядя на него. Взгляд этот все больше и больше беспокоил и смущал Бориса. Он чаще оглядывался на Наташу и прерывался в рассказах* (Л. Толстой);

беспокоить 3 (ЛСВ 3) – «вызывать озабоченность относительно того, что входит в сферу личных интересов субъекта, но не имеет глубоких, тяжелых негативных последствий», ср.: *За прошедший год с 25% до 34% возросло число тех, кого серьезно беспокоит складывающаяся нездоровая психологическая ситуация в обществе, бесчеловечность в отношениях* (газ. Московский комсомолец);

беспокоить 4 (ЛСВ 4) – «вызывать раздражение в отношении того, что ощущается субъектом как физически или психически неприятное, отторгается им; состояние крайнего неудовольствия, раздражения субъекта», ср.: *Анна Андреевна сидела возле него, изредка примачивала ему виски уксусом и беспрестанно, с пытливым и страдальческим видом, заглядывала ему в лицо, что, кажется, очень беспокоило старика и даже досаждало ему* (Ф. Достоевский).

Все ЛСВ глагола *беспокоить* обозначают состояние субъекта, которое является реакцией на определенную причину. При этом важно, что степень глубины и интенсивности эмоции беспокойства, выраженной переходным глаголом *беспокоить*, обусловлена характером причины, вызывающей эту эмоцию; на языковом уровне это проявляется в семантической роли Каузатора эмоции – Причина или Содержание (в концепции Е.В. Падучевой, см. [3]).

При переходном глаголе *беспокоить* Каузатор находится в коммуникативном ранге Центр и занимает, как правило, позицию подлежащего.

Каузатором беспокойства может быть **лицо** (здоровье, благополучие самого субъекта или близкого ему человека). Ср.: (1) *Он [Андрей Болконский] очень беспокоит меня. Здоровье его зимой лучше, но прошлой весной рана открылась, и доктор сказал, что он должен ехать лечиться* (Л. Толстой). В приведенном контексте реализуется ЛСВ 1 переходного глагола *беспокоить* «вызывать тревогу в отношении того, что может иметь негативные, тяжелые последствия для чего-то (кого-то); что может угрожать чему-то (кому-то) хорошему», причем глубина эмоции усиливается семантикой наречия *очень*; тип каузатора – пропозитивный (состояние здоровья лица), представленный в свернутом виде местоимением *он*. Каузатор-лицо реализует семантическую роль Содержание, поскольку данная синтаксическая конструкция с переходным глаголом *беспокоить* может быть преобразована в синтаксическую конструкцию с возвратным глаголом *беспокоиться*, в которой сохраняется та же семантическая роль Каузатора – Содержание, ср.: *Я очень беспокоюсь о нем (о его здоровье)*.

В следующем примере реализуется ЛСВ 2 переходного глагола *беспокоить*: «вызывать волнение, выводить из душевного равновесия, не оставлять равнодушным, но без негативных, тяжелых последствий, без потенциальной угрозы», ср.: (2) *Наташа сидела все время молча, исподлобья глядя на него. Взгляд этот все больше и больше беспокоил и смущал Бориса. Он чаще оглядывался на Наташу и прерывался в рассказах* (Л. Толстой). Здесь так же, как и в предыдущем примере, фактической причиной эмоции беспокойства субъекта является лицо – ((взгляд) Наташи), тип каузатора – пропозитивный, в трансформированной конструкции с возвратным глаголом реализует семантическую роль Содержание, поскольку может быть использован в предложно-падежном сочетании *беспокоиться о*. Ср.: *Борис беспокоился о (психологическом) состоянии Наташи...*

В примере (1), отражающем ЛСВ 1 переходного глагола *беспокоить*, и в примере (2), отражающем ЛСВ 2 переходного глагола *беспокоить*, и их трансформациях реализуются **конверсивные семантические отношения, семантическая роль Каузатора – Содержание**.

Если объектом беспокойства является определенная **ситуация**, напрямую не касающаяся субъекта, то переживание беспокойства является менее глубоким. При этом преобладает интеллектуальная оценка события субъектом. Это характерно для каузаторов, называемых экономические, социальные факторы, входящие в личную сферу субъекта, но имеющие косвенное отношение к нему. Ср.:

(3) *Мне не безразлично настоящее и будущее России, роль в этом государственной власти и мои собственные возможности. Меня беспокоит отмеченный социологами уровень доверия власти – всего 10 процентов* (газ. Известия);

(4) *За прошедший год с 25% до 34% возросло число тех, кого серьезно беспокоит складывающаяся нездоровая психологическая ситуация в обществе, бесчеловечность в отношениях* (газ. Московский комсомолец).

В представленных примерах (3) и (4) реализуется ЛСВ 3 переходного глагола *беспокоить*: «вызывать озабоченность относительно того, что входит в сферу личных интересов субъекта, но не имеет глубоких, тяжелых негативных последствий»; тип каузатора – пропозитивный (*уровень доверия власти; нездоровая психологическая ситуация, бесчеловечность в отношениях*). Каузатор представлен семантической ролью Причина, поскольку данные синтаксические конструкции можно трансформировать в конструкции с возвратным глаголом *беспокоиться* в сочетании с предлогом *из-за*; при этом в конструкциях с возвратным глаголом сохраняется семантическая роль Каузатора – Причина, ср.: ... *Я беспокоюсь из-за отмеченного социологами уровня доверия власти – всего 10 процентов; ... возросло число тех, кто серьезно беспокоится из-за складывающейся нездоровой психологической ситуации в обществе, бесчеловечности в отношениях*. Считаем важным отметить, что такое понимание Каузатора (с семантической ролью Причина) возможно тогда, когда в контексте реализуется негативная оценка ситуации со стороны субъекта.

Если же такой негативной оценки нет, то Каузатор представлен семантической ролью Содержание; при трансформации в конструкцию с возвратным глаголом *беспокоиться* Каузатор употребляется в предложно-падежных сочетаниях с предлогами *о (об), по поводу* и также реализует семантическую роль Содержание, например: *Будет рассматриваться и вопрос единого управления двумя классическими видами борьбы: греко-римской и вольной. Видимо, этот вопрос беспокоит не только Россию, но и мир борьбы в масштабах планеты* (газ. Известия) – ... *Россия беспокоится по поводу вопроса о едином управлении двумя классическими видами борьбы ...*

В представленных примерах (3) и (4), отражающих ЛСВ 3 переходного глагола *беспокоить*, и их трансформациях также реализуются **конверсивные семантические отношения**, однако роль Каузатора различается (**Причина и Содержание**) в зависимости от характера оценки ситуации (**события**), **вызывающего эмоцию беспокойства**.

Реализация ЛСВ 4 переходного глагола *беспокоить* в следующем контексте *Анна Андреевна сидела возле него, изредка примачивала ему виски уксусом и беспрестанно, с пытливым и страдальческим видом, заглядывала ему в лицо, что, кажется, очень беспокоило старика и даже досаждало ему* (Ф. Достоевский) не дает возможность трансформации в конструкцию с возвратным глаголом *беспокоиться* с сохранением указанной семантики глагола «вызывать раздражение в отношении того, что ощущается субъектом как физически или психически неприятное, отторгается им; состояние крайнего недовольствия, раздражения субъекта», ср. : *... *старик очень беспокоился из-за того, что ...*, **старик очень беспокоился о том, что ...* . Препятствием для трансформации является семантика глагола *беспокоить*: контекстуально он синонимизируется с глаголом *раздражать*, вызывать недовольство, поэтому глагол *беспокоить* в большей мере относится к глаголам, входящим в лексико-семантическую группу «глаголы физического дискомфорта» (типа *давить, тошнить* и под.), чем к глаголам, выражающим эмоциональное состояние субъекта. В этом случае доля собственно эмоционального переживания в глаголе *беспокоить* затушевывается; такое понимание семантики глагола *беспокоить* в приведенном контексте поддерживается и глаголом *досаждало* в сочетании с усилительной частицей *даже*.

Таким образом, **семантическая трансформация конструкции с переходным глаголом *беспокоить* в его ЛСВ 4 в конструкцию с возвратным глаголом *беспокоиться* невозможна**, при этом переходный глагол *беспокоить* является одиночным и не входит в оппозицию с возвратным глаголом *беспокоиться*.

В заключение отметим, что в переходном глаголе *беспокоить* существенна роль рационального осмысления ситуации субъектом, анализа потенциально опасной ситуации. События, связанные с употреблением переходного глагола *беспокоить*, как правило, не касаются личной сферы субъекта, испытывающего эмоцию беспокойства. Беспокоить человека могут ситуации, имеющие косвенное отношение к нему, они не воспринимаются субъектом глубоко, у него есть возможность их осмыслить и, по возможности, из-

бежать. Между лексико-семантическими вариантами глаголов *беспокоиться* – *беспокоить* устанавливаются неоднозначные семантические отношения, обусловленные спецификой каузатора эмоции и характером семантической роли этого участника коммуникативной ситуации.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка. – (<http://www.ruscorpora.ru/>).
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / [Текст] // Второе издание, исправленное и дополненное. Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры». – 2003. – 1488 с.
3. Падучева, Е.В. Наблюдатель и его коммуникативные ранги / [Текст] Е.В. Падучева // Научно-техническая информация. – Серия 2. – 1998. – №12. – С. 23-28.
4. Петрухина, Е.В. Комбинаторика морфем и смыслов при номинации эмоционального переживания в русском языке в сопоставлении с чешским [Текст] / Е.В. Петрухина // Slavische Wortbildung: Semantic und Kombinatorik. Munster-Hamburg-London. – 2002. – С. 247–261.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Прах Д.А.

магистрант, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

В статье рассматривается ряд проблем перевода воинских званий с иностранного языка на примере перевода текста романа Л.-Г. Буххайма "Подлодка" с немецкого языка на английский и на русский. Предлагается оптимальный подход к решению проблем подобного рода.

Ключевые слова: проблемы перевода, воинские звания, переводческие решения.

Проблема перевода воинских званий практически неизбежно встаёт перед переводчиком при работе с текстами военной тематики. Особенно наглядно актуальность данной проблемы можно проследить в тех случаях, когда правильный перевод званий напрямую влияет на смысловую адекватность всего текста. Одним из примеров таких текстов является художественная литература военной направленности, либо военные мемуары. Ниже мы рассмотрим некоторые актуальные проблемы перевода воинских званий на примере перевода романа немецкого писателя Л.-Г. Буххайма «Подлодка» на английский и русский языки.

Данное произведение вышло в свет в 1973 г. Автор повествует о боевой жизни моряков германского подводного флота в годы Второй мировой войны от лица военного корреспондента, совершающего поход в Атлантику в составе экипажа подводной лодки U-96. Повествование ведётся от первого лица и в подробностях раскрывает подготовку в боевому походу, сам поход и

гибель под бомбами подводной лодки и большей части её экипажа сразу после возвращения в базу. Автор описывает события с большим количеством подробностей: текст насыщен военно-морскими терминами, обозначениями воинских званий и специальностей моряков. Поскольку мы уже имеем перевод текста на английский язык, а с английского языка на русский, то можем на конкретных примерах рассмотреть проблемы, вставшие перед переводчиками, а также проанализировать принятые переводческие решения.

Одной из проблем, которую мы рассмотрим в рамках данной статьи, является проблема привлечения экстралингвистической информации и анализа контекста при поиске переводческих решений или при проверке адекватности решения уже принятого. Так, помимо упоминания звания военнослужащего в тексте могут содержаться сведения о форме его одежды и знаках различия. Эти сведения могут напрямую либо косвенно помочь в выборе переводческого решения. Рассмотрим данный вопрос на конкретном примере из вышеупомянутого романа:

«Der Alte macht es gut und bringt den schweren Wagen, ohne daß er schleudert, vor einem wild fuchtelnden Kerl zum Stehen. Blaue Uniform. Oberfeldwebelmütze. Was für ein Zeichen am Ärmel? – **Bootsmann!**» [1, с. 6].

Перевод данного отрывка на английский язык выглядит следующим образом:

«The Old Man handles it well, and without skidding, the heavy car comes to a stop in front of a wildly gesticulating figure. Blue uniform. Petty officer's cap. What insignia on his sleeve? – **U-boat man!**» [2, с. 3].

Как видим, переводчик на английский язык перевёл немецкое «Bootsmann» как «U-boat man». Действительно, данное слово может переводиться с немецкого как «подводник», либо как «боцман» – звание либо должность моряка. Переводчик на русский язык полностью сохранил перевод своего коллеги, переведя данное предложение следующим образом:

«Старик хорошо справляется с тяжелой машиной, и вот она, не пойдя юзом, останавливается перед неистово жестикулирующей фигурой. Синяя униформа. Фуражка старшины. Что за нашивка у него на рукаве? – **Подводник!**» [3, с. 3].

Как правило, при встрече с подобными многозначными терминами переводчик проводит, прежде всего, контекстуальный анализ. Какие элементы макроконтекста могут оказать помощь при переводе данного термина? Безусловно, это указание на головной убор моряка (Oberfeldwebelmütze) и некая нашивка либо шеврон на рукаве (Zeichen am Ärmel). Здесь необходимо обратиться к специальной литературе, например, к книге О.П. Курылева «Вооружённые силы Германии 1933-1945» [4, с. 316]. Из неё мы можем узнать, что в германском флоте времён Второй мировой войны отсутствовали какие-либо штатные знаки различия, отличающие подводников от моряков надводных кораблей либо береговых войск и служб. Исключение составляют наградные знаки, такие как «Нагрудный знак подводника» и «Член экипажа подводной лодки» (выдавался за участие в определённом количестве походов). Вместе с тем, эти награды носились на груди, на рукаве же моряки носили шеврон,

обозначающий звание, и нашивку с эмблемой службы (матросский и младший унтер-офицерский состав), эмблему службы в сочетании с погонами (старший унтер-офицерский состав), погоны либо нарукавные нашивки, обозначающие звание (офицерский и высший офицерский состав). Таким образом, упоминаемый автором нарукавный знак скорее всего указывает на звание моряка, а не на его принадлежность к подводному флоту. Кроме того, в тексте имеется указание на головной убор (*Oberfeldwebelmütze*). Данный термин можно перевести на русский язык приблизительно как «унтер-офицерская фуражка». Поскольку армейскому званию обер-фельдфебеля в германском флоте примерно соответствовало звание «обербоцман», который относился к категории старших унтер-офицеров, то мы можем предположить, что речь идёт именно об унтер-офицерской фуражке, имевшей отличия от офицерской. В то же время младшему унтер-офицерскому составу фуражка не полагалась, а форма одежды полностью соответствовала матросской. Кроме того, наименования всех званий старших унтер-офицеров содержали корень «-bootsmann» (*Bootsmann, Stabsbootsmann, Oberbootsmann, Stabsoberbootsmann*). Таким образом, учитывая все перечисленные особенности, мы можем предположить, что речь, скорее всего, идёт о старшем унтер-офицере в должности корабельного боцмана. На это также указывает следующее чуть ниже по тексту предложение:

«Das war unsere Nummer Eins!» gibt mir der Kommandant zu verstehen,» voll bis Oberkante Unterkiefer» [1, с. 6]. («That was our Number One!» the Commander informs me. «Tight as a tick.») [2, с. 3].

Содержание понятия «Первый номер» будет раскрыто в тексте чуть ниже:

«The navigation officer and the **bosun** – Number One, in nautical language – have their hands full. **Number One** is a powerful fellow called Behrmann, who towers by a head over most of the crew» [2, с. 28].

Таким образом, мы окончательно убеждаемся в том, что речь идёт именно о корабельном боцмане в унтер-офицерском звании, и можем констатировать ошибку переводчика на английский язык, воспроизведённую его коллегой в русском переводе. Слово «*Bootsmann*» следовало перевести как «боцман», а не как «подводник».

Также обращает на себя внимание перевод названия головного убора моряка. «*Oberfeldwebelmütze*» в оригинальном тексте было переведено на английский язык как «*Petty officer's cap*», и на русский как «фуражка старшины». Действительно, в Королевских ВМС и ВМС США словосочетанием «*petty officer*» с соответствующими дополнениями обозначаются старшинские звания. Вместе с тем, как было указано выше, в германской армии словом «*Oberfeldwebel*» обозначались звания унтер-офицерского состава. Таким образом, мы можем констатировать ошибку переводчика, которая, вероятно, оказала влияние на выбор верного значения при переводе слова «*Bootsmann*».

Ещё одной проблемой при переводе воинских званий является проблема выбора способа перевода – применение простого калькирования, либо поиск соответствия на шкале званий, принятых в армии государства языка пе-

ревода. Неоднозначность данного вопроса можно продемонстрировать на следующем примере:

«Wir haben das Bier noch nicht, da springt mit einem Knall die Tür auf, und ein Pulk von fünf Männern drängt herein, den Ärmelstreifen nach alles Kapitänleutnants – und hinterher noch drei Oberleutnants und ein Leutnant» [1, с. 9].

Перевод данного предложения в английской версии выглядит следующим образом:

«Before it arrives, the door bursts open and a group of five men crowds in, all lieutenant-commanders by the stripes on their sleeves – and behind them three lieutenants and a second lieutenant» [2, с. 5].

В русском варианте предлагается следующий перевод:

«Его не успевают принести, как дверь распахивается, и вваливаются пять человек, все обер-лейтенанты, судя по полоскам на их рукавах, за ними следом еще три лейтенанта и один младший лейтенант» [3, с. 5].

Переводчик на английский язык пошёл по пути выбора соответствия оригинального звания одному из званий, принятых в Королевских ВМС. Таким образом, «Kapitänleutnant» был переведён как «lieutenant-commander», «Oberleutnant» как «lieutenant», а «Leutnant» как «second lieutenant». Следует отметить, что данные варианты перевода изначально не лишены противоречия, т.к. если мы ориентируемся на линейку офицерских званий Королевских ВМС, то «lieutenant-commander» и «lieutenant» действительно соответствуют немецким аналогам, тогда как звание «second lieutenant» взято из линейки званий сухопутных сил Великобритании. Немецкому званию «Leutnant» в ВМС Великобритании соответствует звание «Sub lieutenant». Таким образом, переводчик на английский язык избрал метод поиска соответствий в линейке званий своей страны, при этом реализовал его достаточно противоречиво. Однако переводчик на русский язык усугубил ситуацию тем, что перевёл звания на русский язык, используя приём калькирования (конкретно – полукалькирование), при котором «lieutenant-commander» – «старший лейтенант», «lieutenant» – «лейтенант», «second lieutenant» – «младший лейтенант». Затем звание «старший лейтенант» было стилистически адаптировано под немецкие реалии – «обер-лейтенант». В итоге все офицеры были «понижены в звании» по сравнению с текстом оригинала. Помимо чисто лингвистической неточности это спровоцировало искажение смысла, заметное для искушённого читателя литературы на военную тему: в германских вооружённых силах не существовало звания младшего лейтенанта, а капитаны подводных лодок чаще всего носили звание выше обер-лейтенанта.

Рассмотренный пример наглядно демонстрирует, что при переводе с иностранного языка воинских званий правильнее всего максимально придерживаться языка оригинала и переводить звания посредством калькирования либо подстановки (в случае званий, встречающихся во многих армиях мира – ефрейтор, лейтенант, майор и т.п.), при необходимости сопровождая текст примечаниями переводчика. Часто возникающую в этом случае проблему несовпадения концептов, обозначаемых аналогичными воинскими званиями, мы рассмотрим в последующих публикациях.

Список литературы

1. Buchheim, L.-G. Das Boot [Текст] / L.-G. Buchheim. – Ungekürzte Taschenbuchausgabe – München: Piper Verlag GmbH, 1973. – 829 с.
2. Buchheim, L.-G. The boat [Текст] / L.-G. Buchheim. – Translated from the German by Denver and Helen Lindley – New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1975. – 350 с.
3. Буххайм, Л.-Г. Подлодка [Текст] / Л.-Г. Буххайм. – М.: Центрполиграф, 2004. – 512 с.
4. Курылев, О.П. Вооружённые силы Германии 1933-1945 [Текст] / О.П. Курылев. – М.: АСТ, 2007. – 558 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МЕЛИОРАТИВНОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Романова М.М.

ст. преподаватель кафедры Иностранных языков,
Поволжский государственный технологический университет,
Россия, г. Йошкар-Ола

В статье рассматриваются лексические средства мелиоративной эмоциональной оценки человека в марийском языке. С помощью мелиоративной эмоционально-оценочной лексики положительно оцениваются такие качества и свойства характера человека как доброта, отзывчивость, аккуратность, чистоплотность, жизнерадостность, трудолюбие, вежливость и т.д.

Ключевые слова: эмоции, оценочность, мелиоративная эмоционально-оценочная лексика, положительная оценка.

Человеку свойственно давать оценку объектам и явлениям окружающей действительности, выражать положительные или отрицательные чувства и эмоции. Оценочные средства марийского языка определяются мировоззрением народа – носителя языка, историей его развития, существующими в данном языковом коллективе критериями оценки, нормами, эталонами.

Особое внимание следует уделить мелиоративной эмоционально-оценочной лексике, посредством которой говорящий может выразить положительную оценку, высказать свое отношение к определенным качествам и свойствам характера человека. Рассматриваемые ниже лексические единицы оценивают отдельные положительные черты и качества человека и являются языковыми средствами, с помощью которых авторы характеризуют персонажей своих художественных произведений.

Среди наиболее часто оцениваемых положительных качеств человека отмечаются следующие:

1. Доброта, отзывчивость, милосердие характеризуются с помощью лексических единиц **поро прил.** ‘добрый’, ‘отзывчивый’, ‘милосердный’; **проста прил.** ‘простой’, ‘добродушный’, ‘простодушный’; **сай прил.** ‘хороший’, ‘добрый’, ‘искренний’, ‘близкий’; **шыма прил.** ‘ласковый’, ‘нежный’, ‘добрый’ [6].

– Эрвика – мыйын **поро**, мом осалым каласен кертеш? [7, с. 10] ‘Эрвика у меня добрая, что злого она может сказать?’.

Ў дырамышын **проста** улмыжо, шыргыжалмыже чыла тургыжланы-
мышым корандыш. Чонлан куштылгырак лие [11, с. 425] ‘Простота женщи-
ны, ее улыбка сняли с него все беспокойство. Стало легче на душе’.

– Мутат уке, венге – **сай** енг [8, с. 100] ‘Нечего и говорить, зять – хоро-
ший человек’.

Ават мыланем келша. Кумылжо пеш поро. **Шыма** ўдырамаш [9, с. 63]
‘Мне твоя мама нравится. Душа у нее добрая. Ласковая женщина’.

2. Аккуратность, чистоплотность, умение содержать в порядке свои вещи, порядок в делах оцениваются с помощью лексем **ару** *прил.* ‘чи-
стый’, ‘опрятный’, ‘чистоплотный’, ‘содержащий себя в чистоте’; **чатка**
прил. ‘аккуратный’, ‘изящный’, ‘красивый’, ‘приятный на вид’, ‘чистый’,
‘чистоплотный’, ‘опрятный’ [6].

Ару да **чатка** тугай ўдыр, кеч кызытак тагым кучо [2, с. 228] ‘Такая
опрятная и чистоплотная девушка, хоть прямо сейчас с ней знакомься’.

Ужеш: мынь кеч-момат яндарын ышташ йӧратем, **чатка** вате улам
[4, с. 210] ‘Видит, что я все люблю делать аккуратно, что я чистоплотная
женщина’.

3. Жизнерадостность, чувство юмора описываются с помощью лек-
сем **весела** *прил.* ‘веселый’; **кумылзак** *прил.* ‘веселый’, ‘жизнерадостный’;
кумылзо *прил.* ‘веселый’, ‘жизнерадостный’, ‘добрый’, ‘хороший’, ‘добро-
душный’; **йомарт** *прил.* ‘веселый’, ‘приветливый’; **йомартле** *прил.* ‘веселый’,
‘приветливый’ [6].

Весела, кумылзак ўдыр. Тыгайым моктат. Кутыралтенат мошта, мыс-
карамат умыла [11, с. 462] ‘Веселая, жизнерадостная девушка. Таких хвалят.
И поговорить умеет, и шутки понимает’.

Ончет гын, тугай ласка чонан да **кумылзо** пӧръенг [4, с. 259] ‘Посмот-
ришь – такой вежливый и добродушный мужчина’.

Но ўдыр тудлан келшыш: мотор, **йомарт**. А вет тыгай енлан тў
няштыжат куштылго [5, с. 12] ‘Но девушка ему понравилась: красивая, весе-
лая. А ведь такому человеку и на свете жить легко’.

А такшым моткочак **йомартле**, поро кува... [3, с. 6] ‘А так очень при-
ветливая, веселая старуха’.

4. Эффективность в делах, трудолюбие, продуктивность в работе
можно оценить с помощью лексем **кожмак** *прил.* ‘расторопный’, ‘быстрый’,
‘проворный’, ‘ловкий’; **мастар** *суц.* ‘мастер’, ‘искусный, ловкий в каком-л.
деле’; *прил.* ‘умелый’, ‘искусный’; **пашаче** ‘работающий’, ‘трудолюбивый’;
провор *прил.* ‘проворный’, ‘быстрый’, ‘ловкий’; **тале** *прил.* ‘смелый’, ‘храб-
рый’, ‘отважный’, ‘быстрый’, ‘расторопный’, ‘бойкий’, ‘ловкий’, ‘пробив-

ной', 'способный', 'искусный'; **уста прил.** 'умелый', 'искусный', 'опытный', 'хорошо знающий свое дело', 'достигший больших умений в каком-л. деле', 'способный'; **чолга** 'смелый', 'храбрый', 'отважный', 'бесстрашный', 'бойкий', 'лихой', 'расторопный', 'решительный', 'находчивый'; **чулым прил.** 'расторопный', 'резвый', 'ловкий', 'быстрый в чем-л.', 'проворный' [6].

Марина йолташ ўдырем **кожмак, чулым** лийын, кушто кўлеш, пўсö ушым ончыктен [13, с. 147] 'Моя подруга Марина была ловкой, находчивой, там, где нужно, проявляла остроумие'.

– Чынжымак, **мастар** улат улмаш. Пасум куралат, шурным шийын-погет, товарат кидыштет модеш веле [8, с. 172] 'И верно, ты мастер на все руки. Поле пашешь, зерно молотишь и собираешь, топор у тебя в руках словно играет'.

Кочам **тале** сонарзе, **уста** кидан **мастар**, шўвырзö лийын. Мом моштен, мыйымат туныктен [11, с. 273] 'Мой дед был искусным охотником, умелым мастером, волынщиком. Научил и меня всему, что умел делать сам'.

«**Пашаче** рвезе, кидшым амыртылаш огеш лўд», – шонго моряк шыр-гыжале [10, с. 35] '«Работающий парень, не боится испачкать руки», – улыбнулся старый моряк'.

Пашаланат **провор** улат, калыкат тыйым пагала, родо-тукыметат мыскынь огыл, чыла сай. Тыйын гай качылан кеч-могай ўдырат марлан лекташ келша [12, с. 39] 'И в работе ты ловок, и народ тебя уважает, и родня у тебя не бедная, все у тебя хорошо. За такого парня, как ты, любая девушка согласится выйти замуж'.

Ўдыр тудо **чолга**, садлан пашаже ушнен, озаланат келшен [1, с. 61] 'Девушка она бойкая, поэтому и работа у нее спорилась, и хозяину она нравилась'.

5. Воспитанность, хорошие манеры, вежливость описываются с помощью лексемы **тыматле прил.** 'скромный', 'спокойный', 'уравновешенный', 'обходительный', 'вежливый', 'учтивый', 'не склонный к грубому или вызывающему поведению', 'ласковый', 'нежный', 'добрый' [6].

Уке, Вöдыр ачаж гай огыл. **Тыматле**, кугыракым шотлышо, илыш ратым умылышо рвезе [9, с. 182] 'Нет, Водыр не такой, как его отец. Он учтивый парень, уважает старших, понимает жизнь'.

Следует отметить, что рассмотренные нами лексические единицы делают язык художественных произведений насыщенным, наполненным эмоционально-оценочными окрасками. С помощью мелиоративной эмоционально-оценочной лексики передаются такие положительные эмоциональные реакции как любовь, радость, восхищение, уважение, одобрение, похвала и т.д.

Список литературы

1. Алексеев Г.В. Куку муро ойган: повесть ден ойлымаш-влак [Текст] / Г.В. Алексеев. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2010. – 304 с.

2. Артамонов Ю.М. Качыйўыш: мыскара повесть-влак [Текст] / Ю.М. Артамонов. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2000. – 484 с.
3. Артамонов Ю.М. Кок повесть [Текст] / Ю.М. Артамонов. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1988. – 336 с.
4. Артамонов Ю.М. Корно воктене мардежвакш: ойлымаш-влак [Текст] / Ю.М. Артамонов. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2006. – 548 с.
5. Асаев А.А. Ошвичыжат, йўксыжат: роман [Текст] / А.А. Асаев. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1985. – 320 с.
6. Асылбаев, А.А. Марийско-русский словарь [Текст] / А.А. Асылбаев и др. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1956. – 834 с.
7. Бояринова В.И. Овда: йомак [Текст] / В.И. Бояринова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. – 48 с.
8. Илибаева М.К. Кумыл: повесть ден ойлымаш-влак [Текст] / М.К. Илибаева. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2003. – 192 с.
9. Коршунов К.М. Пьеса-влак [Текст] / К.М. Коршунов. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1979. – 296 с.
10. Краснов В.В. Сер ўмбалне: ойлымаш-влак [Текст] / В.В. Краснов. – Йошкар-Ола: Марий Эл Республикысе «Марий журнал» кугыжаныш унитар казна предприятий, 2013. – 268 с.
11. Павлов М.П. Четлык ўжака: роман, повесть, ойлымаш-влак [Текст] / М.П. Павлов. – Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2006. – 576 с.
12. Рыбаков М. Чумырен лукмо ойпого. 1 том: пьеса-влак [Текст] / М. Рыбаков. – Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом», 2007. – 448 с.
13. Черных И.Е. Тыгай йўратымаш...: ойлымаш-влак [Текст] / И.Е. Черных. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2012. – 160 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Сивенко А.В.

магистрант

Института межкультурной коммуникации и международных отношений,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье рассматривается концептуальный анализ в качестве одного из приоритетных аспектов предпереводческого анализа художественного текста для адекватного перевода.

Ключевые слова: концептуальный анализ текста, художественное пространство, художественный концепт, концептосфера.

Переводчик стремится создать текст перевода максимально близко к оригиналу, но если объективно подходить к этому вопросу, то это труднодостижимая цель и можно утверждать недостижимая. Сложность перевода заключается в том, что текст перевода обладает иным языковым менталитетом и другим запасом фоновых знаний. Автор создает текст с целью оказания определенного воздействия на определенную аудиторию и, как правило, не

берет в расчет, что его труд будет когда-нибудь переведен для иноязычной культуры. Художественный перевод – вид перевода, который вызывает наибольшее количество разногласий в научной среде – многие исследователи считают, что лучшие переводы должны выполняться не столько посредством лексических и синтаксических соответствий, сколько творческими изысканиями художественных соотношений, по отношению к которым языковые соответствия играют подчиненную роль.

Каждый новый перевод одного и того же произведения дает возможность оценить насколько близок тот или иной перевод к оригиналу. В процессе перевода два концептуальных мира (автора и переводчика) взаимодействуют и, поэтому применение концептуального анализа позволяет установить степень такого взаимодействия, или, иначе говоря, установить, насколько адекватно передана концептосфера художественного произведения в переводах. Можно предположить, что без анализа концептуального пространства и концептосферы переводимого текста невозможна близкая авторской интерпретация произведения.

Художественное произведение отражает индивидуально-авторский мир – частный вариант концептуализации мира. Наряду с универсальными знаниями в текстах присутствуют уникальные, оригинальные, самобытные видения автора. Поэтому в художественном тексте концептуализация мира отражает универсальные законы существующего порядка и вымышленные, оригинальные идеи автора. Видение автора и универсальные знания могут быть схожи или представлять собой противоположность. В связи с этим концепты, составляющий ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно и практически значимыми для развития сюжета, не могут иметь одного однозначного определения и описания, так как по закону порождения и восприятия текста возможны множество личностных смыслов.

Концептуальное пространство текста осуществляется на основе слияния, сближения общих признаков концептов, представленных на поверхности текста словами и предложениями одной семантической направленности, что создает цельность концептосферы текста, а ключевой концепт представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощённой в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора.

Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин предлагают следующий алгоритм концептуального анализа художественного текста: 1) выделение предтекстовых пресуппозиций (время создания, имя автора, роль эпитафия и пр.); 2) анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте; 3) проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления набора ключевых слов текста; 4) выявление повторяющихся слов, сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами; и определение ключевого слова текста, репрезента концепта; 5) анализ лексического состава текста, выделение слов одной тематической области; 6) описание концептосферы текста, предусматривающее обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова – носители концептуального смысла, с целью выяв-

ления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций; 7) моделирование структуры концептосферы, выделение в ней ядра (базовой когнитивно-пропозиционной структуры), приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей периферии (образных ассоциаций) и дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов)[1, 60–61].

Можно сказать, что концептуальный анализ текста сводится к выявлению набора ключевых слов текста (слова-репрезентанты концептов), определению базового концепта, описанию концептуального пространства.

С точки зрения Н.В. Александрович, для адекватного перевода произведения следует сделать: 1) выделить слова-репрезентанты концептов в оригинале; 2) определить характер их взаимодействия в тексте; 3) рассмотреть возможные способы их перевода[36,3]. Концептуальный анализ любого авторского текста позволяет глубже понять мысль, мироощущение, психологию человека и всего народа в целом.

Можно сделать вывод о том, концептосфера художественного текста это интересная и сложная для переводчика проблема, отягощенная трудностями поиска языковых соответствий и различием в восприятии информации[3].

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (На материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык): Монография / Н.В. Александрович. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 184 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОКОВ В ПИСЬМАХ Г. УОЛПОЛА

Тесцов С.В.

доцент кафедры русской и зарубежной литературы, канд. филол. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск

В статье рассматриваются различные аспекты переписки Горация Уолпола. В его письмах, которые он в будущем собирался опубликовать, часто обсуждались различные проблемы литературы, политики, искусства и жизни общества. Эти письма, обладающие большой художественной ценностью, помогут нашим современникам воспроизвести атмосферу культурной жизни Англии в эпоху Просвещения.

Ключевые слова: литература, политика, светское общество, «скандальный век».

Английский писатель Гораций Уолпол (1717-1797) является одним из лучших мастеров эпистолярного жанра в Англии XVIII в. Начальное образование юный Уолпол получил вместе со своими двоюродными братьями – сыновьями лорда Таунзенда – под руководством своего воспитателя Эдварда

Уолтона. Летом 1725 и 1726 гг. мальчика вместе с его воспитателем отправляли к родственникам, жившим в пригороде Лондона. Когда ему было девять лет, будущий историограф георгианского общества уже начал собирать свой первый материал. Он часто говорил матери, что ему очень хочется увидеть короля. Наконец, 1 июня 1727 г. его мать привела мальчика к Мелюсине, леди Уолсингхем (будущей леди Честерфилд), которая имела возможность отвести его во дворец к королю. Уолпол на всю жизнь запомнил эту трогательную сцену, когда он целовал руку старому бледному джентльмену в желтом одеянии. Через десять дней Георг I умер от апоплексического удара в Оснабрюке, по пути в Ганновер. В том же 1727 г., хотя ему еще не исполнилось десяти лет, Г. Уолпол был отправлен в Итон, где оставался до 1734 г.

В 1725 г. в эту школу поступил ученик по имени Томас Грей; через семь лет после окончания Итона Грей в одном из своих лучших стихотворений вспомнит школьные годы. В отличие от многих учеников, которые любили играть в крикет или сражаться с лодочниками, Гораций Уолпол и Томас Грей развлекались чтением французских рыцарских романов. Несмотря на то, что Уолпол был сыном очень богатого министра, а матери Грея приходилось держать лавку для того, чтобы хоть как-то поддержать своего сына материально, эти школьники были лучшими друзьями. Вместе с Ричардом Уэстом, который был внуком епископа, и Томасом Эштоном, чей отец был простым школьным учителем в Ланкастере, мальчики организовали «Четырехсторонний Союз». Вскоре после окончания учебы «Союз» распался: Уолпол и Грей поссорились с Эштоном, а Уэст очень рано умер от болезней.

20 августа 1737 г. Уолпол потерял свою любимую мать. Это событие было самым большим горем всей его жизни. Что касается его взаимоотношений с женщинами, по свидетельству биографов, в жизни Уолпола были только две сильные привязанности к особам противоположного пола. Одна из них – маркиза дю Дефан (1696-1780) – была намного старше Уолпола и годилась ему в матери, а вторая – мисс Мэри Берри (1763-1852) –, наоборот, очень молодая в то время девушка, была ему вместо дочери.

Тема войны интересовала Уолпола как политика и как историка. В те времена войны велись по определенным правилам: в военной среде еще поддерживался рыцарский кодекс чести. Даже в страшных военных событиях Уолпол отмечал забавные эпизоды. Например, в 1758 г., когда английская армия захватила французский город Шербург, принц Эдуард приказал раздать сто гиней городской бедноте, а генералам и адмиралам он распорядился выдать по двадцать пять гиней каждому.

Позже, когда герцог д'Эгийон захватил в плен английских солдат недалеко от Сен-Мало, он, щадя чувства пленников, распорядился запретить ликование и колокольный звон в тех местах, где проходили их колонны. А в 1759 г., когда в Германии принц Фердинанд Брунсвик был награжден орденом «подвязки», французский генерал М. де Конте произвел салют из двадцати одного орудия в честь своего противника, находившегося во вражеском лагере. Подобное поведение отмечалось даже у рядовых солдат. Например, в 1779 г. Уолпол писал, что во время штурма Сан-Фернандо де

Омоа один матрос, который сражался двумя саблями, бросил одну саблю своему противнику, безоружному испанскому солдату, и только после этого продолжил поединок. Разумеется, не все военные вели себя как настоящие рыцари «без страха и упрека». Генерал Клайв, например, наградил в Индии много добра. Он привез из далекого похода бриллианты и другие драгоценности, и когда нищий просил у него милостыню, он любил говорить, что у него нет с собой мелких бриллиантов.

Наряду с выразительными портретами генералов и политиков не последнее место в эпистолярной галерее Уолпола занимали женские портреты. Одним из наиболее интересных является его рассказ о двух бедных ирландских сестрах. В 1749 г. Мария и Элизабет Ганнингс приехали в Англию; к 1751 г. они стали самыми популярными дамами Лондона; в 1752 г. Элизабет вышла замуж за герцога Гамильтона, а Мария стала графиней Ковентри. В 1759 г. Марию, осаждаемую толпой поклонников в Гайд-парке, старый король обеспечил эскортом, состоявшем из двух сержантов и двенадцати вооруженных солдат из королевской охраны.

Ее сестра Элизабет, отличавшаяся более мягким характером, более утонченным вкусом и деликатными манерами, в 1758 г. овдовела и через год вышла замуж за будущего герцога Эрджилла. Она была знакома с С. Джонсоном и его другом Дж. Босуэллом. По словам Уолпола, Элизабет была настолько красива, что нередко можно было наблюдать такую сцену как, например, в одной йоркширской гостинице, где около семисот человек просидели весь вечер в ожидании того момента, когда герцогиня выйдет из своей комнаты и сядет в карету.

Леди Ковентри, по мнению Уолпола, была еще более симпатичной, чем ее очаровательная сестра, хотя и немного глуповатой. Например, когда старый король Георг II спросил ее, жалеет ли она о том, что маскарады в 1756 г. были отменены из-за землетрясения в Лиссабоне, она ответила, что единственное грандиозное зрелище, которое она действительно мечтала увидеть, это – коронация. Но ей не суждено было дожить до коронации Георга III: она умерла в 1760 г. от туберкулеза.

Уолпол неоднократно писал в своих письмах о том, что этот мир – комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует. Он, как и О. де Бальзак подарил потомкам своеобразную «Человеческую комедию», только написанную в письмах. И хотя по тону комедия Уолпола звучит гораздо веселее, чем «комедия» Бальзака, но на заднем плане изображенного Уолполом светского маскарада нередко можно разглядеть или почувствовать трагическую сторону жизни «скандального века».

В 1773 г. в палате общин обсуждалась экспедиция, снаряженная с целью депортации карибов из Сен-Винсента. К карибской проблеме даже такие поборники демократии, как Э. Берк, относились более спокойно, чем Уолпол, который писал: «Карибы, черные карибы, не имеют представителей в парламенте; кроме Бога им не к кому обратиться за помощью и защитой, а Бога, как известно, не очень часто вспоминают в палате общин; 206 голосами против 88 их судьбы были отданы на милость их угнетателям... Увы! мне стыдно

жаловаться на подагру и ревматизм в то время, когда таких же людей как я, пусть даже и в другом конце земного шара, принуждают испить гораздо более горькую чашу!» [1, с. 123].

Одни современники и литературные критики обвиняли Уолпола в черствости характера и даже в бессердечии, другие, наоборот, считали его излишне чувствительным и очень эмоциональным.

Список литературы

1. Walpole, H. Horace Walpole's Letters. A Selection [Текст] / H. Walpole. – London; New York; Toronto; Melbourne: Cassell, 1909. – 192 p.

РАЗВИТИЕ ФУНКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Шановалова И.А.

профессор кафедры довузовского преподавания РКИ, д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва

Шановалов М.В.

заведующий кафедрой естественно-математического образования,
канд. пед. наук, доцент,
Карачаево-Черкесский институт повышения квалификации
работников образования, Россия, г. Черкесск

Новый уклад жизни России вносит дополнения в понимание политической, социально-экономической и культурной роли русского языка. Усиливается значимость русского языка, консолидирующего силы многонационального, многоконфессионального государства. Русский язык сохраняет ресурсы мощного объединяющего начала всех народов Российского государства. При всех очевидных изменениях по-особому ярко изменения функций русского языка отмечаются на Северном Кавказе, где однозначно поддерживается функционирование и развитие русского языка.

Ключевые слова: поддержка русского языка, информационное единство страны, государственные языки РФ, функционирование русского языка на Северном Кавказе, МАПРЯЛ, РОПРЯЛ.

Важнейшим ресурсом консолидации сил, укрепляющих фундаментальные позиции Российской Федерации в новом геополитическом пространстве, справедливо признается необходимость поддержки русского языка – мощного объединяющего начала всех народов России. Имеющий статус государственного, закрепленного в Конституции РФ, русский язык действует на всей территории России, объединяя представителей 193 национальностей, говорящих на почти трех сотнях языков и диалектов. Законодательством РФ установлены функции русского языка, способствующего взаимобообщению, укреплению межнациональных отношений народов РФ в едином многонациональном государстве.

Реалии функционирования русского языка подтверждают действие государственных требований по недопущению отрицания или умаления пра-

ва на пользование государственными языками республик, находящихся в составе РФ и языками народов РФ, что отмечается Президентом РФ: сегодня «в школах действуют 89 языков, 30 из них – языки обучения, 59 – предмет изучения» [3, с.12]. В. В. Путин четко определяет свое отношение к проблемам функционирования и развития русского языка: «Информационное, культурное, государственное единство страны, российского народа напрямую зависит от освоения..., от состояния, распространения русского языка» [3, с.13]. На русском говорят 96% граждан РФ. «Именно русский язык ... вместе с культурой сформировал Россию как единую и многонациональную цивилизацию, на протяжении веков обеспечивая связь поколений, преемственность и обогащение этнических культур» [там же]. Важными вехами исторического развития народов РФ стало обретение многими из них письменности: «с 1920 по 1940 годы своя письменность появилась у 50 национальностей. Исключительную значимость сегодня приобретают вопросы развития богатых традиций литературных переводов на русский язык и с русского языка» [там же].

Особенности жизни русского языка в условиях стремительного изменения мира активно исследуются, анализируются на высоких уровнях работы политического руководства РФ (Совет при Президенте РФ по международным отношениям, Совет при Президенте РФ по русскому языку; Совет Федерации РФ, Государственная Дума РФ и др.), в Общественной Палате РФ, в органах законодательной и исполнительной власти регионов РФ, на международных научных и научно-практических конференциях [4; 5; 7; 9; 10; 12; 13].

Неоднозначным подходом к анализу и оценке положения русского языка в меняющемся мире актуализирована необходимость деятельности, поддерживающей позитивный опыт:

- исследования феноменов «русский язык», «речь на русском языке» – в динамике их развития;
- выявления мотивации изучения русского языка (родного, государственного, средства межнационального общения, иностранного) и компетентной экспертизы качества обучения русскому языку;
- определения особенностей языкового сознания и речевой практики лиц, изучающих русский язык, – монолингвов, билингвов, полилингвов.

Новый уклад жизни России вносит дополнения в понимание политической, социально-экономической и культурной роли русского языка. Так, В. Толстой (руководитель Совета при Президенте РФ по русскому языку) отмечает: «Владение образной, литературной и грамотной речью резко увеличивает конкурентные преимущества человека, высоту его положения на социальной лестнице. ... Хорошее владение литературным языком должно стать непременным условием продвижения в публичной сфере» [3, с. 234-235].

Специфические функции русского языка в современном мире анализирует Президент РАО Л. Вербицкая: «...все чаще и ученые, и общественные деятели самой разной направленности выдвигают русский язык и порожденную им культуру в качестве основания для построения единого, безопасного, динамично развивающегося Российского государства. ...проблема русского

языка – это проблема безопасности нашей великой Родины» [3, с. 240]. По мнению ученого, уникальная природа русского языка придает новые импульсы его использованию как языка «удивительного, подвижного, чувственного и очень чувствительного к переменам, легко взаимодействующего с другими языковыми практиками, имеющего большие возможности для выражения самой сложной идеи», что «действительно делает его инструментом объединения в современной поликультурном мире» [там же].

Заслуживает особого внимания исследование проблемы использования русского языка в Интернете. Вопреки мнению об угрозах русскому языку во всемирной сети А. В. Суконин убедительно излагает свою точку зрения: сегодня «интернет ... следует рассматривать не как угрозу сохранности русскому языку, а наоборот, как невиданную ранее возможность его сохранения и развития» Русский язык «показывает свои возможности адаптироваться под современные тенденции в развитии общества, учитывает его запросы, тем самым подчеркивая свои твердые позиции ... сеть Интернет стала средством общения для многих людей. Не воспользоваться этим открытым коммуникативным пространством, этой ситуацией для развития и популяризации русского языка было бы неправильным. В интернете как среде возникает уникальная возможность развития, совершенствования и сохранения ... языка ... русского. Анализ языкового разнообразия интернет-ресурсов продемонстрировал весьма сильные позиции русского языка» [8, с.26].

Русский язык, один из мировых языков, сегодня успешно выполняет функции консолидации прогрессивных сил в условиях действия новых международных организаций – ШОС, БРИКС, международных экономических форумов, молодежных объединений, на олимпиадах и чемпионатах мира (спортивных) и т.д.

Тенденция упорядочения современного мира на принципах его многополярности формирует потребность в опыте государств, имеющих многовековую историю позитивного межнационального и межрелигиозного диалога. Русский язык, государственный язык РФ, уже не одно столетие выполняет миссию объединения православных христиан, российских мусульман, иудеев, буддистов, успешно реализуя функцию посредника между народами Запада и Востока, Севера и Юга. Сегодня Россия средствами своего государственного языка может выполнять роль третьей силы, «не второй – противостоящей, а уравнивающей, гармонизирующей, предостерегающей» [1, с.7].

Результаты деятельности государства и общества по сохранению и продвижению русского языка порождает объективные чувства сдержанного оптимизма. Русский язык занимает сегодня третье место в мире (после китайского и английского). Количество разговаривающих на русском языке – в пределах 500 млн. человек. Русский язык изучается более чем в 90 странах. Однако эксперты-лингвисты утверждают: «Через четверть века число носителей «великого и могучего» может сократиться вдвое. Причина проста – постепенно уходит поколение, хорошо владеющее русским языком в СНГ, Прибалтике, Центральной и Восточной Европе» [5, с.36]. Так, уже в 2008 году сложилась непростая ситуация в бывших республиках СССР: предпочте-

ние русскому языку отдавали в Казахстане – 68%, в Киргизии – 38%, в Молдавии – 23% населения, в Грузии – 7%, в Азербайджане – 6%, в Таджикистане и Армении – 3% [там же].

На фоне известных событий в мире – принятие санкций против России, осложнение международных отношений с США и Западной Европой, снижение качества международной безопасности – остро обозначились проблемы снижения престижа русского языка в мировом пространстве, ухудшения качества речи не только за пределами России, но и на ее собственной территории. Сегодня популярны дискуссии о порче русского языка, об угрозе англоязычной экспансии, о диктате малограмотной языковой среды, о безответственном отношении СМИ к русскому слову, об уменьшении масштабов продвижения русского языка как одного из мировых, о низкой мотивации изучения русского языка в России и т.д. Оснований для таких дискуссий немало. Обратимся к размышлениям профессора А. П. Лобанова. Поддерживая выводы академика РАО Ю. В. Рождественского о том, что «состояние русского языка плохое. В этом виноваты мы сами – носители русского языка», – А. П. Лобанов пишет: «... в этом виноваты и филологи, ослабившие работу по совершенствованию современного состояния системы речи в целом» [8, с.11]. Далее ученый отмечает: «... наше несчастье в том, что у нас сегодня кризис нравственности, мы живем в условиях, когда наш язык используется в безнравственных целях» [там же, с.12]. Сегодня «чудовищно устарели нормы русского языка. То, что иностранные слова вводятся в употребление и в сознание..., есть один из признаков устарелости языковой нормы» [там же]. На фоне резкой критики убедительны предложения усовершенствовать учебный предмет русский язык, что «может обеспечить духовные основания творческой деятельности» [там же, с.19]. Беспрецедентно важно принять меры для устранения высокочастотных нарушений норм русского литературного языка: «плывет глагольное управление, расшатана падежная система..., система синтаксических связей, школьники не понимают значения слов...» [8, с.21]. Главную беду современного русского языка ученый видит в отсутствии риторической этики, что в эпоху коренных социокультурных и геополитических перемен не может быть случайностью.

Под влиянием «процессов демократизации, глобализации, миграции отмечается трансформация функционирующих в регионах России форм русского языка» [6, с.191]. Ученые Пятигорского государственного лингвистического университета пишут: «Статус русского языка как языка межнационального общения стал менять свое качество» [6, с. 191]. Данные выводы подтверждаются описанием изменений в языковом сознании и речевой практике билингов-носителей русского языка на Северном Кавказе, где «отмечается создание новой терминологии на родных ... языках. Заимствования ... происходят как опосредованно, так и напрямую из других языков» [6, с.191].

Ученые выявили негативные факты снижения высокого уровня русской языковой нормы, а вместе с ним – и лингвистической компетенции региона: «Растет число используемых разговорных, просторечных средств и жаргонов, упускаются склонения лексических единиц ... часть лексики русского

языка переходит в пассивный запас языка, будучи вытеснена заимствованиями, другая часть уходит из активного употребления, поскольку не получает у билингвов пропорционального подкрепления на других уровнях языковых знаний и умений из-за невозможности проконтролировать правильность усвоения языковых моделей русского языка в малоактивной языковой среде (в горных аулах)» [6, с.191]. Отличительной чертой снижения уровня владения русским языком в сельской местности исследователи считают постепенное снижение мотивации навыков общения на русском языке. При этом «возможность ситуативного понимания языка создает иллюзию его достаточного знания» [6, с.192]. Тем не менее – оптимизм восприятия языковой ситуации в многонациональном регионе России не утрачивается: специалисты говорят о том, что «благодаря грамотной национально-языковой политике, реализуемой в регионе, на данной территории русский язык не превращается «из нормативного стандартизированного полифункционального» «в ситуативный язык» [там же]. На Северном Кавказе, при очевидных изменениях объективных условий, формировавших статус русского языка в регионе, сохраняются его коммуникативная и общественная значимость как языка межнационального общения, как государственного языка Российской Федерации. Органы государственной власти Северного Кавказа, органы местного самоуправления, государственные учреждения республик, средние и высшие образовательные организации работают на русском языке.

На позиции русского языка в сфере международного общения позитивно влияют общественные организации, например, МАПРЯЛ (с 1967 г.) – Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы и РОПРЯЛ (с 1999 г.) – Российское общество преподавателей русского языка и литературы. МАПРЯЛ, имея почти полувековой опыт международного сотрудничества специалистов-преподавателей русского языка и литературы дальнего (а ныне и ближнего) зарубежья, в сентябре 2015 года проводит очередной конгресс в Испании. В работе конгресса примут участие представители всех континентов.

РОПРЯЛ сосредотачивает внимание на анализе достижений науки и практики в сфере исследования русской филологии, на анализе результатов взаимодействия языков и культур народов России. О высокой миссии РОПРЯЛ свидетельствует факт исторической значимости – Указом Президента РФ №796 от 21 июня 2007 года создан фонд «Русский мир». По мнению Вербицкой Л. (руководитель РОПРЯЛ), актуальной для этой организации стала деятельность со школами российских регионов. В центре внимания РОПРЯЛ находится изучение современного состояния русского языка в России, поиск интерактивных форм работы по повышению культуры речи населения.

Уникальный опыт межрегионального сотрудничества сформирован в Башкортостане научной школой профессора Саяховой Л. Г., под руководством которой впервые издано пособие «Культура тюркских народов на уроках русского языка», отразившее лучшие образовательные практики Республики Алтай (М. А. Баранникова, А. В. Семенкина), Башкортостана (Л. Г. Са-

яхова, А. С. Махмутова, Л. Г. Самситова), Карачаево-Черкесии (Р. Х. Кирейтов, Б. Н. Тамбиев, И. А. Шаповалова), Татарстана (Н. Н. Фаттахова), Чувашии (М. Г. Вазанова), Саха (Якутии) (Е. Н. Дмитриева, М. В. Тарабукина). Замечательно то, что это инновационное пособие издано при содействии фонда «Русский мир».

Конструктивную позицию в вопросах продвижения русского языка занимают сенаторы Совета Федерации РФ и депутаты Государственной Думы РФ. Представляется актуальным мнение Г. Сафаралиева о том, что базовый смысл культуры, просвещения, патриотического воспитания несет в себе язык. При этом «русский язык всегда выступал мощным государствообразующим фактором, основой ощущения гражданской идентичности. В последнее время уровень языковой грамотности школьников снижается. Плохо и с обучением, и с мотивацией к изучению русского языка. Поддержка русского языка не может быть обеспечена, если федеральные законы не будут рассматривать русский язык в качестве родного в системе образования» [2]. Депутат Государственной Думы РФ Эркенов А. Ч. активно содействует использованию информационно-коммуникативных технологий в системе обучения русскому и родным языкам.

Новое направление в развитии продуктивных технологий обучения русскому языку эффективно формируется Издательским домом «Истоки». Комплекс учебно-методических пособий, учебников получил одобрение в 62 регионах России. Большой интерес к литературе Издательского дома «Истоки» проявляют студенты, изучающие русский язык как иностранный [4].

Открытость политики России в сфере функционирования и развития русского языка стала надежным основанием современного решения языковых проблем многонациональной и многоконфессиональной страны.

В целом, анализ современного состояния русского языка отражает реалии нового мира, нового общества и нового человека. При всех очевидных сложностях продвижения русского языка набирают силу позитивные тенденции повышения гражданской ответственности за состояние государственного языка и ресурсов его прогрессивных изменений, признания того, что русский язык в многонациональном российском регионе – это проблема государственности, консолидации народов и единства страны, ее мощи и международного авторитета.

Список литературы

1. IV Всемирный русский народный собор (13-14 декабря 2001 г.) Стенограмма и материалы. – М.: АНО РИД «Роман-газет XXI век». – 96 с.
2. Вестник российской нации. – 2014, №4. – 242 с.
3. Вестник российской нации. – 2015, №3. – 246 с.
4. Духовно-нравственное образование в средней школе. – М.: Издательский дом «Истоки», 2013. – 232 с.
5. Москва – соотечественникам. Альманах – 2013. – М.: МЦМС, 2014. – 120 с.
6. Проблемы совершенствования государственной языковой политики. – Вестник ПГЛУ, №2, 2010. – с. 191-192
7. Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов. Материалы Международной научно-практической конференции/ Отв. ред. Л. Г. Саяхова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 300 с.

8. Русский язык – язык межнационального общения: доклады международной практической конференции (Минск, 12-16 ноября 2014 г.)/Под общей редакцией А. П. Лобанова. – Вестник МЦМС №4. – М: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. – 372 с.

9. Шаповалова И. А. Профессиональное развитие педагога в условиях инновационного развития учреждения общего образования. – Сб. н. трудов: Инновационные технологии в обучении и воспитании школьников. – Карачаевск: КЧГУ, 2012. –С. 77-89.

10. Шаповалова И. А. Формирование культуры читателя: проблемы развития речи детей дошкольного и младшего школьного возраста. – Сб. «Язык и культура речи: содержание, традиции, перспективы развития» // отв.ред. О. С. Ушакова. – М.: НИИ школьных технологий, 2015, с. 288-294

11. Шаповалова И. А., Шаповалов М. В. Адаптация иностранных абитуриентов к условиям обучения в российских вузах. – Сборник тезисов Международной конференции «Признание иностранного образования и квалификации: современные подходы. Роль информационных ресурсов». – М.: ФГБНУ «Главэкспертцентр», 2014. – с. 99-104

12. Шаповалова И. А., Шаповалов М. В. Ценностно-смысловое пространство текста в аспекте лингвокультурологического анализа художественного произведения. – Социально-гуманитарные знания, 2012 г. № 9, – С. 324-334.

13. Языковая личность: Лингвистика. Лингвокультурология. Лингводидактика. Материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием/Отв. ред. Саяхова Л. Г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – 548с.

АКСИОМАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТАКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА АВСТРАЛИЙСКОГО КРИОЛА

Шастина Е.В.

старший преподаватель

кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,

Дальневосточный федеральный университет, Россия, г. Владивосток

В статье рассматривается контактная картина мира австралийского криола, креольского языка на базе английского и аборигенских языков. В результате взаимовлияния британской и индигенной картин мира в процессе формирования единой контактной картины мира, мы наблюдаем изменения устойчивых концептуальных структур особой культурной значимости, характерных для исходной аборигенской картины мира. Заимствование прецедентных имен и текстов, инкорпорирование британских мифологем, а также создание новых прецедентных текстов является свидетельством аксиоматических сдвигов в картине мира австралийского криола.

Ключевые слова: контактная картина мира, креольский язык, прецедентные имена, заимствование, аксиоматические трансформации.

Согласно динамической модели взаимодействия картин мира, сформулированной О.В.Николаевой, выделяется ряд уровней взаимодействия картин мира – от наиболее поверхностных (уровня спорадических модификаций) до более глубоких (аксиоматических и аксиологических сдвигов) [1, с.86]. Применим данную модель для рассмотрения картины мира австралийского криола – креольского языка, сложившегося на базе английского и аборигенских языков на территории Северной Австралии [3]. Картина мира австралийского

криола является контактной, развившейся в процессе взаимного влияния британской и индигенной картин мира. Применяв динамическую модель взаимодействия картин мира, изучим уровень аксиоматических сдвигов в креольской картине мира.

Уровень аксиоматических изменений предполагает замену устойчивых клишированных концептуальных структур особой культурной значимости (концептов прецедентных и воспроизводимых феноменов): иконических (символов), стереотипических, мифологем, канонов и др. На языковом уровне подобные изменения проявляются в виде заимствования и гибридизации прецедентных текстов, имен, высказываний, средств речевого контакта и языковых формул, фразеологических единиц, паремий, то есть вертикального контекста, создание новых прецедентных текстов, имен и высказываний [1, с.86]. Рассмотрим, каким образом аксиоматические изменения в контактной картине мира отразились в австралийском криоле.

Так, например, британские праздники способствовали появлению в австралийском криоле таких прецедентных феноменов, как *Ista* (от англ. *Easter*), *Ista eig* (от англ. *Easter egg*), *Krismas* (от англ. *Christmas*), *Senta Klos* (от англ. *Santa Claus*). Заимствованные прецедентные тексты, главным образом, представляют собой переводы библейских текстов: история сотворения мира, братоубийства Каина, освобождения израильского народа, рождения Иисуса и т.д. Более того, на основе библейских историй и молитв в криоле были созданы 236 песен (*God im gidbala* (от англ. *God is good fellow*), *Jisas im laigim mi* (от англ. *Jesus like me*) и др.) [4].

Влияние христианского мировоззрения на традиционную картину мира аборигенов отразилось в целом ряде прецедентных явлений. Так, например, христианский религиозный образ дьявола оказался совмещен с традиционными представлениями о злых духах, обитающих в тех или иных местах Северной Территории. В языке данное явление актуализируется в виде расширения значения лексемы *debul*, обозначающей в австралийском криоле не только дьявола, но и любого злого духа (*devil; evil spirit*). В результате подобного наложения нового христианского и традиционного индигенного образов, место на дороге, где, по убеждению аборигенов, обитает злой дух, получило в криоле наименование *debul aiwei* (от англ. *devil's highway; spot on the main road at Fitzroy Crossing where a devil is said to live*) [2; 5]. Сам дух, отождествляемый аборигенами с дьяволом, называют *Redai* (от англ. *Red Eye; The devil at Devil's Highway*). Аналогичным примером является использование прототипа «дьявол» для обозначения злого духа, который, по аборигенным поверьям, носит красное платье, имеет красные волосы и красную кожу. В дефиниционной структуре имени данного существа *Redres Gel* (от англ. *red dress girl*) отражено его восприятие аборигенами как дьявола: *a devil who wears a red dress, and has red hair and red skin* [2; 5]. Таким образом, концепт *devil* послужил моделью для создания таких новых прецедентных феноменов, как *debul aiwei, Redres Gel, Redai*.

Влияние британской картины мира на традиционную аборигенную не ограничивается религиозной сферой. Англоязычная поп-культура в целом и кинофильмы в частности также стали источником образов, вошедших в сознание носителей австралийского криола. Так, в языке оказались актуализированы прецедентные имена, попавшие в криол благодаря фильмам (*Tasen* (от англ. *Tarzan*), *King Kong* и др.) и музыкальной культуре (*Elvis*, *Waltjimb Matilda* и др.). Ярчайшим примером является исполнение на криоле известной австралийской песни *Waltzing Matilda*, едва не ставшей национальным гимном [6]. Следует, однако, отметить, что заимствование прецедентных имен имеет определенные культурные ограничения, поскольку, согласно аборигенным традициям, существует табу на произнесение имен умерших. Например, в одном случае носитель криола произносит имя Элвиса Пресли, несмотря на табу: *yu garram stail laika Elvis (you sing and act like Elvis does)* [2; 5]; в другом случае то же имя было заменено субстратной лексемой *ngalk-bun*, обозначающей «dead body» (*said instead of Elvis Presley*) [2; 5]. В целом, инкорпорирование прецедентных имен реальных личностей является скорее исключением, чем правилом.

Под влиянием британской картины мира в контактную картину мира криола попадают новые мифологемы, не свойственные традиционной индигенной картине мира: *bampaiya* (от англ. *vampire*), *bewulf* или *wawulaf* (от англ. *werewolf*), *monsta* (от англ. *monster*). В последнем случае образ монстра, заимствованный из кинокартин, имеет вполне определенные черты, инкорпорированные из британской картины мира и отличающие его от аборигенных монстров (таких, как, например, баньип): большой, уродливый, похож на франкенштейна, каннибал (*known from pictures, big, ugly, frankenstein type, cannibal habits*) [2].

Таким образом, взаимовлияние индигенной и британской картин мира в рамках контактной картины мира австралийского криола на аксиоматическом уровне проявляется в заимствовании прецедентных имен и текстов, инкорпорировании британских мифологем, а также создании новых прецедентных текстов.

Список литературы

1. Николаева, О.В. Куда дрейфует «Вака»? : Монография [Текст] / О.В.Николаева. – Владивосток: Изд-во Мор.гос.ун-та, 2010. – 437с.
2. English-Kriol Dictionary [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www1.aiatsis.gov.au/aseda/docs/0739-Kriol/index.1.html>
3. Kriol [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.ethnologue.com/language/rop>
4. Kriol Song Buk. St. Matthew's Church. Ngukurr, NT. 2012. 51 p.
5. Kriol-English Dictionary [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www1.aiatsis.gov.au/aseda/docs/0739-Kriol/index.1.html>
6. Waltjim Bat Matilda [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://mudcat.org/thread.cfm?threadid=132024>

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Шевченко Е.Б.

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

В статье рассматриваются основные сферы использования и особенности употребления эвфемизмов в процессе коммуникации. На примерах автор показывает, как в качестве информационного и психологического средства они воздействуют на массы.

Ключевые слова: эвфемизм, журналистский дискурс, эвфемизмы социальной сферы, эвфемизмы экономической сферы, эвфемизмы политической сферы.

Данная статья посвящена изучению политических эвфемизмов в англоязычных печатных СМИ. Материалом исследования послужила эвфемистическая лексика и примеры ее употребления, полученные методом сплошной выборки из англоязычной прессы в частности из таких изданий как «The Times», «Independent», «Guardian», «Daily Telegraph», «Sunday Telegraph».

Как известно первый пласт эвфемизмов появился еще в древние времена, как ответ на запрет произношения определенных слов, связанных со сверхъестественными божественными силами. Позднее, в процессе развития общества, культуры и закрепления устойчивых норм поведения человека, стали появляться новые классы эвфемизмов, порожденные чувством стыда и вежливости. В современной лингвистике основной функцией эвфемизмов считается смягчение эффекта высказывания. Однако в условиях современного общества эвфемизмы стали возникать и использоваться в связи с необходимостью приукрашивания некоторых моментов действительности. Причиной тому стало развитие экономической, социальной и в особенности политической сфер жизни [2, с. 19].

Основными мотивами, которыми руководствуются при создании политических эвфемизмов, являются:

- необходимость сокрытия проблем в социальной сфере, во избежание конфликта;
- необходимость «сохранения репутации политического деятеля»;
- необходимость сокрытий действий, нарушающих права человека или разного рода аморальных поступков, во избежание осуждения общественности;
- желание избежать оскорбления субъекта с более низким социальным статусом или другой расовой принадлежности (создание политически корректной лексики);
- желание манипулировать сознанием потенциального получателя информации [1, с. 130].

Именно исследованию эвфемизмов, как одного из средств информационного и психологического воздействия на массы, и посвящена наша статья. Полученные нами примеры можно условно разделить на 3 группы согласно сферам их использования в процессе коммуникации. В нашем случае это социальная, экономическая и политическая сферы.

Наиболее частотными эвфемизмами, встреченными нами в текстах СМИ, оказались эвфемизмы политической сферы (41%). Среди них лидирующую позицию занимают эвфемизмы военной тематики: «**war**» – *peace mission, peacemaking operation, the conflict, tensions, Iraq insurgency, the fight against insurgents, the fight against global terrorism, antiterrorist operation, invasion*; «**US troops**» – *peacekeeping troops, democratic activists, coalition forces, liberation forces, supporters of democracy*; «**Iraq troops**» – *terrorists, extremists, bandits, aggressors, gunmen, raiders, insurgents*. Не менее интересны примеры эвфемизмов, используемые в сообщениях СМИ о непосредственной деятельности политиков: «**lie**» – *not factually accurate statements, controversial statements, inoperative statements, misleading information, under-reporting information, inaccurate information, truth-shading information*; «**plagiarism**» – *borrowing, adoption, sharing thoughts on ideas and language*.

Что касается примеров использования эвфемизмов в социальной сфере, то процент их использования в текстах СМИ лишь немногим уступает предыдущей группе (32,5%). Эвфемизмы социальной сферы направлены, прежде всего, на смягчение различных типов дискриминации: возрастной, имущественной, дискриминации, связанной с физическими или умственными недостатками, а также эвфемизмы, смягчающие расовую и этническую дискриминацию. Так, например: «**fat**» – *full figure, quantitatively challenged, vertically challenged, big-boned, differently sized, suffering from an eating disorder*; «**black**» – *African-American, the representative of the ethnic minority, people of colour, the member of the visible community, member of the African diaspora*; «**emigrant**» – *overseas workers, guest workers, undocumented workers*.

Достаточно часто в текстах СМИ встречаются эвфемизмы экономической сферы (26,5%). Их основной функцией является сокрытие реального положения дел в экономике отдельного предприятия или целой страны, как во избежание паники или недовольства населения, так и для получения личной выгоды заинтересованной стороны. Например: «**crisis**» – *economic challenges, traumatized global economy, economic jitters, recession, softness in the economy*; «**to dismiss**» – *to cut numbers, to have a career change, to re-engineer, to downsize, to outplace, put in the mobility pool, to make people cuts, to reduce the headcount, to make smb. economically inactive*.

Таким образом, проведенное нами исследование привело нас к заключению, что в наше время эвфемизация является неотъемлемой частью языка и играет далеко не последнюю роль в процессе информационного воздействия на сознание человека.

Список литературы

1. Чалмова, О.А. Прагматика использования производного знака в политическом дискурсе [Текст] / О.А. Чалмова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2005. Вып. 3 (47). – С. 128–132.
2. Geis, M. L. The language of politics. / M.L. Geis. – N. Y. etc.: Springer – Verlag, 2005. – 189 p.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ

Шевченко Е.Б.

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

В статье рассматриваются основные причины использования в русском языке интернационализмов, как одних из источников образования новых слов. Изучая проблему употребления и перевода интернационализмов и разделяя все языковые несоответствия на три большие группы, автор статьи приходит к выводу, что фонд интернациональных терминов науки неуклонно растёт во всех языках.

Ключевые слова: интернационализмы, лексические заимствования, семантическое расхождение, псевдоним, лексическая омонимия.

Лексические заимствования являются одним из источников образования новых слов. Их изучение позволяет проследить сложность языковых процессов, переплетение внутренних и внешних явлений в языке, воздействие последних на различные звенья языковой структуры.

Интенсивность притока новых заимствованных слов в русский язык в разные периоды различна. В зависимости от конкретных исторических условий, она либо увеличивается, либо падает. Заимствования, особенно связанные семантически с политической тематикой, в русском языке очень активно закреплялись после 17-го года (комиссар, коммуна, диктатура пролетариата). Многие политические термины, осевшие в русском языке в первые годы революции, были заимствованы из французского и восходят к эпохе Парижской коммуны.

С конца 80-х – 90-ые годы особенно сильно увеличился приток иностранных слов в русский язык в связи с изменениями в сфере политической жизни, экономики, культуры и нравственной ориентации общества. Большое место в составе заимствованной лексики занимают общеупотребительные слова из области науки, политики, культуры, искусства, известные не только в русском, но и в других европейских языках, так называемые интернационализмы.

Интернационализмы быстро и стремительно вошли в повседневную жизнь. Но их перевод вызывает некоторую трудность. Так, например, М. А. Брейтер выделяет следующие причины использования в русском языке интернационализмов:

– отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка рецептора. В словарь делового человека прочно вошли такие европеизмы как классификатор, ноутбук и его новые разновидности: аудиобук, пауэрбук, органайзер, пейджер, таймер, сканер, тюнер.

– отсутствие соответствующего (добавим – более точного) наименования (или его "проигрыш" в конкуренции с заимствованием) в языке-рецепторе. К этой группе отнесены также те заимствования, которые в силу некоторых причин (легче произносятся, короче, конкретнее по семантике)

вытеснили ранее освоенные или исконно русские языковые единицы, например прайс-лист (вместо прейскурант), имидж (вместо образ). Здесь точнее следует говорить не о вытеснении, а о перераспределении смысловых ролей: в одних ситуациях уместно употребление только европеизма (имидж работника, имидж нашего банка), в других – образ (образ Божий, зверя, царя, учителя и т. д.).

– обеспечение стилистического (эмфатического) эффекта;

– выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе [2, с. 113].

В английском и русском языках существуют слова, имеющие сходную форму и значение. Сравним, например такие слова, как *charter* и **charter**. Первое имеет русское значение – договор о перевозках чего-либо на условиях предоставления отправителю всего объема транспортного средства или его части, а английский эквивалент имеет несколько значений – договор фрахтования судна на определенный рейс, групповой туризм на зафрахтованном транспорте; а также второстепенные значения – хартия, грамота; право, привилегия. Это говорит о расхождении значений.

Наиболее частым случаем расхождения значений является несовпадение их предметно – логического содержания. Русское слово может совпадать с английским не во всех значениях, а лишь в одном – двух. Также многие английские заимствованные слова могут иметь значения, отсутствующие у русских аналогов.

По сути, все языковые несоответствия можно разделить на три большие группы [3, с. 79].

К первой относятся лексические пары, для которых характерно полное несовпадение значений, т. е. в сопоставляемых языках такие слова не имеют даже похожих значений, не говоря уже об абсолютной эквивалентности. Этот тип семантических расхождений было бы удобно рассмотреть на примере слова *палас*, которое в русском языке означает «двусторонний ковер без ворса, сотканный ручным или машинным способом». Что касается английского языка, слово **palace** означает «дворец, особняк; гостиница высшего класса».

Следующий тип расхождений включает в себя слова, которые можно назвать псевдонимами. Это те семантические единицы, для которых характерно неполное соответствие даже на уровне звуковой оболочки.

Рассмотрим слово *орден*, которое в русском означает «знак отличия разных степеней и названий за военные, трудовые заслуги». В английском языке **order** обладает рядом значений: «последовательность, порядочность, любящий порядок, причинность, условия, упорядоченность».

Наконец, третий тип объединяет лексические единицы с неполной лексической омонимией. Частичная омонимия существует между словами, значение которых не полностью эквивалентны, но в принципе соотносимы. Этот тип отношений можно проиллюстрировать на примере слова *бизнес* – «то, что является источником личного обогащения, наживы. Делать бизнес на чем-нибудь». У английского слова **business** те же значения: «коммерческое предприятие, нажива» к которым добавлено еще одно «дело».

Изучив проблему употребления и перевода интернационализмов, можно прийти к выводу, что контакты между народами неизбежно ведут к взаимодействию между их языками, а в нашу эпоху эти контакты во всем мире становятся все шире и интенсивнее. Во всех языках неуклонно растет фонд интернациональных терминов науки и культуры. В этом фонде отражается единство человеческой цивилизации, творимой трудом многих народов и воплощающий коллективный исторический опыт человечества. В современном мире ни одна страна не обходится без заимствованной лексики.

Список литературы

1. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов на Дону: Феникс, 2008. – 811 с.
2. Брейтер, М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов – русистов / М.А. Брейтер. – Владивосток: Диалог, 1998. – 210 с.
3. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 176 с.
4. Словарь иностранных слов. 25000 слов / Л. Орлова. – Минск: Харвест, 2010. – 448 с.
5. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / Отв. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 216 с.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ПРОЕКТИВНОГРАФИЧЕСКОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Дерева Р.М.

доцент кафедры рисунка, канд. иск.,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева,
Россия, г. Карачаевск

Статья посвящена новому, универсальному проективнографическому методу формообразования, заключающемуся в том, что на основе всевозможных геометрических структур, полученных в результате чтения проективнографических чертежей, имеется возможность получения орнаментальных форм различной конфигурации и преобразование их в иные формы. А также исследованию этих формотворческих и изобразительных возможностей с использованием компьютерных технологий.

Ключевые слова: проективнографическое формообразование, многогранные структуры, компьютерное преобразование, изобразительное искусство.

Интенсивное развитие науки и техники, открывшие возможности в решении задач во многих областях деятельности человека и изменившие массовое сознание, продолжает приводить к возникновению процессов активного поиска новых методов и открытий в том числе и в искусстве.

Компьютерные технологии обогатили возможности художников и дизайнеров в такой степени, которая редко достигалась средствами других наук. В изобразительном искусстве это привело к рождению новых творческих возможностей, опирающихся на сложившихся понятиях об устройстве окружающего мира и привнесений новых виртуальных фантастических образов (под влиянием новых технологий, породивших новое компьютерное мышление), частично основанных на традиционных формах выразительности.

В дизайнерской деятельности новые технологии дали возможности поиска новых форм, структурно обогащенных конструкций, новых методов формотворчества и т. д.

Перенесение в область новых технологий уже существующих методов формообразования, например, проективнографического, открывает всевозможные уникальные способы отображения и преобразования объектов в виде многогранных структур и форм производных от них, отраженных в проективнографических эпюрах.

Основоположником проективнографии является профессор В.Н. Гамаюнов, чьи фундаментальные труды внесли выдающийся вклад в проективную геометрию.

Интерес к проблемам формообразования характерен для этапов становления многих художественных стилей, именно в период интенсивного развития техники – вначале XX века – в творчестве художников-конструктивистов В. Татлина, А. Родченко, Н. Габо, В. Стенберга, К. Медунецкого, К. Иогансона, Л. Поповой, А. Веснина, Г. Клуциса, В. Степановой,

А. Лавинского, А. Экстер – позволил концепции формообразования вывести конструктивную структуру на уровень художественной формы [3].

В данном исследовании впервые рассматриваются комплекс проблем преобразования виртуальных проективнографических структур посредством компьютерного моделирования, методы формообразования трехмерных орнаментальных структур на их основе и дальнейшее преобразование этих структур в виртуальные фантастические образы. Результаты подобных преобразований могут найти свое применение в различных областях дизайнерского проектирования, виртуальные картины абстрактного, фантастического характера могут претендовать на право считаться одним из видов изобразительного искусства.

Использование в дизайн-проектировании проективнографического метода формообразования с применением компьютерных технологий позволяет решать задачи многовариантного поиска новых форм элементов объемно-пространственной среды на основе законов гармонизации в виртуальной среде.

Проективнографический метод зарекомендовал себя особо виртуозными операциями построения проективно-устойчивых конфигураций – чертежей и их эффективными показателями при создании прогрессивных конструкций и сложноорнаментальных пластических решений. Он может быть рекомендован для создания многогранных объектов симметризованного происхождения, им соответствующих гранных аналогов кривых поверхностей и их объединений [1].

Данный метод способствует расширению современных представлений о формировании предметного мира вещей, его возможном многообразии, техническом совершенстве и красоте. Квантификация пространства, которые дает проективнография, способствует возникновению самых сложных форм.

Проективнографический метод уникален и перспективен, так как обладает свойствами варибельности и возможностью развивать этот метод, используя все новые современные технические средства для реализации проектных идей. Метод формообразования и отображения, принадлежащий проективнографии, его природа происхождения наиболее близко соприкасается с комбинаторикой, с ее наиболее фундаментальной частью – методом перестановок и теорией групп симметрий. С другой стороны, метод перестановок, его групповые операции самосовмещения имеет практическое приложение в науке, искусстве и других областях деятельности человека. Такие приложения формируют в искусстве так называемые средства гармонизации – ритм, вариации, пропорции и т. п., без которых не может существовать профессиональное художественное и просто творческое выражение человека. В особенности со средствами гармонизации наиболее близко соприкасается теория математических игр, а поэтому и техническое творчество, и, в частности, дизайн [2].

Научное обоснование проективнографического метода формообразования объемных орнаментальных структур позволяет расширить диапазон творческих возможностей дизайнеров и художников в создании разнообразных объектов и образов культурно-бытовой среды.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые разработан проективнографический метод формообразования трехмерных орнаментальных структур с использованием компьютерных технологий, который обосновывает, расширяет и значительно дополняет существующие в настоящее время композиционные средства гармонизации трехмерных орнаментальных структур и в возможном их использовании для дальнейшего преобразования в различного вида объекты, образы виртуального мира.

При помощи компьютерных технологий можно получить (путем заполнения соответствующих систем плоскостей) форму любого многогранника (при соблюдении порядка соединения плоскостей, составляющих ту или иную многогранную структуру).

В компьютерном искусстве имеются несколько способов для получения нужных графических результатов:

1) художник может задать в определенной программе параметры будущего изображения и заранее не знать результата;

2) художник может использовать программирование, при котором математическим способом задается желаемое изображение, и заранее предполагать (знать) результат;

3) художник может пользоваться инструментами, имеющимися в графических программах, которые выполняют функции палитры, карандаша, бумаги, холста и т.д., при этом осуществлять традиционный визуальный контроль в процессе работы.

В данном случае в трехмерной компьютерной графике построение многогранника происходит не математическим вычислением, а последовательным соединением блоков (система плоскостей) до полного «замыкания» формы при визуальном контроле.

Дальнейшее преобразование многогранников путем продолжения граней, усечению или закруглению, приводит к новым орнаментальным формам.

Полученные таким путем геометрические модели многогранников и преобразование их в орнаментально-пространственные структуры дают возможность для дальнейшего развития этих структур в абстрактные картины виртуального мира.

Такие преобразования возможны в двухмерных графических компьютерных программах при использовании эффектов и фильтров данных программ. Разнообразии полученных таким образом неповторимых абстрактных художественных образов очень велико.

Не всякая абстрактная картина представляет интерес с профессиональной точки зрения художника (для оценки полученных результатов необходимы художественное образование, наличие пространственного мышления и художественного вкуса). Из множества разработок, попыток создать гармоничный образ приходится выбирать самые интересные с точки зрения цветовой гармонии, композиционного строя, содержательности и т. д. С опытом, многократными пробами в создании образов на основе проективнографических формообразующих деталей многогранных структур при использовании возможностей компьютерной графики заранее создается представление о конечном результате.

Список литературы

1. Гамаюнов В.Н. Картины абстрактного мира. – М.: Манускрипт, 1995. – 550 с.
2. Гамаюнов В.Н. Арт-дизайн изящных фигур. – М.: Изд-во МГОПУ, 1998. – 210 с.
3. Дерева Р.М. Дизайн трехмерных архитектурных структур: дисс. ... к. искусствоведения. М.: ВНИИТЭ, 2006, 150 с.

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА ЯПОНИИ У СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА И ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ

Евтух Т.В.

доцент кафедры психологии, кандидат псих. наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

Худяков К.С.

студент 1 курса магистратуры «Корпоративная антропология в образовании»,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

В статье рассматривается проблематика изучения и интерпретации образа/картины мира посредством исследования этой проблемы через призму культуры и ее восприятие носителями другой культуры. Именно это по нашему мнению дает понять не только широту этой темы, но и углубить ее посредством применения контент – анализа.

Ключевые слова: картина мира, репрезентация образа, ассоциативные представления, репрезентация образа, специфика образа.

В условиях быстро меняющегося мира, иногда бывает достаточно трудно отследить изменения в представлениях индивида в рамках картины / образа мира и его различных составляющих. Одна из важных составляющих образа мира – это его культура. Представления о различных культурах составляет кругозор человека, а через это понимание формируется и собственная идентичность. Кроме всего прочего, образ одной культуры в сознании представителя другой культуры бывает столь же многослоен и противоречив, как и образ одного человека в сознании другого.

В рамках психологии существует достаточное количество работ, посвященных рассмотрению картины мира и ее составляющих. Так, работы в рамках которых образ мира субъекта представляет собой целостное, интегральное, динамическое образование психики, рассматриваемое в единстве трех, неразрывно связанных общей семантической структурой компонентов: образа Я, образа Другого, обобщенного образа предметного мира, репрезентирующийся в сознании человека на логическом и образно-эмоциональном уровнях, детерминирующий восприятие субъектом окружающей действительности, регулирующий его поведение и деятельность принадлежат таким известным ученым как Г.А. Берулава, Б.М. Величковский, А.Н. Леонтьев, В.В. Петухов, С.Д. Смирнов и др. [1, с. 16].

Исследования образа мира и взаимосвязи его параметров с различными аспектами проявления человеческой индивидуальности получили развитие в работах Т.Я. Решетовой, Н.В. Фроловой, С.А.Печерской, М.М. Бериулава, О.В. Непша, Я.В. Голубовой, Н.Ю. Губановой, Ю.В.Старшикова, С.А. Щебахи, А.Г. Ивашкина и др. [2, с. 23].

Несомненная актуальность нашего исследования заключается в том, что на данный момент существует множество работ, посвященных исследованию образа Японии в отечественной культуре. Однако, данная проблема не исследовалась с использованием методологии психологической науки, хотя именно данный подход может позволить раскрыть один из механизмов возникновения образа в сознании индивида.

Кроме теоретического применения данных существует и определенная практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы: в психологии – для расширения границ понимания и подходов исследований картины/ образа мира; в рамках корпоративной антропологии – как новый подход к изучению другой культуры, в имиджелогии – как новый способ создания образа в дискурсе политических отношений, в культурологии – для подхода к пониманию репрезентации одной культуры в другой.

Исследование проводилось на базе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ) с декабря по февраль 2015 года.

Испытуемыми явились студенты ПГГПУ, общая выборка респондентов составила 90 человек, из них: 50 – женского пола и 40 – мужского. Возраст испытуемых – от 18 до 22 лет. Были опрошены студенты направления «Педагогическое образование» разных профилей: физического, физической культуры, исторического, культурологического и правоведческого. Для обработки полученных данных был использован метод контент-анализа.

В результате исследования были выявлены следующие факты.

1. Существуют различия в репрезентации образа Японии, связанные с полом респондентов:

- Мужчины обращают внимание как на внешние характеристики, присущие японцам («одежда»), так и на внутренние признаки («уникальная культура»). Таким образом, их образ многомерен, мышление направлено на проникновение в суть вещей. Что же касается женщин, то, на наш взгляд, у них более преобладают эмоциональные и метафорические компоненты образа («сакура», «страна восходящего солнца»).

- Видна несущественная разница в общем наборе ответов, однако есть разница в их распределении по группам, что, например, явно наблюдается в группах под темами «Япония» и «Культура».

- Мужские ассоциативные ряды объединяются единой категорией, в то время как женские – существуют независимо друг от друга. Возможно, это говорит о том, что мужчинам более свойственен широкий диапазон эквивалентности (по Х. Гарднеру), то есть синтетический способ переработки ин-

формации, ориентация на сходства при переработке информации, а женщинам – узкий диапазон эквивалентности, аналитический способ переработки информации, ориентация на различия при переработке информации [4, с. 68].

В целом, мы можем заключить, что, несмотря на частичную схожесть образов у мужчин и женщин, они воспринимают и считывают информацию по-разному. Следовательно, имеет место как женский образ Японии и японской культуры, так и мужской.

2. Проводя анализ по профилям обучения, мы выделили гуманитариев и не гуманитариев: у представителей обеих групп есть свои представления и ассоциативные ряды, куда и помещаются миропонимание и, в частности, видение образа Японии, как часть этого понимания.

- Количество ассоциативных представлений у гуманитариев значительно больше, чем у негуманитариев. Следовательно, у гуманитариев существует больше индивидуальных репрезентаций, представления скорее различны, в то время как у негуманитариев представления более сходны друг с другом, стереотипичны.

- У негуманитариев в ассоциациях акцент ставится больше на практическое применение знаний – «развитая страна, спортивная одежда», в то время как у гуманитариев больше описательного – «японские горы, сакура, восходящее солнце».

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что образ Японии и японской культуры у гуманитариев и не гуманитариев несколько различается. Это подтверждается и частотой ответов разной направленности, и самими ассоциативными рядами. Опять же, диаметрально противоположных образов мы не наблюдаем. Но это и закономерно, т.к. несмотря на отличия в профилях обучения, респонденты воспитывались и проживают в рамках одной культуры, хотя и черпают чаще всего знания из разных источников информации.

Подводя итог, мы должны сказать, что наша гипотеза нашла подтверждение в рамках исследования. Образ Японии имеет специфику в зависимости от пола и профиля обучения.

В целом, рассматривая все образы опрошенных как некую совокупность, можно отметить, что они дополняют друг друга, друг без друга они были бы не полны и не точны. Рассматривая все образы именно как целостность – мы можем сказать о конструкторе образа Японии в сознании студентов.

Список литературы

1. Гербачевская Н.В. Представленность проблемы "человек и общество" в социальной картине мира современной молодежи: [Текст] дис. ... канд. псих. наук / Н.В. Гербачевская. – Санкт-Петербург, 2006. – 182 с.
2. Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека: [Текст] дис. ... канд. псих. наук / С.Ю. Жданова. – Пермь, 2005. – 265с.
3. Соуксу Н.П. Влияние образа мира субъекта на структуру и содержательные характеристики самопознания: [Текст] дис. ... канд. псих. наук / Н.П. Соуксу. - Сочи, 2006. – 192 с.

РУССКИЕ КУПЦЫ И «НОВЫЕ РУССКИЕ»: ОБЩЕЕ БЕЗ ОСОБЕННОГО

Никольская А.А.

соискатель кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

В статье сравниваются образы купцов в русской литературе XIX века с образами «новых русских» в российской культуре конца XX века (литература и кинематограф). У этих групп персонажей много общего: они воспринимаются творческими людьми настроенно и скорее негативно. Можно сказать, что «новые русские» унаследовали от купцов многие внешние характеристики, однако, к сожалению, их внутренний мир так и остался нераскрытым.

Ключевые слова: культура, предприниматель, предпринимательство, «новые русские», купцы, литература, социально-культурная среда.

Купец в русской литературе и художественной культуре – это не просто человек, который занимается предпринимательской деятельностью, но и участник социальной жизни общества, у которого есть типичные и свойственные только ему устойчивые нравственно-поведенческие признаки. В массовой художественной культуре постсоветской и современной России образ предпринимателя очень размыт, собственно, как размыто и само понятие «деловой человек» в постсоветской экономике. Владелец небольшого магазинчика и целой сети магазинов, банкир и менеджер высшего звена, содержатель притона и генеральный директор крупного завода – все они обозначаются как «предприниматели». «Предпринимателем», а чаще «бизнесменом» называют любого человека, который задействован в негосударственном секторе экономики. Некоторые бизнесмены попадали одновременно и в категорию «новых русских», то есть тех, кто смог добиться материального благополучия в новой жизни.

Какими же предстают купцы и «новые русские» в художественной культуре? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, найти общее и особенное в их изображении, имеет смысл сопоставить следующие моменты:

- в каких исторических условиях появились подобные герои в художественной культуре и, в частности, в литературе;
- на что обращается особое внимание при описании внешности персонажей;
- каким образом раскрывается внутренний мир и особенности менталитета таких представителей общества;
- как сами авторы произведений оценивают созданных ими персонажей.

В русской классической литературе купец не частый персонаж. До конца 18 века купцы встречались на страницах литературных произведений крайне редко. Чаще всего они появлялись в комедиях или шуточных рассказах

зах, сюжет которых обычно представлял авантюрную комедию, а антураж создавался за счет изображения купеческого быта. И в большинстве случаев купцы показывались лишь как мошенники, а наиболее смешные и яркие моменты представляли собой утрированные характерные черты купеческого быта – традиционный уклад жизни, необразованность, бескультурье. И лишь во второй половине 19 века образ купца начинает чаще появляться в художественной культуре и литературе. Появляются первые попытки отобразить и осмыслить социальную роль и менталитет, поведение, мышление людей, занимающихся предпринимательством и торговлей. Но все же неизменным остается набор стереотипных штампов, используемых для характеристики купцов: необразованный, грубый, не брезгующий обманом.

«Новый русский» в русском культурном пространстве появился лишь в 1990-е гг., вместе с новой эпохой в истории страны. Образ этот был скорее обобщенным: в категорию «новых русских» попадали и успешные бизнесмены, и крупные мошенники, и представители организованных преступных группировок. Всех их объединяла очевидная устроенность в реалиях новой жизни, достигнутая в подавляющем большинстве случаев не совсем легальным путем (а значит, по умолчанию, за счет других людей).

Каким же предстают эти персонажи в художественной культуре? Как их «знакомят» со своими читателями авторы?

Описанию внешнего вида купцов уделялось очень много внимания, и часто внешний вид так и оставался основной характеристикой таких персонажей. Это были «шляпа, борода, крутое брюхо и сапоги», как в романе И.А. Гончарова «Обрыв». Практически идентично выглядят и другие образы купцов, даже созданные в разное время разными писателями и художниками: персонажи Н.А. Некрасова и даже герои живописных полотен, как, например, на картине В.Г. Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом». Симптоматично, что эта характеристика основана на приеме метонимии – в авторском сознании обязательные внешние признаки подчас замещают самого человека.

Спустя почти два века «новые русские» также воспринимаются через призму материальных категорий. И одежда также играет важную роль в их образе. Часто героя показывают в бедном советском прошлом и «удавшемся настоящем», а необходимым условием перехода из одного статуса в другой является процесс внешнего превращения. Когда герой «Бандитского Петербурга» пытается сопротивляться такого рода изменениям и говорит, что костюм боевика (цепь, черная куртка) не для него, ему объясняют, что теперь это его рабочая одежда. Но в отличие от нарочито «приземленных» купцов, эти персонажи имеют мало общего с реальным миром. Они живут в собственной реальности, созданной писателями и художниками специально для них: они пьют гипертрофированное дорогое вино («мартини по пятьсот долларов за порцию») и распоряжаются нереально большими суммами денег (пятнадцать тысяч долларов – «неконтролируемая мелочь с кредитной карты») и т.д.

Описанием одной внешности сложно создать глубокий образ, поэтому внутренний мир персонажей не менее интересен, чем описание их манеры одеваться или говорить.

В этом плане купцам «повезло». Внутренний мир купеческой среды, их нравы и характеры более остальных русских писателей изучил А.Н. Островский. К слову, также яркие образы купцов и предпринимателей встречаются в творчестве Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, П.Н. Мельникова-Печерского, Г. Успенского и других.

Нельзя сказать, что, например, А.Н. Островский воспринимал купечество как явление крайне негативное: среди его героев-купцов достаточно часто встречаются нейтральные и положительные герои (Краснов из «Грех да беда на кого не живет», Прибытков из «Последней жертвы» и т.д.). Однако уже в первом серьезном произведении драматурга, посвященном теме купечества, пьесе "Свои люди – сочтемся", большинство действующих лица: купец, его дочь, стряпчий, приказчик, сваха – герои скорее отрицательные, чем положительные. В основе же сюжета – история мошенничества и обмана.

А.Н. Островский не ставит своей целью исследовать саму предпринимательскую и деловую активность своих героев, в центре его внимания находятся именно поведение и этика человека. Тем не менее, когда драматург посвящает зрителя в процесс ведения дел и накопления капиталов, то очень часто речь идет об обмане (подложные письма в «Волках и овцах», сомнительная процедура передачи денег в «Лесе», обман рабочих в «Грозе»). Обман и жульничество показаны как естественная и органичная часть жизни героев. И если у Островского эпизоды с обманом и мошенничеством все-таки описываются как явления неправильные и требующие жесткой критики, то у многих писателей 19 века различные махинации и незаконные способы преумножения богатства описываются как обыденная купеческая деятельность. Русская художественная литература показывает процесс возникновения того или иного «дела», его постепенного становления, расцвета, зачастую падения. Причем на всех стадиях своего развития это "дело" изображается, как правило, однозначно: оно пронизано насквозь все тем же мошенничеством и обманом. Хрептюгин из «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина начинает свою карьеру с воровства в кабаке, а в конце концов он становится владельцем кабаков во всей губернии. Главный герой поэмы И.С. Никитина «Кулак» «из голи перекаточной» становится богачом, ограбив приютившего его лавочника. Других вариантов закладки серьезного "дела" русские писатели практически не предлагают. Зачастую характеристика «купец» становится синонимом таким словам, как «мошенник», «плут», «обманщик» и даже «преступник».

Идея о том, что честный труд и богатство – вещи несовместимые, нашла свое отражение и в художественной культуре 1990-х гг. Несмотря на то, что предприниматели и бизнесмены стали появляться в качестве персонажей художественных произведений все чаще и чаще, положительных героев среди них было откровенно мало. А среди «новых русских» их не было совсем. Редкие положительные персонажи – мелкие бизнесмены – выступали

как раз в роли антиподов преступных «новорусских» воротил. В 1990-е гг. пытаются различными способами легализоваться и интегрироваться в экономическую жизнь страны люди, раньше занятые в секторе так называемой «теневой экономики» – «теневики», «фарцовщики», «цеховики», спекулянты и т.д. Художественное сознание по-своему отражало и осмысляло этот процесс, включая в понятие «предприниматель» как откровенно криминальные элементы, так и тех, кто балансировал на грани закона. И, к сожалению, описание деятельности «новых русских» в подавляющем большинстве случаев было поверхностным, «контурным», а сами герои – эпизодическими.

Этические принципы жизни и деятельности любого персонажа – важный ключ к раскрытию авторского замысла в целом. Ведь через поступки героев и их оценку автор высказывает свое личное отношение и подводит к нему своего читателя или зрителя.

Одна из важнейших этических характеристик купца в литературе XIX века – это жизненный принцип, что «каждая вещь имеет свою цену», который распространяется не только и не столько на товар или неодушевленные предметы, сколько на живых людей. Кнуров и Вожеватов из «Бесприданницы» А.Н. Островского разыгрывают в орлянку Ларису, которую, опять же ради денег, предал Паратов. Успешные и удачливые купцы не способны на яркие чувства или страсть. Даже положительный герой Фрол Федулыч Прибытков (герой «Последней жертвы») в делах семейных и богоугодных, то есть далеких от дела, руководствуется в первую очередь логикой и расчетом. В некоторых случаях солидное состояние (что примечательно, добытое не честным трудом) может превращать купца в самодура, бесчинствующего и унижающего окружающих.

Нигде, пожалуй, «темнота» купечества не воспроизводилась русскими писателями так однозначно, как в сфере бытовой и семейной жизни. Сам термин «темное царство» появился в связи с драмой Островского «Гроза», посвященной исключительно этой теме. Главной приметой традиционной купеческой семьи становится безоговорочная патриархальность и сохранение домостроевского уклада. Часто это принимает крайние формы, когда вся жизнь сводится в формальному соблюдению условных норм, в ряде случаев, не имеющих под собой какой-либо адекватной основы. Невежество и бездуховность становятся еще одним характерным признаком купечества в русской литературе. Купеческий досуг также порицался творческой интеллигенцией. Сохраняя верность создаваемым ими художественным образам, писатели неизбежно приводили своих героев к дикому разврату, а затем, нередко, – к такому же дикому покаянию. Появляется некий формат поведения купца-грабителя, которого духовный разврат толкает к физическому, а ощущение своей гнусности заставляет надрывно каяться. Сцены разврата в литературе конца XIX – начала XX веков вообще начинают выходить на первый план: описания различных способов наживы, столь популярные раньше, очевидно, становятся будничными и прозаичными.

В конце XX века мир «новых русских» еще более неоднозначен и амбивалентен. С одной стороны, в отличие от купцов века XIX, то, что их

окружает в рамках досуга, поражает и вызывает едва ли не зависть: это красивые помещения, изысканные рестораны, дорогие курорты, ухоженные садики и бассейны – то есть всё то, что делает повседневную жизнь по-своему «эпикурейской». С другой стороны, все, что связано с их условным «работчим» процессом, представляет собой криминальное закулирье, наполненное пытками, насилием и жестокостью. При этом внутренний мир большинства «новых русских» сводится к действиям подчеркнуто на уровне рефлексов или даже инстинктов: уничтожить того, кто слабее тебя, сделаться сильнее того, кто сильнее тебя. Нормы поведения, которые традиционно регулировались моралью или этикой, у «новых русских» определяются произвольными и малозначительными факторами. Например, любовниц на один вечер они выбирают по покрою платья.

Таким образом, постепенно начинает складываться условный и схематичный образ нувориша, который неправдоподобно богат, но настолько же невежествен, глуп и недалек. Образ его жизни необычайно привлекателен с материальной точки зрения, но его внутренний мир невнятен, схематичен и нарочито упрощен, а нравы представлены в виде нарочито отталкивающей «правды жизни» с мафиозными нравами, «разборками», заказными убийствами, пытками и т.д.

Какими же в итоге предстают купцы и «новые русские»? Какова их роль в по мысли авторы? Какие идеи они помогают раскрыть?

В литературе XIX века полно и последовательно нашло свое отражение отношение образованного общества к купеческому сословию. Мир купечества, изображенный в русской литературе, открыто называют «темным царством», метафорой введенной Н.А. Добролюбовым, и эта метафора имеет право на существование. Примечательно, но в подходе к теме купечества и даже в выборе изобразительных средств русские писатели были очень схожи друг с другом, создавая цельный и едва ли не монолитный образ «темного царства»: начиная от «Грозы» А.Н. Островского и заканчивая «Вассой Железновой» М. Горького. Русские писатели XIX века создали в своих произведениях удивительно цельную картину «темного царства». Все стороны жизни купечества, изображаемого ими, – деловая, семейная, эмоционально-психологическая – оказываются подчинены идее наживы, проникнуты лицемерием и ханжеством, консервативны и бездуховны. В результате перед читателями на протяжении практически целого века возникал один и тот же, причем, весьма неприглядный, образ грабителя, ханжи и домашнего деспота. К сожалению, подобное отношение сохранилось в русской культуре и к типу буржуазного предпринимателя. По сути, в русской художественной литературе так и не был создан яркий положительный образ купца – организатора производства, деятельного благотворителя, сознательного гражданина или просто последовательно доброго, честного, привлекательного человека. Деловой мир часто предстает в русской литературе как конфликтная и конкурентная среда, по своей природе, по своим законам располагающая человека к нарушению нравственных норм. Хозяйственная деятельность, в особенности предпринимательство, являются своего рода «зоной риска», где мирская

суета, погоня за прибылью легко приводят к забвению подлинных духовных добродетелей, а богатство всегда таит опасность гибели.

В конце века XX писатели и художники также не жалуют и «новых русских», и предпринимателей вообще. В основном, это связано с тем, что и те, и другие напрямую ассоциируются с новым капиталистическим укладом жизни страны, становятся его своеобразной метафорой. И, надо сказать, творческая интеллигенция 1990-х гг. очень часто не принимала этот новый уклад, считая его неправильным и «разлагающим».

Кто-то (как, например, В. Тучков в своем цикле рассказов «Смерть приходит по Интернету») откровенно говорит, что его не интересует реальная жизнь настоящих людей. Он создает собственную художественную реальность, которую наполняет персонажами, созданными из собственных представлений и, как это ни парадоксально, образов купцов из русской классической литературы. Он позиционирует свои произведения как инструмент внутренней самопроверки читателя. Принятие или отторжение читателем условной «правды» в этих рассказах показывает, насколько общество готово принять и претворить в жизнь новые нормы морали, появившиеся вместе с новым экономическим и социальным строем общества. Сам же автор, впрочем, не говоря об этом открыто, категорически не приемлет новую жизнь. Похожим образом подводят своего читателя или зрителя к идее отторжения идеалов российского капитализма и другие авторы (серия фильмов «Любить по-русски», «На изломах» А. Солженицына и т.д.).

И спустя столетие подобное отношение к тем, кто задействован в негосударственном секторе экономике, оставалось прежним. Творческая интеллигенция не восприняла новый уклад жизни. Свою роль в этом сыграла и экономическая ситуация в стране, и общий упадок культуры того периода, и... те морально-этические принципы, которые положительно оценивались уже в русской литературе XIX века и на основе которых воспитывалось несколько поколений.

«Новые русские», с одной стороны, стали полноценными преемниками купцов XIX века. Во-первых, их деятельность и их занятия вызывают настроенное и скорее негативное отношение у творческих людей. Во-вторых, недостаток опыта личного общения с прототипами персонажей, который мог бы послужить основой для создания образа «нового русского», авторы компенсировали своим опытом литературным – многие черты «новых русских» конца XX века были позаимствованы из русской классической литературы и очевидно перекликаются с образами купцов.

Но с другой стороны, «новые русские» более оторваны от реальных прототипов, чем в свое время купцы. Купцы занимали свою отдельную нишу в образном ряду русской классической литературы. Их мир был в чем-то замкнут и лишь ближе к началу XX века появились первые произведения, показывающие взаимодействия купечества с представителями других сословий (например, «Вишневы сад» А.П. Чехова). «Новые русские» же сразу попали в один ряд с проститутками, бомжами, алкоголиками и другими язвами общества. Сами по себе они не интересны авторам, их мира просто не существует. «Новые

русские» в большинстве случаев – «технические» персонажи, марионетки, помогающие авторам реализовать свой замысел. Физиологические очерки тяжелой жизни 1990-х гг., борьбы за существование и подчас элементарное выживание, с детальным описанием физиологических страданий, пыток и унижений, завораживали и одновременно отвращали зрителей и читателей. На другом же «полюсе жизни» находился «новый русский». Материально-телесная избыточность его образа находила отражение в подробном описании удовлетворения плотских желаний: пиры в ресторанах, сексуальные оргии, безвкусная роскошь, неумеренность и отсутствие границ во всем. Но под материальной оболочкой не было внутреннего мира персонажей. Их образы не выходили за рамки описания их внешности и образа жизни.

Итак, в XIX в. купечество в русской литературе олицетворяло собой образ жизни и мышления, в центре которого стоял материальный достаток, его получение, сохранение и преумножение. Русские писатели на примере купцов планомерно показывали, что отсутствие жизни духовной, внутренней работы над собой пагубно и может привести к печальным последствиям, а чрезмерная заинтересованность в богатстве грозит гибелью духовной.

В конце века XX-го в русской культуре появляются преемники купцов – так называемые «новые русские». От своих предшественников эти персонажи переняли большую часть внешних признаков: в первую очередь, материальное благополучие, а также склонность к приобретению своих богатств нечестным, а чаще всего откровенно преступным путем. Но если внутренний мир купцов и их жизнь, пусть и под определенным углом зрения, но показывались писателями, то «новые русские» так и остались персонажами, у которых есть «внешняя оболочка», но полностью отсутствует внутренний мир. Авторы используют образы «новых русских» в качестве символов капиталистической России и для демонстрации своего личного отношения к новому строю жизни. Они не ставят перед собой задачу изучить и показать внутренний мир тех, кто воспринял капиталистические ценности и смог добиться благополучия в новой жизни. Авторы показывают свое личное отношение (и чаще всего это неприятие) к новой жизни через символы новой жизни. Таким образом, «новые русские» не получают даже шанса стать полноценными персонажами русской культуры конца XX века, оставаясь лишь концентрацией представлений и стереотипов.

Список литературы

1. Зарубина Н.Н. Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX века // Общественный науки и современность. – 2003. – № 1.
2. Козлова Т.В. «Новые русские»: понятие и дискурс. // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
3. Липовецкий М.Н. Растратные стратегии, или Метаморфозы «чернухи». // Новый мир. – 1999. – №11.
4. Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых структур): диссертация д-ра филол наук. Саратов, 2006.
5. Образ предпринимателя в Новой России. М., ЦПТ, 1998.
6. Русская литература XX века. Под ред. С.И. Тиминой. М., 2011.

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА АУГУСТА ЯНСЕНА В КОНТЕКСТЕ ЭСТОНСКОГО ИСКУССТВА 20 ВЕКА

Орлова Н.В.

аспирант кафедры искусствоведения,
Гуманитарный университет профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург

Статья раскрывает особенности живописной техники в произведениях эстонского художника Аугуста Янсена. Янсен являлся выпускником Петербургской Академии Художеств, основу его творчества составляют портреты и пейзажи. Произведения художника легко узнаваемы. Интенсивное чувство цвета, живое дыхание и линейный рост в его работах производят прекрасное впечатление благодаря мотиву и лирическому колориту. На их создание его вдохновляла суровая Эстонская природа, любовь к своему дому и желание поделится красотой родного края. Его работам присущи своеобразный колорит, линейно-декоративная манера, четкая проработка формы.

Ключевые слова: Аугуст Янсен, эстонский художник, пейзаж, линейно-декоративная манера, живописная манера, декоративность, импрессионизм, светлый колорит, природа, ритм, динамика изображения, настроение, эмоциональное звучание, композиция.

В октябре 2015 года исполнится 134 года со дня рождения эстонского художника Аугуста Янсена, чья художественная и организаторская деятельность продолжалась на протяжении почти полувека и ставила определенный след в эстонской художественной жизни. Трудно переоценить энергию художника, проявившуюся в обширной творческой, педагогической и организаторской деятельности. Неуспокоенность и своеобразная артистичность, свойственные натуре художника, составили основу его творчества [2, с. 54]. В то же время его искусство оставалось открытым и восприимчивым для разнообразных стилистических влияний и изысканий.

Искусство Аугуста Янсена формировалось в сфере русской художественной школы [1, с. 14]. Четырнадцать лет учебы в Петербургской школе Общества Художеств и в Петербургской Академии Художеств под руководством педагогов Д.Кардовского и Я.Ционглинского, а также влияние творчества учивших в Петербурге эстонских художников П.Арена, Р.Нюмана, и др. [5, с. 25] дают возможность соотнести творческие особенности художника с общей картиной русского искусства того времени. От педагогов А. Янсен унаследовал ту свободу и непринужденность, которые были свойственны методу обучения Д. Кардовского, поддерживавшего в учениках полет фантазии и индивидуальность стремлений, от Я.Ционглинского он научился максимально выявлять колористические возможности картины [7, с. 36]. С другой стороны бытовавшее в академическом обучении требование обобщенной передачи вещей нередко вело к поверхностной трактовке образов, являлось важнейшим препятствием в их глубинном раскрытии [8, с. 5].

Русское искусство начала двадцатого века вобрало в себя те стилистические направления, которые были свойственны западноевропейскому искусству на грани веков. Одновременно сосуществовали и переплетались вли-

яния реализма, импрессионизма, стиля модерн и символизма. Некоторые элементы названных стилей использовал и Аугуст Янсен, комбинируя стилиевые возможности различных течений [4, с. 62]. Известная ограниченность дарования способствовало несколько эклектическому и поверхностному восприятию художественного языка этих течений. Лучше всего художнику удалось объединение в своем творчестве черт реализма и импрессионизма, свидетельством чего может служить ранний портрет Марии Сеппойс (1910 год) [8, с. 74].

Первые годы самостоятельной творческой деятельности (начиная с 1913 года) сопровождаются повышенным интересом к стилю модерн и национально-романтическому стилю («Охота на лебедей» 1915-1916 и др.) [3, с. 78]. В этих полотнах можно увидеть свойственную стилю модерн эстетизацию реальности, нарочитое использование эффекта силуэта, условность колорита и свободную трактовку линии. Повышенная яркость цвета и приближающееся к геометрическому четкое построение композиции, свидетельствовали о такой степени декоративности, которой он не достигал никогда позднее.

По сравнению с влияниями петербургской школы, впечатления, полученные от поездок за границу почти не оставили следа в его творчестве. Тем не менее путешествие в 1924 году в Италию всколыхнуло творческие силы художника, в результате этой поездки им были созданы красочные пейзажи и самые экстравагантные портреты. Осенью 1924 года Янсен впервые экспонировал «Автопортрет», в несколько вызывающей трактовке которого чувствуется воздействие напряженной творческой атмосферы эстонского искусства 1920-х годов [5, с. 86].

Влечение к стилизации наблюдается еще в нескольких пейзажах 1920-х годов («Сельский вид вечером» 1926). В них, по словам критика, он сделал шаг «от декоративно-поверхностной пестроты к колориту, строящему форму и пространство». Янсен, как правило, не передает мотив непосредственно с природы, а старается театрализовать пейзажные виды, используя подчеркнута яркие, пламенные тона. Однако нередко он пишет также пейзажи в более строгом, умеренном колорите («Зимний пейзаж» ок.1925), солнечные «Домик Петра в Кадриорге» (1926) и «Пейзаж с дачей» (1927) – работы, которые доказывают, что в его творческом арсенале наряду с разносторонней тематикой имеются различные стилистические и технические средства [7, с. 67]. Постепенно, с годами, творчество художника приобретает большую искренность и близость к природе, отражая тенденцию, свойственную всей эстонской живописи 1930-х годов.

Со второй половины 1920-х годов Янсен является активным организатором эстонской художественной жизни. Он получает от государства заказы на произведения монументальной живописи, в связи с этим резко возрастает ангажированность его искусства. Одним из первых эстонских художников Янсен берется за создание больших многофигурных композиций. Свойственная его творчеству декоративная направленность пригодилась ему в этой работе. Достоинство оценивая заслуги Янсена как первого художника обративше-

гося к созданию композиционной живописи, следует однако отметить его техническую беспомощность в передаче фигур [8, с. 92].

В 1930 годы художник в своих творческих стремлениях становится более уравновешенным и цельным. Созданные в этот период пейзажи и портреты являются наиболее ценными произведениями в его творческом наследии. К числу последних принадлежит созданный уже в 1929 году «Девочка в соломенной шляпе» («Портрет дочери»), в котором умело акцентирован цвет, подчеркивающий чистоту и миловидность детского лица [7, с. 102]. Доказательством обостренного интереса к проблеме цвета являются портреты К. Рауда (1933), А. Адамсон (1933) и др. Свет, направленный на фигуры, дает сильно моделирующий эффект. Ясный контур, подчеркивающий силуэт, в сочетании с умеренной красочностью становятся специфическими признаками «янсенской» манеры живописи, в которой еще в 1930-е годы проявляется некоторое влияние модерна [1, с. 48].

Портреты А. Янсена этого десятилетия характеризуются двумя различными подходами в передаче модели. С одной стороны – меланхолическая задумчивость и замкнутость выражения в портретах близких ему людей («Портрет сестры художника Иоанны» 1935), с другой стороны – салонная элегантность в портретах парадного характера, характерным примером среди которых может служить «Портрет Т. Кяэрика» (1938) [2, с. 75]. Последняя манера превращается в штамп в многочисленных портретах 1940-х годов, в которых изображенное лицо-маска нередко противоречит индивидуальным особенностям характера портретируемого. Обычно художник предпочитал в своих портретах нейтральные фоны, но иногда он удачно связывал портрет с пейзажем. Интересной является в этом смысле работа «Девушка на окне» (1938), имеющая общие черты с русской импрессионистической живописью.

Одаренность и своеобразие таланта Янсена наилучшим образом проявляется в его пейзажах. На смену ярких цветовых вспышек в пейзажах 1920-х годов приходят пейзажи более непосредственного характера [3, с. 108]. Прежняя субъективность в трактовке мотива сменяется искренним общением с натурой, в результате чего в картине убедительно выявляются как художественный, так и этический подход к природе. Дача семьи Янсен в Пыллкюла стала своего рода творческой базой художника в создании многочисленных пейзажей. В результате работы над пейзажами Пыллкюла Янсен выработал живописную манеру, базирующуюся на свободном и ясном штрихе («Речной пейзаж с лодкой» 1936-1939).

В 1940-50 годах живописная манера Янсена меняется мало. В эти годы рождаются тонкие по настроению «Осенний пейзаж» и «Весенний пейзаж», исполненные в прозрачных чистых тонах. Художник и раньше любил повторять дорогие ему мотивы, теперь Янсен пишет несколько связанных друг с другом композиций с видами хуторов Мику и Лаури.

Последней работой Аугуста Янсена на пленэре был «Пейзаж со скирдами» (1955), достойно увенчавший его плодотворную творческую деятельность.

Список литературы

1. Исаков С. Г. Русская культура в Эстонии / С.Г. Исаков. – Таллинн, 1997. – 320 с.
2. Поок Э. Искусство постимпрессионизма / Э.Поок. – Тарту, 1997. – 325 с.:ил.
3. Урбель Т. Художники Эстонии/ Т.Урбель. – Таллинн, 1981. – 123 с.:ил.
4. Kruus A. August Jansen / A . Kruus. – Tallinn, 1975. – 190 с.
5. Allas A. Kumu. Kunst elab siin/ A. Allas. – Tartus, 2005. – 310 с.
6. Eesti noukogude kunstnike liit nsvlkunstifondi eesti vabariiklik osako n. Eesti nsv teenelise kunstitegelase, eesti nsv rahvakunstniku. August Janseni, 1956. – 16 с.
7. Loodus R. Eesti Kunstielu kroonika / R. Loodus. – Tallinn, 1976. – 140 с.
8. Soonpaa L. Eesti kunst / L. Soonpaa. 1956. – 123 с.

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЯПОНИИ

Худяков К.С.

студент 1 курса магистратуры «Корпоративная антропология в образовании»,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

В статье рассматривается проблематика изучения и интерпретации образа Японии в отечественной культуре, посредством ее визуального представления через документальный фильм. Заявленная нами тема, весьма интересна при изучении образа Японии и японской культуры не только через призму психологии, визуальной антропологии, но и чрезвычайно важна в культурологии.

Ключевые слова: визуальный источник, казуальная атрибуция, образ культуры, визуальная антропология, уникальный образ.

Характерной чертой присущей культурологическому знанию на нынешнем этапе, является внимание к визуальным источникам. По мнению исследователей современной гуманитаристики, имеет место визуальный «поворот», данный американским критиком У.Митчеллом.

Мы живем в визуальной культуре и зримые образы являются центральными элементами современной жизни. Визуальный образ страны и народа, можно воссоздавать с помощью кинематографа. В качестве примера мы возьмем фильм под названием «Другая жизнь. Япония. Иная цивилизация» [3], выпущенный телерадиокомпанией «Афонтово» в 2009 году. Режиссером и автором этого проекта является Андрей Гришаков.

В этом фильме отражены многие аспекты жизни Японии. Сам фильм разбит на несколько блоков, посвященных каждый своей теме, и перед каждым блоком непременно звучит японская поэзия, что позволяет погрузиться в культуру не только визуально, но и через слух. Темы различны и охватывают такие области как: продажа автомобилей, боевые искусства, тюнинг, изобразительное искусство.

Рассмотрим этот фильм в контексте методологических подходов визуальной антропологии. Е.В. Александров, ведущий научный сотрудник и заведующий лабораторией Центра новых информационных технологий МГУ им. Ломоносова и руководитель общественного Центра визуальной

антропологии МГУ (ЦВА МГУ), в своей монографии говорит о том, что визуальный антрополог, как правило, не ориентируется на съемку только одного фильма посвященного конкретной проблеме, а ставит перед собой цель широкого многоаспектного отображения жизнепроявлений культурного сообщества [1, с.5].

Визуальная антропология, использующая весь арсенал современных средств информации, возможности экранного искусства и достижения современной науки о человеке, представляется одним из самых действенных способов профилактики как межнациональных конфликтов. Сохранение образов малоизвестных и исчезающих культур, выявление их своеобразия и общечеловеческой сущности, осуществление диалога между представителями разобщенных миров – на этот широкий спектр гуманитарных целей и задач ориентирована визуальная антропология. И продолжая мысль, Е.В.Александров утверждает, что «главная особенность визуальной антропологии, вытекающая из сверхзадачи осуществления диалога культур, – роль посредника между теми, кого снимают и кому показывают снятое» [1, с.23].

Итак, фильм начинается словами: «...Расскажи обо мне, ты же видела как я уплывал в страну островов, Японию...». И уже начальными кадрами автор погружает нас в мир Японии. Идут кадры, снятые скрытой камерой, так как открытая съемка запрещена. Далее идут различные панорамные съемки и знакомство с людьми, которые помогают Андрей Гришакову. Со стороны японцев помогает господин Фудзияма, городской архитектор.

Зрителю не просто показывают какие-то определенные обычаи или интересные места, какие бы он увидел сидя в кресле экскурсионного автобуса. Камера создает впечатление, будто ты сам находишься рядом со всем происходящим.

Одна из главных задач визуальной антропологии – быть посредником. Не линзой, преломляющей некоторую реальность, но непосредственным носителем информации.

Каждый сюжет как отдельная история, касающаяся в тоже время важных сторон жизни. Зритель видит, как удивительна панорама рисовых полей, над которыми стоят опоры высокоскоростных железных дорог. Япония – это страна компактности. Даже жилища у них маленькие и тесные, но лишь со стороны западной цивилизации. Для японцев это в порядке вещей, и камера фиксирует это спокойствие, и понимание того, что надо делить землю, традиционно отданную под рис, с новыми технологиями постройки жилых домов.

Личное мнение ни как не проявляется. Камера лишь фиксирует и передает нам, то есть зрителю, то что он хочет видеть. Конечно, можно сказать, что мы видим только то, куда смотрит камера, но при этом не наблюдается никакой постановки.

Благодаря всему вышесказанному через фильм создается некий образ японцев и их культуры, а также ощущение непосредственного общения с ними писателей, журналистов и просто туристов. Так как образ создается непо-

средственно в общении и взаимодействии, то мы можем здесь применить социально-психологический контекст.

Социальная психология изучает закономерности поведения, деятельности и общения людей, обусловленные их включением в социальные группы, а также психологические черты самих этих групп.

Также в рамках социальной психологии изучаются традиции, обычаев, морали, нравов и т.д. Изучается общение как многоуровневый и многоплановый процесс. В этом аспекте выделяют социальную перцепцию общения, то есть «образное восприятие человека (ом) себя, других людей и социальных явлений окружающего мира» [2, с.123]. Е.В. Андриенко, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, в своей работе «Социальная психология», так говорит о создании образа: «Образ как результат и форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека выступает важнейшим ключевым условием восприятия» [2, с. 132].

Механизмов создания образов достаточное количество, но нас больше интересует механизм казуальной атрибуции. Также, по Е.В. Андриенко «механизм казуальной атрибуции связан с приписыванием человеку причин поведения. Каждый человек имеет громадное количество представлений о других людях и образах, которые формировались не только в результате встреч с конкретными людьми, но также под влиянием разнообразных художественных источников» [2, с. 153].

То есть после просмотра фильма о Японии у человека начнется процесс казуальной атрибуции, он создаст образ и впоследствии будет судить о японцах по этому образу

Этот образ уникален и неповторим, он может быть отрицательным или положительным по отношению к японской культуре. Суть заключается в том, что у каждого этот самый образ – свой. Эти образы как бы дополняют друг друга и создают нечто цельное и в тоже время мозаичное. Дело в том, что даже сейчас в условиях современного мира, у нас нет цельного представления о ком-либо, эти образы не конечны. Они постоянно дополняются новой информацией, под новым углом.

Мы получаем информацию из разных источников, но даже не всегда видим и понимаем именно то, что хочет сказать или показать автор.

В контексте визуальной антропологии данный фильм мы можем представить как специфический способ визуальной коммуникации. Камера не просто зафиксировала существующую культуру, она создала направленность в настоящее и будущее, как бы сконструировала образы, способные выйти за границы экрана.

Зачастую мы неправильно воспринимаем информацию, и в условиях современного мира, это может привести к различного рода конфликтам. Именно данное направление интерпретирует визуальность в формах истолкованиях микроконтекстов повседневной жизни другой страны и ее форм культуры.

Список литературы

1. Александров Е.В. «Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии», М. 2003, С.35.
2. Андриенко Е.В. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под. ред. В.А. Слостенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. С. 167.
3. Документальный фильм «Другая жизнь. Япония. Иная цивилизация». Телерадиокомпания Афонтово, 2009 год, режиссер и автор Антон Гришаков.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам VI Международной научно-практической
конференции

г. Белгород, 30 сентября 2015 г.

В десяти частях
Часть V

Подписано в печать 09.10.2015. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ 180
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а